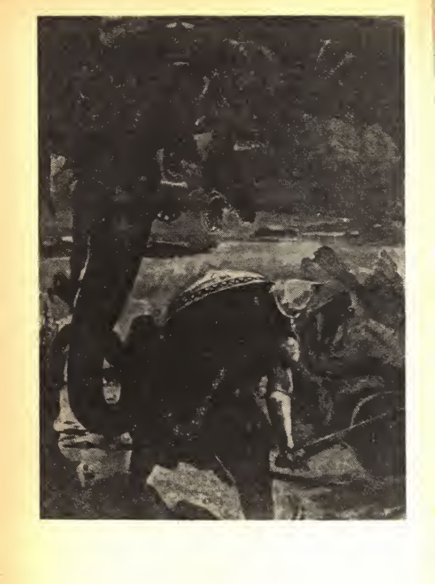
АНАТОЛИЙ
ЧЛЕНОВ

ПО СЛЕДАМ ДОБРЫНИ

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

АНАТОЛИЙ ЧЛЕНОВ

ПО СЛЕДАМ ДОБРЫНИ

Москва
«Физкультура и спорт»
1986

ББК 75.81
Ч-74

Рецензент — член-корреспондент АН УССР,
доктор исторических наук, профессор Ф. П. ШЕВЧЕНКО

Членов А. М.

Ч-74 По следам Добрыни /Предисл. Ф. П. Шевченко. — М.: Физкультура и спорт, 1986. — 287 с., ил. — (Необыкновенные путешествия).

Автор книги, журналист, знаток древней русской истории, действительный член Географического общества СССР, рассказывает о своих путешествиях по местам, где в X веке жил и действовал Добрыня — прототип героя русских былин Добрыни Никитича, реально существовавший человек, совершавший ратные подвиги во славу родной земли.

Для широкого круга читателей.

Ч $\frac{4202010000—111}{009(01)—86}$ 150—86

ББК 75.81
7А6.1

Предисловие

Эта книга посвящена путешествию в далекий X в. — по следам Добрыни — видного деятеля Киевской Руси, общей колыбели русского, украинского и белорусского народов. Исторический Добрыня — прототип былинного богатыря Добрыни Никитича. И не просто прототип: во множестве былинных эпизодов и сведений Добрыня Никитич — одно лицо с историческим Добрыней, дядей, воспитателем, руководителем и соратником великого князя Владимира I. Это тождество известно в исторической науке с начала XIX в., а с его середины — и общепризнанно.

Гораздо менее известно, что Добрыня — сын князя Мала Древлянского. Это важное для всей истории Киевской Руси открытие было сделано еще в 1864 г. русским историком Д. И. Прозоровским, но потом по ряду причин забыто и восстановлено в правах только в 1971 г. А. М. Членовым в статье «Древлянское происхождение князя Владимира», опубликованной в «Украинском историческом журнале». Автор построил на нем свою древлянскую теорию, развитую им затем в ряде научных и популярных статей, — теорию о выдающейся роли Древлянской земли и Древлянского княжеского рода в истории всей Русской державы. Эта теория легла и в основу книги «По следам Добрыни», которую можно считать вкладом в разработку проблем истории Киевской Руси. Одновременно это вообще первый опыт пространной биографии Добрыни.

Для решения своей задачи автор, кроме письменных источников (количество которых весьма ограничено), обратился к фольклорным, археологическим, архитектурным, ономастическим и др., сопоставляя их данные. Подчеркну прежде всего роль источников фольклорных.

Народ — подлинный творец истории. Она нашла свое отражение в былинах, думах, исторических песнях, ле-

гендах. В устиом иародиом творчестве выразительно показываются жизиеиный опыт, мудрость и устремлеиия народных масс, их отношение к событиям и явлениям общественной жизии. С древнейших времен фольклор — постоянный спутник исторического процесса.

Своеобразиые летописи в художественной форме — это былины. Несмотря иа аиахроиизмы, они сохранили характерные картины жизни народа определенного периода истории. К сожалению, историки редко прибегают к фольклориым источникам (требующим при использовании в историческом плаие квалифицированиого анализа), уступив изучение их без особых научных оснований фольклористам. А те, в свою очередь, зачастую не уделяют должного внимания историческим сведениям, содержащимся в устных источниках, ие рассматривают их в комплексе со сведеииями источииков письменных и археологических.

Между тем советской иаукой (академики Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков) сделан принципиально важный шаг в классовой оцеике былины. Оиа расценивается как народный, устиый учебиик родиой истории — в отличие от учебника феодального, письмеиного, каким подчас является летопись. Такой подход позволил не только верно опозиать ряд былиниых персоиажей, но и увидеть многих исторических деятелей Киевской Руси в более реальном свете.

Имеиио по такому пути пошел в своем исследоваиии А. М. Членов, стремясь восстановить с возможно большей полиотой и рельефностью личиость и деятельиость Добрыни. Вполие закономерно, что автор при этом широко использовал метод и иаходки академика Б. А. Рыбакова (как и его предшественников, дореволюциоиных историков и фольклористов, касавшихся этого круга тем).

Одиако автор книги не ограиичился лишь привлечением былии и местиых предаиий украииского Полесья. В поле его исследований оказались различные ветви оиомастики: и топонимика — наука о географических иазваниях, и антропонимика — о личных именах, и этноиимика — о наименованиях народов и племеи, и теоиимика — об именах богов. Это расширило круг источииков, ведь в именах князей, в названиях различных населенных пунктов и государственных образований, народов и их божеств запечатлена важиая историческая информация, след подчас сложного переплетеиия исто-

рических событий. И методическое привлечение данных ономастики значительно обогатило исследование судеб не только Добрыни и Древлянского дома, но и Русской державы в целом, и даже ее международных связей.

Безусловное достоинство книги «По следам Добрыни» в том, что события, происходившие в Киевской Руси, рассматриваются в связи и в аналогиях с теми, которые происходили в других странах. А. М. Членов устанавливает и подчеркивает также связь времен, перекличку событий давно минувших с новейшими. В этом плане существенна и антиваряжская заостренность древлянской теории автора, ибо домыслы о мнимой цивилизаторской роли варягов на Руси до сих пор служат оружием в арсенале наших зарубежных недругов.

Принципиально ценным в путешествии автора в русский X в. было посещение местностей, имевших отношение к Добрыне, к его судьбе и деятельности, изучение их, своеобразное моделирование событий тех времен в конкретных условиях обстановки. В результате таких посещений широкий круг первоисточников и надлежащее их научное использование позволили автору обосновать свои утверждения и выводы о былинном богатыре Добрыне Никитиче как реальном деятеле Киевской Руси, о характере его деятельности и заслугах перед отечественной историей.

Метод путешествий по следам героя, по местам событий принципиально интересен для туристов, увлекающихся родной историей. Конечно, осмысление наблюдений, добытых в таких походах, требует основательных научных знаний. Но краеведческие наблюдения туристов могут не только обогатить их самих, но и дать материал для науки. Путешествие по следам Добрыни послужит в этом отношении добрым примером, побудит к путешествиям по следам других героев Древней Руси и других краев нашей Советской Родины.

В книге «По следам Добрыни» объединяются научное, литературно-художественное и публицистическое начало в изложении материала, во многом нового и достаточно сложного. Фигура Добрыни Древлянского на страницах этой книги впервые встала во весь свой поистине богатырский рост.

Естественно, в первом опыте подробной реконструкции жизненного пути, политической программы и подвигов Добрыни что-то удалось установить твердо, а что-то высказать гипотетически. Но, как писал академик

Б. Д. Греков, о важнейших вопросах политической жизни Киевской Руси историки «спорили всегда, спорят сейчас, и едва ли полная ясность когда-либо придет на смену более или менее обоснованным гипотезам... Сбивчивость данных, какими располагаем, открывает простор для построений на разные лады». Понятно, что всякое введение новых данных в круг источников следует приветствовать, а научная полемика является делом нормальным. Что именно из точек зрения, высказанных в книге «По следам Добрыни», будет принято, покажет будущее. Во всяком случае, предложенная А. М. Членовым реконструкция биографии Добрыни, роли и судеб Древлянского дома выдержана строго логично. Вся она построена, как я уже упоминал, на прочном основании открытия Д. И. Прозоровским наличия Древлянской династии — и многие события впервые получают в свете древлянской теории А. М. Членова вполне обстоятельное объяснение.

В заключение следует еще раз подчеркнуть значительность самой фигуры Добрыни. Этот замечательный человек не случайно оказался в числе главных героев Владимирова цикла былин, одним из любимых воплощений древнерусского богатырства. Патриотические традиции героической эпохи Владимира Красно Солнышко, которую академик Б. А. Рыбаков назвал «былинным временем Руси», никогда не умирали в народе, они жили в продолжение целого тысячелетия. Эти традиции глубоко созвучны советскому патриотизму, и интерес к X в. — ключевому периоду нашей истории — не угасает как в нашей стране, так и за рубежом.

Ф. П. Шевченко,
член-корреспондент АН УССР,
доктор исторических наук,
профессор

Солдат 1941-го, капитан 1945-го посвящает эту книгу героям 945-го и 980-го годов

От автора

Книга эта не случайно издана в серии «Необыкновенные путешествия». Она сродни плаваниям наших современников Тура Хейердала и Тима Северина *по следам* мореплавателей древности. Их путешествия по маршруту, например, Тики или Брендана предпринимались с целью исследования далеких эпох и выяснения научной истины.

Героев Хейердала и Северина советский читатель теперь хорошо знает (недаром некоторые их книги изданы в той же серии «Необыкновенные путешествия»). Все они — герои, так сказать, экзотические. Это индейцы Южной Америки и древние греки, арабские купцы или ирландские монахи. Я же предпринял путешествие по следам *русского* человека, деятеля *отечественной* истории.

Мой герой — летописный Добрыня. Его фигуру наука заметила давно и сопоставлением летописных и былинных данных о нем занимается уже не первое столетие. Но по следам Добрыни поехал я первый — после того как мне посчастливилось восстановить в правах одно забытое открытие прошлого века, речь о котором впереди.

Эта книга — путешествие в пространстве. Прочитав ее, каждый может сам побывать в местах, связанных с биографией Добрыни, проехать по его следам, так сказать, проложить туристский маршрут.

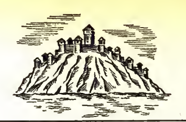
Предупреждаю сразу — путешествие будет долгим. Следы Добрыни запечатлены на карте нашей Родины от ее севера и до юга. Они есть и в таких знаменитых городах, как Киев и Новгород. Но и в таких местах, мало посещаемых туристами, как, например, поселок

Любеч, город Коростень на Уже и села Коростынь на Ильмень-озере и Белогородка под Киевом.

Путешествие по следам Добрыни не ограничится одними древнерусскими городами. Оно поведет читателя в былинную эстскую Колывань (нынешний Таллин), в булгарскую столицу Биляр возле Камы (в районе нынешнего Чистополя)... Впрочем, пересказывать весь маршрут путешествия заранее незачем.

Но книга — это и путешествие во времени. Я поведу читателя в полный загадок мир Киевской Руси да и в мир исследований историков. В Русь языческую — с совершенно непривычной читателю системой обычаев и законов, верований и общественного устройства. Но при этом, вопреки стойким предрассудкам (не говоря уже о клевете), вовсе не в темную и отсталую страну, ждущую «света» извне, от варягов или из Византии, а, напротив, в страну с высокой самобытной культурой и государственностью, проникнутыми духом русского патриотизма. В великую державу, в страну свободолюбивую и передовую в тогдашней Европе.

Итак, в дорогу! Надеюсь, путешествие окажется интересным.

Книга первая
На родине Добрыни

Глава 1
В дорогу!

Герой картин Васнецова. Зеленый семиглавый Змей уперся хвостом в землю, а крыльями затмил небо. Страшные когти рассекают воздух, готовые сжаться в смертоносной хватке. Оскаленные пасти голов нависли над воином в красном плаще. Уже корчится на земле, сраженный ударом злобного чудища, верный конь. Но отважный богатырь закован под плащом в броню, голову его защищает шлем, а от ближайшей змеиной пасти — щит. И он занес для удара свой меч, уже обагренный змеиной кровью. Отсечена одна из голов чудища, будут отсечены в жестокой битве и другие...

Кто же тот богатырь, сражающийся не на жизнь, а на смерть с драконом? Это — Добрыня Никитич. Я стою перед картиной кисти великого русского художника Виктора Михайловича Васнецова. Стою в его мастерской в доме-музее в тихом московском переулке возле Самотечной площади, который носит теперь имя художника. Картина называется «Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змеем Горынычем». Она написана в 1918 году, когда землю нашей страны топтали полчища кайзера Вильгельма.

Есть у Васнецова и другая картина. Пожалуй, самая знаменитая изо всех его картин. Она написана в этой же мастерской, но висит не здесь, а в Третьяковской галерее. Висит по праву, как один из шедевров русской живописи.

Богатырская застава на границе леса и степи стережет покой русской земли. Сказочной силой веет от фигур воинов и их коней. Нерушимой стеной встает застава на пути любого захватчика.

Не найдется, пожалуй, в стране человека, который не знал бы этой картины, не знал бы имен ее героев, трех богатырей. Один из них — тот же Добрыня Никитич. Он сидит на могучем белом коне, схватившись за булатный меч, весь олицетворенная готовность русского народа постоять за Отчизну, воплощение его богатырской силы, разума и доблести.

Васнецов был передвижником, художником направления, на знамени которого был написан девиз «Реализм, национальность, народность». Именно за это творчество передвижников подвергается в наши дни ожесточенным нападкам различных антисоветчиков. Злобное шипение их вызывает и картина «Богатыри». Ей ставят в вину «отсталый вкус» (то есть ее реализм) и «консервативный национализм» (то есть русский патриотизм художника). Они лицемерно оплакивают ее популярность у советского зрителя, которую считают чрезвычайно вредной.

Картина Васнецова действительно проникнута непоколебимым русским патриотизмом. И за это она действительно снискала любовь народа. Недаром неустанный пропагандист творчества передвижников В. В. Стасов восторженно приветствовал ее появление на Передвижной выставке в 1898 году, заявив, что «в русской живописи «Богатыри» занимают одно из первейших мест», что в картине воплощена «вся сила и могучая мощь русского народа»[1].

Действительно, «Богатыри» служили всенародному чувству русского патриотизма! И я, офицер-разведчик с тремя годами фронта за спиной, кончавший Великую Отечественную войну в Германии, на развалинах гитлеровской империи, отлично помню, чему служили «Богатыри» в те грозные годы. Репродукции этой картины висели во фронтовых блиндажах, а силуэты васнецовских богатырей появлялись во фронтовых газетах, и в них нередко вписывались силуэты советских воинов. Они действительно напоминали о непобедимости русского оружия, если на Русь нападут. Вот каким проявился тогда пафос «Богатырей»!

Как видим, картина эта вызывала и продолжает вызывать и восторг, и бешеную злобу. Она хрестоматийна, но вокруг нее кипели и кипят страсти. Не случайно ее образы вдохновляли воинов на фронтах Великой Оте-

---

[1] В. В. Стасов. Избранные сочинения, т. 3, М., 1952, с. 265, 266.

чественной войны. Не случайно она восхищает миллионы зрителей и сегодня.

И одним из героев ее является Добрыня Никитич. Миллионы знают эту фигуру в том облике, в котором воплотила Добрыню вдохновенная кисть Васнецова в «Богатырях». Художник не раз возвращался к образу Добрыни Никитича, он — один из любимых геров его творчества. И на картине, где он сражается с семиглавым Змеем, он снова в том же шлеме, что в «Богатырях». Зритель может его узнать, хотя и не видит здесь его лица.

Я покидаю мастерскую Васнецова с благоговейным чувством — и с глубоким волнением. Ибо я отправляюсь в поездку на родину Добрыни Никитича.

Мифический персонаж? «То есть как — на родину?! — слышу я голос читателя. — Какая же у Добрыни Никитича может быть родина, если и самого-то его в помине не было? Вот же в книжке, изданной и переизданной в Москве, черным по белому написано: «...друг Ильи Муромца, мифический Добрыня Никитич»[1]. Книжка вышла в авторитетной серии «Дороги к прекрасному». А раз мифический, так о чем говорить? Разве можно, к примеру, поехать на место поединка со Змеем Горынычем?»

Действительно, в книге Цапенко сказано ясно: *мифический...* Формулу эту или близкую можно встретить и в других не столь давних книгах или в популярных журналах. Тезис этот преподносится в столь категоричной форме, что кажется не требующим доказательств. И если этот тезис справедлив, то мне было бы действительно некуда и незачем ездить. Разве что «на родину мифа».

Да, такой взгляд на былины как на народные сказки, широко распространен, для многих даже привычен. А между тем я еду вовсе не в волшебную сказку. Науке давным-давно известно, что былинные персонажи как категория вовсе не мифичны (хотя среди них, разумеется, попадаются и вымышленные фигуры). И еду я отнюдь не на родину мифа, а на родину Добрыни Никитича. Не персонажа, выдуманного Васнецовым или сказителями былин, а реально существовавшего человека.

[1] М. П. Цапенко. По равнинам Десны и Сейма. Изд. 2-е. М., 1970, с. 137.

Сказка или учебник родной истории? Почему же утверждения о мнфичностн Добрыин Ннкитнча н вообще русских богатырей так распространеиы? Причииа, виднимо, в том, что многие наивно убеждены: любой былинный персоиаж, будь он Змей, Кащей или богатырь, непременно личиость выдуманная. Между тем дело обстонт ие совсем так.

Недоразуменне основано, вероятно, на том, что в былинах пронсходят чудеса. Но чудеса, гиперболизация н другне условиости — черты, органнчески присущне эпосу как жаиру. Эпосу всех времен н иародов. А русская былина как литературный памятник, бесспорио, прииадлежит к эпическому жанру.

Так, в «Илиаде» рядом с людьми сражаются гречеcкне боги, а в «Рамаяне» — царь обезьян со свонм войском. В полинезийском эпосе мореплаватели Океанин выуживают из волн морских острова. А в Библин море расступается, став стеной по правую н стеиой по левую стороиу, чтобы пропустнть н оградить народ, выходящий нз рабства на свободу. Сасунские богатырн рождаются на свет ие от отца, а от чудесного нсточника, летают по небу на крылатом коне, убивают самого халифа Мсра-Мелика. Чудеса родият эпос с мифологией и со сказкой. Тем не менее это разные литературные жанры. И различие нх весьма существеиио.

Разумеется, прннимать все чудеса на веру в том внде, как они описаиы в эпических сказаниях, нелепо. Вместе с тем в *эпосе* (в отличие от сказки н мифологни) это отнюдь не один лншь чистый вымысел. Это узоры, расшитые иародной фантазней на канве *реальных событий.*

Остаиовлюсь в этой связи иа примере из круга лнтературиых памятников братской семьи советских народов. Конечно, нн один армянский богатырь не рождался путем непорочного зачатня, не летал на крылатом коне и не убнвал своей рукой могучего халифа. Но геронческая борьба (вековая борьба) Арменнн протнв нга Халифата, душившего десятки народов от Франции н до Индин, — разве оиа вымысел? И потому «Давид Сасунский», при всех свонх чудесах, вовсе не сборник волшебных сказок, а осмысленне борьбы за независимость Армеиии, сделаниое в поэтической форме, по законам эпоса. Это бесцеиное наследие армянского иарода, могучая духовная снла. Статуя Давнда Сасунского, воздвигнутая в столице Советской Армеиин, статуя армяи-

ского всадника, взмахнувшего своим волшебным мечом, славит прежде всего патриотизм и свободолюбие армянского народа. И сам эпос этот вернее сравнивать не с расшитым узорным платком, а с непобедимым боевым мечом.

Так что же такое русская былина, если она не волшебная сказка? Видный советский историк и археолог лауреат Ленинской премии академик Б. А. Рыбаков дает былине диаметрально противоположное определение: *«устный учебник родной истории»*.

Сказанное вовсе не означает, будто в таком учебнике нет чудес, гиперболизации, других эпических условностей. Общим закономерностям жанра былина, естественно, повинуется. Но за чудесами, троекратными повторами и прочими признаками жанра надо уметь видеть события русской истории. И тезис Рыбакова означает не просто, что эти события нашли в былинах свое отражение, а то, что былины слагались в первую очередь именно ради фиксации в народном сознании и памяти этих событий. Иными словами, русская былина, подобно армянскому эпосу, не сказка, а боевой меч народа.

Нет, я еду не в волшебную сказку. Я еду в отечественную историю!

Владимиров цикл былин. Русские былины повествуют о событиях и людях разных эпох, разных столетий (вплоть до татарского нашествия). Это в результате долгого изучения выяснила историческая наука. Но центральное место занимает в русской былине знаменитый Владимиров цикл, названный так потому, что воспевает богатырей, служивших киевскому князю Владимиру Красно Солнышко. Воспевает подвиги своеобразных рыцарей круглого стола князя Владимира.

Фигуры, подобные эпическому Владимиру, бывают и легендарными. Так, об историчности английского короля Артура, при дворе которого будто бы собирались рыцари круглого стола, идут многовековые споры. Однако относительно былинного Владимира никаких сомнений в науке давно не существует. Это действительно князь, действительно имя его было Владимир. Былинный Владимир идентичен с историческим Владимиром I, Владимиром Святославичем. Он княжил в Новгороде с 970, а в Киеве с 980 по 1015 год.

Академик Рыбаков так и называет его эпоху — *былинным временем Руси*. Он пишет: «Народ не пожалел

поэтических красок на изображение князя-защитника, воспевая, по существу, в лице Владимировых богатырей самого себя — тот русский народ, который стоял на Суле и на Стугне, ограждая Русь от степняков... Русский былинный эпос, повествуя о делах всего народа, олицетворял народ в отдельных богатырях»[1].

Да, Владимировы богатыри служили олицетворением русского народа! Именно эта черта их облика позволила в годы Великой Отечественной войны так звучать картине Васнецова, превратив их образы и силуэты в воплощение русского патриотизма. Образы Владимировых богатырей стали благодаря его вдохновенной кисти на фронтах 1941—1945 годов боевым мечом народа, ибо боевым мечом русского народа была (что Васнецов превосходно знал) и сама былина.

Элемент *олицетворения русского народа*, разумеется, существенный компонент васнецовской картины. И как читатель только что прочел у Рыбакова, этот элемент не привнесен Васнецовым, а восходит к самой былине. Но это не все, что Рыбаков говорит о Владимировом цикле былин, и в частности о Добрыне. Так, касаясь долгой борьбы против печенегов, он пишет: «Вся плодородная лесостепь, густо покрытая русскими деревнями и городами, была обращена к степям, была открыта внезапным набегам кочевников... Каждый набег приводил к сожжению сел, уничтожению полей, угону населения в рабство. Поэтому оборона от печенегов была не только государственным, но и общенародным делом, понятным и близким всем слоям общества. И естественно, что князь, сумевший возглавить эту оборону, должен был стать народным героем, действия которого воспевались в народных эпических сказаниях — былинах... Народ создал целые циклы былин о князе Владимире Красно Солнышко, о Добрыне, об Илье Муромце... и о крепких заставах богатырских, охранявших Киевскую Русь от «силушки поганой». Как устный учебник родной истории, пронес народ торжественные и величественные напевы былин через тысячу лет»[2].

Неужели учебник истории может быть построен сплошь на мифических персонажах? Ведь Владимир Красно Солнышко не вымышленное лицо. Так, может быть, и Добрыня Никитич — фигура историческая?

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, с. 62.
[2] История СССР, т. I. М., 1966, с. 496—497 и 500.

Тот же Рыбаков пишет об этом с полной определенностью: «Научная традиция уже более ста лет считает Добрыню, сына Малка Любечанина, прототипом былинного Добрыни Никитича»[1].

Заслуга Васнецова перед памятью Добрыни колоссальна — десятки миллионов людей знают и помнят его именно благодаря Васнецову. Но сейчас мы расстаемся с васнецовскими картинами. Я отправляюсь в долгую поездку по следам *исторического* Добрыни, то есть реального человека.

Добрыня летописный и былинный. Когда же он жил? Летопись упоминает Добрыню как видного деятеля русской истории в конце X века. Тем самым определяется и хронологический адрес моего путешествия.

Но значит ли это, что в поездке по следам Добрыни мы должны расстаться не только с васнецовскими картинами (они, конечно, не исторический источник), но и с былиной? Нет, не значит, ибо в былине, как подчеркивает Рыбаков, мы встречаем Добрыню как раз среди главных героев Владимирова цикла. И в науке нет сомнения, что в целом ряде былинных эпизодов Добрыня Никитич — *одно лицо* с Добрыней летописным.

Разумеется, есть в былине и другие эпизоды, где такого тождества нет. Они возникли уже по законам эпического жанра. Так, Алеша Попович никогда не воровал жены у Добрыни да и не был его боевым товарищем по той простой причине, что победитель былинного Змея Тугарина — половецкого хана Тугоркана 1096 года — никак не мог быть современником Добрыни. Тех былинных сведений, где Добрыня Никитич не идентичен летописному Добрыне, просто касаться не буду. Поэтому и никаких «трех богатырей» в моей книге не будет — я еду по следам одного только Добрыни. К сведениям же, где былинный Добрыня идентичен летописному, я вслед за другими учеными буду прибегать, они — ценный источник для науки. И таких сведений имеется много.

И дело не просто в том, что в былине сохранились для науки кое-какие дополнительные сведения о людях и событиях, отсутствующие случайно в летописи. Тот же Рыбаков резко подчеркивает *классовую природу былин*:

«Былины — это как бы устный учебник родной ис-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 63.

тории, сложенный самим народом; он может сходиться с официальным изложением истории, но может и резко расходиться с придворными летописцами. Для нас очень важны народные оценки тех или иных явлений и событий, которые мы находим в былинной эпической поэзии, так как это единственный способ услышать голос народа о том, что происходило тысячу лет назад»[1].

Действительно, сведения устного учебника родной истории, *сложенного самим народом*, могут не совпадать со сведениями письменного, т. е. летописи. И так как летопись по классовой природе есть учебник *феодальный*, то в ее данные, по мнению Рыбакова, *надо вносить коррективы по былине*.

Устное существование былины дало ей возможность избегнуть княжеской и церковной цензур. Правда, еще бытует представление, будто летопись и есть народный учебник родной истории, не зависимый от князей. Летописи писались будто бы в тиши монашеской кельи, беспристрастными отшельниками или некими мудрыми старцами, носителями народного духа и хранителями истины. К сожалению, взгляд этот неверен. Еще крупнейший дореволюционный знаток русского летописания академик А. А. Шахматов писал: «Рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника... рукой летописца управляли страсти и мирские интересы»[2]. К тому же наука установила, что летописцами этими на Руси X—XII веков были преимущественно князья, бояре, епископы, игумены, словом, высшая знать.

Взгляд на летопись как на народный учебник истории порожден просто незнанием того, что сделано *наукой*. На самом же деле зеркалом народной оценки событий и исторических деятелей была вовсе не летопись, а как раз *былина*.

Владимиров цикл былин имеет поэтому чрезвычайную важность — он первый развернутый памятник проявления русского национального самосознания. И одновременно *первый развернутый памятник русской литературы*. Он сложен еще в X веке, на целое столетие старше летописи (дошедшей до нас в версии XI и в ре-

---

[1] История СССР, т. I, с. 645.
[2] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пг., 1916, с. XVI.

дакциях начала XII века). Естественно, его информацией о Добрыне пренебречь нельзя.

Сын Малко Любечанина. Итак, я еду в X век. Таков мой хронологический адрес. Наш герой — реальный человек, живший в X веке и зафиксированный как в русских летописях (добавлю, киевских и новгородских), так и в былинах. Как уже было сказано, он сын некоего Малко Любечанина, человека, судя по летописи, ничем не примечательного: кроме имени, о нем в летописи не говорится ровно ничего. Зато в ней кое-что говорится о сестре Добрыни. Ее звали Малуша. Она была одно время княжеской ключницей. И потом стала матерью князя Владимира.

Малко Любечанин... А что это, собственно, значит — Любечанин? В живом разговорном русском языке такого слова сегодня нет. А между тем оно дает и географический адрес поездки на родину Добрыни. В летописные времена слово «любечанин» было на Руси общеизвестным и значило — житель русского города Любеча.

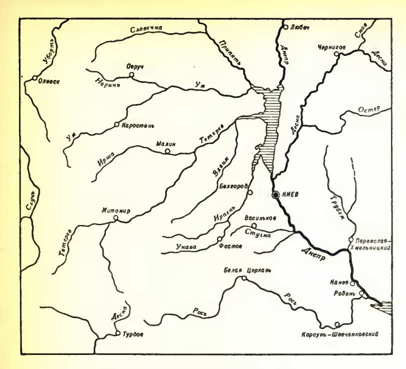
Сейчас города Любеча нет. А на географической карте вы найдете одноименный поселок городского типа. Стоит он на восточном берегу Днепра, в Черниговской области УССР. Но тысячу лет назад Любеч был городом. Он часто упоминается в летописях. Впервые — еще в IX веке, в статье 882 года. А так как под этим годом говорится о взятии Любеча, он, несомненно, существовал еще раньше. В ту седую старину Любеч знали на Руси, ибо он был важной стратегической крепостью на Днепре, ключом к Киеву с севера.

Итак, ехать на родину Добрыни — значит прежде всего ехать в Любеч.

Глава 2
Любеч

Любечский замок. Сегодняшний Любеч не город и даже не районный центр, а всего лишь поселок Репкинского района на Черниговщине. Что поделаешь, тысячу лет жизнь шла своим чередом, вырастали новые города, а иные древние теряли значение. Так безвестные Репки переросли двенадцативековой Любеч...

Но Любеч знаменит не только древностью своего упоминания, но и своим замком. И главная достопримечательность Любеча сегодня — Замковая гора. На ней

Арена событий, описываемых в книге первой
(на современной карте)

четыре сезона вела раскопки большая археологическая экспедиция академика Рыбакова. По раскопкам удалось установить, как выглядел Любечский замок в XI—XII веках, сделать его реконструкцию.

Теперь изображение Любечского замка — дивного деревянного строения с полутора десятками башен, с внутренними дворами, с четырехъярусным донжоном, главной башней, и трехъярусным княжеским дворцом, с подъемным мостом — украшает суперобложку первого тома академической «Истории СССР». А самому замку посвящена в этом томе специальная главка (единственное здание, удостоившееся подобной чести).

Все, кто приезжает в Любеч, просят провести их на Замковую гору. Раскопанная экспедицией Рыбакова, она была снова засыпана и теперь поросла травой. С ее плоской вершины открывается чудесный вид на Днепр и Заднепровье. Как на ладони видны и Любечские озера.

На них в начале XI века произошло «Ледовое побоище».

Вершина Замковой горы пуста. Превратности веков сделали свое: в княжеских усобицах, в иноземных нашествиях замок был стерт с лица земли. Но какой твердыней он был, видишь и снизу, когда подходишь к Замковой горе, и сверху. Со всех сторон склоны уходят вниз на 60—70 градусов. Откосы умело эскарпированы (стесаны). Киевская Русь великолепно владела искусством фортификации. Любечский замок был почти неприступным.

Меряю площадку Замковой горы. 60 шагов на 160. Это вся площадка (такой она была и в XII веке), а внутренние дворы — и того меньше. Узнику, попавшему в княжеский замок, простора для прогулок было бы мало.

Но когда же были стесаны склоны Замковой горы? Ведь история Любечского замка начинается задолго до XII века. Пусть он был менее внушителен, но стоял здесь и столетиями раньше, ведь его приходилось брать с боя еще в IX веке. А склоны стесывали, чего доброго, и еще раньше: неприступным старались, наверное, сделать тут самый первый замок, выстроенный в бог весть какой глубине веков. Командная высота, ключевая крепость...

Ключ к Киеву. Так вот какой он, Любеч, навеки связанный с именем Добрыни! Я гляжу с Замковой горы вниз и думаю о том, что происходило здесь в X веке.

Узник Любеча. Однажды к Любечской пристани причалила ладья: она привезла в замок узника. Это было в 946 году. Его велено было бдительно стеречь — узник был опасный.

Строжайшее заключение. 60 шагов на 160. Нет, это было уже в XII веке. И не во внутреннем дворе. А сколько же шагов для узника было в X веке? 20 на 60? Или еще меньше? Кто знает... И так долгих десять лет.

Что же сделал узник Любеча, если ему (и даже его детям) пришлось испытать столь долгое рабство? О, узник был действительно опасен: он поднял восстание против власти варяжских узурпаторов, завладевших киевским престолом, уложил на поле боя грозную варяжскую гвардию государя и взял его самого в плен. Он предал этого князя-волка (как именует его летопись, даже не пытаясь выгородить) позорной казни. Притом казнен князь-волк был по приговору земельной думы как губитель и притеснитель народа. Государь, каз-

ненный подобным образом, был не кто иной, как сын самого Рюрика — основателя Варяжской династии!

Потом победитель потребовал корону державы. Дума его земли (ее звали Древлянской) выдвинула серьезнейшую политическую и конституционную теорию: князья-варяги вели себя как хищные волки, а истинный княжеский долг в том, чтобы быть князем-пастухом, править на благо народа. А его послы гордо говорили в Киеве о преступной политике казненного угнетателя и всего Варяжского дома и о том, что в их, Древлянской, земле царит образцовый порядок, ибо ее князья «распасли» свою землю.

Гражданская война в державе продолжалась целый год. Варяжская династия едва уцелела, да и то лишь потому, что дальновидная вдова казненного государя круто переложила руль с варяжской политики на славянскую. Но военное счастье переменчиво: претендент на корону оказался в плену и был заключен в Любечский замок.

Казнить окруженного славой народного героя, защитника древних славянских вольностей, борца против варяжского деспотизма, его победительница сочла политически неразумным. Она страшилась за прочность престола своего мальчика-сына. И потому приказала стеречь пленника в оба глаза, но смотреть, чтобы, Перун упаси, он не умер, чтобы в этой смерти не винили Варяжский княжеский дом.

А вдруг ему все-таки удастся бежать из плена? Вдруг его сумеют освободить? На этот случай княгиня заручилась сильным козырем: его детей она не заточила вместе с ним в Любечский замок, а предпочла держать при себе. Заложниками за отца.

Десять лет сын и дочь узника Любеча проводят в рабстве, при княжеском дворе в Киеве и Вышгороде, за нарочито унизительной работой — скрести коней и мыть посуду, потом прислуживать в горнице и у ворот, наконец, считать чужую казну и ведать чужими амбарами. Медленные милости княгини: все же золото считать — не то, что чужие конюшни вычищать. Десять лет рабства — с 946 по 955 год...

Жестокая школа. Но она не сломит, а лишь закалит юношу. И, возмужав, сын узника Любеча пройдет с победой всю Русскую державу из края в край, от северной границы до южной. Всюду его будут встречать как освободителя, всюду при его появлении будут вспыхивать

народные восстания против угнетателей. В свою родную землю он прндет, добыв в жены, как полагается сказочному герою, королевскую дочь. Он сметет с путн всех варяжскнх фаворнтов и ставленников очередного князя-волка, государя-братоубнйцы. Он опрокинет его трон н водрузит отцовское знамя над стольным Кневом. Знамя русской свободы. Знамя победы. Знамя 945 года — заветное Древлянское знамя!

«Да это звучит, как волшебная сказка», — слышу я голос читателя. Нет, это быль. Это произошло в 980 году. И победитель 980 года возведет на престол державы сына своей сестры. И вдвоем сын и внук узника Любеча «распасут» согласно древлянской конституционной теорин уже не одну землю, а всю Русскую державу. Онн наведут в ней образцовый порядок, какого не было здесь никогда раньше и не будет за всю эпоху феодализма никогда позже.

Они поведут небывалую полнтику: внук узнника Любеча, став государем Руси, демонстративно рассчитает варяжскую дружнну н станет возводить простолюдинов-славян за подвиги в бояре. Он сделает ставку не на гвардию из иноземцев, а на вооружённый и политическн полноправный народ, на вольных вечннков, русскнх богатырей. Он доверит важнейшне посты в державе своеобразному «мужицкому боярству».

Так было на самом деле. Одержать победу в этой тяжелой борьбе н закрепнть ее можно было только оружием свободного русского селянина н свободного русского горожанина. Имена людей «мужицкого боярства» прославятся далеко за пределамн Руси, они сохранятся не только в русской, но н в зарубежной лнтературе, их почетные погребения будут показывать еще века спустя. Это не сказка н не народная мечта. Это патриотнческая полнтика сына и внука узнника Любеча. Политика, унаследованная нмн от отца и деда.

Их стараниямн будет построена система союзов с ближнимн и дальними соседями, у Руси появятся надежные союзники на трех границах, и она сможет, наконец, перейтн в контрнаступление на четвертой, печенежской. Сын и внук узника Любеча укрепят эту смертельно опасную печенежскую границу (которую Варяжскнй дом преступно оставил обнаженной), окружнв Киев и Южную Русь пятью поясамн крепостей, богатырских застав.

И в благодарной памятн народа их нмена, воспетые

и прославленные в неподкупном устном учебнике родной истории, засияют на века — через голову бессчетных последующих князей, обычных феодальных властителей.

Он жил в далеком X веке, сын узника Любеча. Но имя его, пережив целое тысячелетие, известно и сегодня. Это Добрыня Никитич! А внука узника Любеча зовут Владимир Красно Солнышко.

Ну, а имя самого узника Любеча — Малко Любечанин! Тот самый ничем не примечательный Малко Любечанин, о котором летопись не знает ничего, кроме имени...

Рабство Добрыни и Малуши. Ошеломляющая перспектива развертывается перед зрителем с вершины Замковой горы Любеча. Мы словно поднялись над целым тысячелетием русской истории. Но перспектива эта открылась не сама собой, а в результате кропотливого труда нескольких поколений русских и советских ученых, терпеливо исследовавших загадки русской истории, в частности, странности в биографии летописного Добрыни.

Долгое путешествие по его следам здесь, в Любече, только началось. И не случайно, ибо впервые упомянут Добрыня в летописи в статье 970 года как раз в связи с именем его отца, Малко Любечанина. Но в Любече начинается и первая ниточка, с которой наука стала распутывать клубок загадок, связанных с биографией Добрыни. Пойдем и мы по его следам, методически, шаг за шагом.

Мог ли дом безвестного (по летописи) Малко Любечанина стоять в X веке на Замковой горе? Очевидно, нет. Любеч входил тогда в княжество Полянское, земельной столицей которого был Киев. Полянская земля (она же Русская земля — в узком смысле) была первой коронной землей державы и дала ей свое имя. Тем самым Любечский замок принадлежал в то время великому князю Киевскому. Он был не великокняжеской резиденцией, а лишь великокняжеской крепостью. На территории крепости жить могли только боярин, начальник ее гарнизона, и воины этого гарнизона. Простолюдины же селились не на Замковой горе, а внизу.

Логично было бы ожидать, что двор Малко Любечанина находился в Любече не в замке, а в посаде. Логично было бы также ожидать, что место, прямо связанное с именем Добрыни, — место, где стоял двор

его отца, — должно быть не меньшей достопримечательностью современного Любеча, чем Замковая гора.

И действительно, приезжие спрашивают о дворе Малко Любечанина. Но их ждет разочарование: место это неизвестно, нет никаких сведений о том, где был дом отца Добрыни. Я такого вопроса в Любече не задаю. Я знаю, что искать дом Малко Любечанина бесполезно, ибо его никогда не было!

Почему же? Да потому, что в биографии Добрыни и его родни есть немало странностей, уже давно привлекавших внимание науки. Одна из таких странностей — весьма загадочное положение его отца.

Но начнем все-таки с самого Добрыни. Его могучая фигура никак не вяжется с рабством. А между тем из летописи положительно известно, что сестра его, Малуша, была рабыней! Это видно, во-первых, из ее должности ключницы (в те времена — специально рабская должность), а во-вторых, из того, что ее сыну Владимиру много позже, когда он вел борьбу за престол, швыряли в лицо презрительную кличку «робичич» (старинное слово, означающее «сын рабыни»).

Естественно, возникает вопрос, мог ли брат рабыни быть в юности свободным человеком? Логичен ответ — нет. Что же говорят об этом источники?

Летопись о молодости Добрыни молчит. Зато былины сообщают о ней немало подробностей, которые превосходно согласуются с летописными сведениями о Малуше (которую, в свою очередь, не запомнила былина). Былина прекрасно знает, что Добрыне пришлось и самому изведать рабство! Знает, какую именно рабскую службу ему пришлось нести. Знает даже срок его рабства — целое десятилетие.

Вот отрывок из одной былины:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка де ключником,
Ключником, Добрынюшка, замочником,
Золотой де казны да жил учетчиком...

Вот отрывок из другой:

По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынюшка чашничал,
На десятое-то лето стал конем владать...[1]

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 63.

Попробуем оценить. в какой мере эти сведения достоверны.

Золотая казна в X веке могла быть лишь княжеской, из чего следует, что рабскую службу Добрыня нес не где-нибудь, а при княжеском дворе. Это вполне гармонирует с тем, что Малуша была *княжеской* ключницей. Высшая ступень лестницы постепенного восхождения Добрыни-раба — ключник — в точности совпадает с летописной должностью Малуши, означавшей для нее рабство. (Это наводит на мысль, что и Малуша начинала не с ключницы, а с более низких ступеней, скажем, со свинарки или судомойки.)

Сама же эта лестница (конюх — привратник — чашник — ключник) производит вполне правдоподобное впечатление: каждая должность несколько выше, работа менее черная, но рабство все-таки остается. Академик Рыбаков комментирует ее так: «Придворная карьера брата ключницы Малуши могла действительно начинаться с таких низших ступеней»[1]. И только на десятый год Добрыня получает коня, то есть свободу.

Сопоставление летописных и былинных сведений позволяет с достаточной надежностью определить, чьими рабами были Добрыня и Малуша и где проходила их долгая подневольная служба. Престол принадлежал тогда Святославу I (Святославу Игоревичу), и других князей на Руси в то время не было. А регентство при малолетнем Святославе (он родился в 940 году) принадлежало его матери, великой княгине Ольге. Именно Святослав стал отцом князя Владимира. То, что Малуша и Добрыня числились рабами либо Святослава, либо Ольги, никаких сомнений внушать не может.

Могла ли их придворная рабская служба проходить в Любече? Нет, это решительно невозможно: здесь Ольга держала воинов, могла держать узников, но в Любече не было ни золотой казны, ни придворных пиров, ни даже придворных конюшен. Ведь Любеч в те дни не был княжеской резиденцией (роскошный замок XI—XII веков был воздвигнут в иную эпоху как резиденция князя Черниговского).

Из того, что двое детей Малко Любечанина были рабами, историки делали резонный вывод, что и сам он также был рабом (и, как мы увидим далее, вывод этот справедлив). Где же он мог обитать в Любече? Как княжеский

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 63.

раб, Малко скорее всего должен жить в княжеском замке. Однако наука знает гораздо более серьезные соображения, исключающие и службу Малко в замке, и существование его дома в Любече.

Открытие Прозоровского. Дело в том, что выводу, будто Малко был рабом, противоречило, как ни странно, само его имя. Видный русский историк прошлого века Д. И. Прозоровский подметил, что Малко «по холопству, не мог быть любечанином, то есть человеком свободным, потому что он принадлежал бы своему господину как вещь, как имущество»[1]. Действительно, летопись говорит о Малуше-ключнице, но не о Малуше Любечанке.

Итак, имя Малко Любечанина вроде бы указывает на то, что он свободный человек, а положение его детей свидетельствует, что он раб. Кто же он? И почему дети его оказались в долгом рабстве?

Тайна Малко Любечанина была раскрыта еще в 1864 году — Прозоровским. Тщательно исследовав личность Малко и судьбы его детей, ученый сумел установить, кто же он на самом деле. Одновременно он разгадал и то, кто такие на самом деле Добрыня и Малуша. И даже кто такой Владимир (что до Прозоровского казалось предельно ясным).

Свое открытие Прозоровский изложил в специальной статье (откуда и взята вышеприведенная цитата). В ней ученый сопоставил различные аспекты проблемы, которой занялся: государственно-правовые и семейные, ономастические (ономастикой называется наука об именах собственных) и юридические. И чем глубже он вникал в детали событий, описываемых летописями, тем больше находил неожиданных парадоксов и поводов для размышлений, тем отчетливее прояснялся единственно возможный вывод.

Аргументация Прозоровского отличалась не только многосторонностью, но и логикой. Не удивительно, что *статья эта никогда и никем опровергнута не была.* Более того, никто даже и не пытался всерьез опровергнуть его доводов и выводов. С этой аргументацией нам и предстоит сейчас познакомиться: для биографии Добрыни она представляет чрезвычайный интерес.

Наложница или жена? Повторю: отцом Владимира был Святослав I, князь Киевский. То есть государь великой

---

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери. — Записки Императорской Академии наук, т. V, кн. 1. СПб., 1864, с. 20.

державы. А матерью — рабыня Малуша. «Ну как не между людьми столь различного положения могли быть отношения?» — спрашивали себя историки. И единодушно приходили к выводу, что рабыня (вероятно, за свою привлекательность) была взята Святославом в наложницы.

Соответствовало ли это нравам эпохи? Вполне. Знать в языческую пору имела право держать целые гаремы и имела их. Правда, о гареме Святослава сведений в летописи нет, зато у его сына Владимира летопись отмечает гарем в 800 наложниц. Нововведением Владимира это не могло быть, и в том, что Святославу полагался гарем по рангу, сомневаться не приходится.

Если даже Малуша и не входила бы первоначально в гарем, князь тем не менее мог в любую минуту сделать любую рабыню своей наложницей. Так мог поступить еще в XIX веке каждый помещик со своей крепостной. А уж в X веке, да великий князь тем более. И если даже Малуша была рабыней не Святослава, а Ольги, у государя было достаточно власти, чтобы сделать своей наложницей и чужую рабыню. Поэтому дело казалось совершенно ясным. О браке государя с рабыней и речи быть не могло. А стало быть, Владимир — незаконный сын Святослава, бастард.

Так рассуждали историки до Прозоровского (в том числе и такие, как Карамзин или Соловьев). Но он усомнился в этих, казалось бы очевидных, выводах и оспорил их самым убедительным образом. Он доказал, что Малуша, вопреки общепринятому мнению историков, была законной женой Святослава, а Владимир — сыном от законного брака!

Прозоровский делает расчеты. Для своих доказательств Прозоровский привлек то, что можно назвать *скрытой информацией* летописи. Это не просто умение читать между строк. Это умение подмечать ряд вещей, которые придворный летописец по каким-либо причинам не считал удобным говорить прямо (а таких причин при феодальных дворах всегда найдется немало), но тем не менее вполне недвусмысленно упоминал косвенным образом.

Умение читать скрытую информацию летописи требует труда, таланта, аналитического дара. Но Прозоровский обладал редкостной наблюдательностью. Он не просто следовал канве литературного рассказа летописи, он умело сопоставлял то, что говорится в статье одного какого-либо года, с тем, что говорится в статье другого, отстоящей на многие десятилетия.

Так, он обратил внимание на то, что, несмотря на огромный гарем у самого Владимира, в многолетней усобице, разыгравшейся после его смерти, ни один сын Владимира от наложницы не участвует (и даже не упоминается летописью). Стало быть, различие прав княжеских детей от жен и от наложниц было в ту эпоху важной государственно-правовой нормой и строго соблюдалось как в теории, так и на практике. На земельных столах сидели при жизни Владимира его сыновья от разных жен — они имели княжеский ранг, считались принцами крови, потом боролись за престол. Сыновья же наложниц принцами крови не считались, никаких княжеских прав не имели и на подобные права не претендовали.

Из летописи известно, однако, что мать Святослава, Ольга, воспитывала Владимира вместе с двумя другими сыновьями Святослава (чья законность ни у кого сомнения не вызывала). А когда Святослав вскоре после смерти Ольги стал раздавать в 970 году сыновьям княжения, Владимир получил «земельный стол», как и братья. Хорошо известно также, что в языческие времена религиозные правила разрешали (тем более князьям) многоженство. Так действительно ли Владимир незаконный сын? Более того, мог ли Владимир быть бастардом? И могла ли его мать быть просто безродной рабыней? Прозоровский ответил на эту серию вопросов убедительным «нет». Он писал: «Из сыновей Владимира признаны князьями только происшедшие от его жен, а не от наложниц; если же Владимир самою Ольгою был признан князем, то его мать, хотя первоначально и была наложницей Святослава, но происходила из такого рода, который давал ей право быть княгинею и по которому она впоследствии признана женою Святослава, то есть она была княжною»[1].

Урожденная княжна Малуша! Великая княгиня всея Руси Малуша! Вот какие неожиданные и далеко идущие выводы следовали из аргумента о княжеском ранге Владимира. И рассуждение Прозоровского строго верно (за тем исключением, что Малуша могла и вообще не побывать в наложницах).

Вескость этого аргумента энергично поддержал еще современник Прозоровского академик И. И. Срезневский. Он писал: «Что Владимир был действительно сыном законным киевского князя, князем по рождению, это доказывает и одинаковая заботливость о нем и об остальных его братьях по отцу Ярополке и Олеге его бабки Ольги...

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери. с. 21.

и принятие его новгородцами, и равенство прав его с правами братьев, выразившееся в их междоусобии»[1].

Статья Срезневского, откуда приведена мною цитата, посвящена, впрочем, не столько личности Малуши, сколько значению термина «милостница» (неверно понятого Прозоровским, о чем речь пойдет несколько позже) и его параллелям в других славянских языках. Поэтому многих сторон аргументации Прозоровского Срезневский не касался вовсе. Но, как видим, вывод о том, что Малуша была женой Святослава, а Владимир — законным сыном, Срезневский поддержал безоговорочно, подкрепив его новыми аргументами, отнюдь не филологическими, а историческими.

Приводимые Срезневским аргументы «покрывают» период времени от статьи 968 по статью 980 года и дополнительно подкрепляют простой и здравый вывод Прозоровского, что Владимир был сыном от законного брака Святослава с Малушей (вывод, основанный на летописных сведениях по статью 1036 года, т. е. того года, которым летопись завершает усобицу между сыновьями Владимира).

Регент княжества Новгородского. Ранг Владимира в детстве и в юности был далеко не единственным аргументом, побудившим Прозоровского усомниться в традиционном толковании положения Малуши. Особое внимание он обратил на положение Добрыни — и притом еще при жизни Святослава:

«Добрыня имел при Святославе большое значение и был способен править государственными делами; простолюдин, хотя бы и брат княжеской наложницы, не мог иметь такого места при Владимире, какое занял Добрыня, бывший фактически правителем Новгорода... положение Добрыни не показывает, чтобы Малуша была рабою купленною, иначе и Добрыня был бы не что другое, как холоп, и не мог бы пользоваться званием выше княжеского тиуна или конюха; но он, напротив того, был «муж», «боярин». И в той же связи Прозоровский отметил, что Добрыня «принадлежал к высшей аристократии» державы[2].

Итак, фигура Добрыни также привлекла пристальное внимание Прозоровского. Высокое положение Доб-

[1] И. И. Срезневский. О Малуше, милостнице в. к. Ольги, матери в. к. Владимира. — Записки Императорской Академии наук, с. 33.

[2] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 20.

рыни при Святославе ученый оценил верно. Не только боярин. Но еще и фактический правитель Новгорода. То есть хозяин целого княжества (не города Новгорода, а всей Новгородской земли). И все это при том же Святославе, рабом которого (или Ольги) Добрыня был до того десять лет! Поистине феерическое превращение.

Этот важный этап жизни Добрыни можно назвать первым его новгородским периодом: с 970 по 972 год (год гибели Святослава) и с 972 по 977 год. Был и второй новгородский период — новгородское посадничество Добрыни, полученное им в 980 году после взятия Киева, но тогда Добрыня стал не только фактическим, но и юридическим правителем Новгорода, поэтому вышеприведенные замечания Прозоровского относятся именно к первому новгородскому периоду.

В 970 году отец послал Владимира княжить в Новгород — мальчиком лет десяти (по подсчетам Прозоровского, Владимир родился около 960 года, что вполне согласуется и с другими обстоятельствами его биографии). По малолетству Владимир ни в 970, ни в первые последующие годы не мог осуществлять реальной власти, за него должен был править регент. Из летописей известно, что вместе с Владимиром в Новгород в 970 году отправился и Добрыня. Это надо, конечно, понимать так, что на деле в Новгород направился не мальчик Владимир с Добрыней, а, напротив, Добрыня с малолетним князем Владимиром. И все это недвусмысленно означает, что сам государь Святослав вручил в 970 году Добрыне регентство Новгородской земли.

Утверждая, что Добрыня принадлежал к *высшей* аристократии, Прозоровский был совершенно прав. Наместник, которому поручено управление целой землей державы, является не только боярином, но, как правило, одним из самых высокопоставленных бояр, ибо ему доверены прерогативы, уравнивающие его реальную власть с правами и властью земельного князя. Практически в начале 70-х годов любое решение, обнародованное от имени Владимира Новгородского, было решением Добрыни.

Реальные прерогативы Добрыни были при жизни Святослава уравнены с правами двух старших сыновей самого государя — Ярополка Полянского и Олега Древлянского. А сыновей-князей у Святослава было

всего трое. Это означало, что в 970 году Добрыня как по могуществу, так и по рангу вошел в первую десятку высших государственных деятелей Русской державы. Это, несомненно, принадлежность именно к *высшей* аристократии всей державы, что для вчерашнего холопа, брата рабыни, само по себе чрезвычайно странно. Прозоровский прав: доверить подобное положение брату своей наложницы Святослав не мог. Но брату жены, своему шурину — мог.

Прав и Срезневский: принятие Владимира новгородцами показывает, что Малуша была женой Святослава[1]. Но сверх этого принятие Владимира новгородцами показывает и высокий неоспоримый ранг его регента. С регентом (то есть полновластным хозяином княжества) из безродных вчерашних холопов, единственной опорой которого был бы подол сестры-наложницы, — новгородцы Владимира просто не приняли бы. Принятие ими Владимира опять-таки доказывает, что Добрыня был шурином Святослава. Иначе они потребовали бы другого регента. А до того вместе с Добрыней не приняли бы и Владимира.

Добрыня занял это положение еще при Святославе, но сохранил его и когда Святослава не стало. То, что Добрыня не был смещен Ярополком ни сразу после гибели Святослава, ни позже, показывает, что положение Добрыни было именно таково. Уже тогда Добрыня был перворазрядной фигурой общедержавного масштаба. Ярополк не мог из-за невероятно высоких привилегий Добрыни отказать ему в голосе при решении дел всей державы, не мог даже сместить его из Новгорода.

Понемногу фигура Добрыни начинает вырисовываться перед нами более отчетливо. Жестокие испытания его юности помогают объяснить, почему он снискал любовь былины, был окружен романтическим ореолом. А первый новгородский период открывает нам уже зрелого мужа, богатыря.

Он очень важен, первый новгородский период Добрыни, и для его биографии, и для русской истории в целом. Правя Новгородом в эти годы, он не только стал полновластным хозяином его оружия, но и завоевал там прочную народную любовь. Как показало

---

[1] Между прочим, это разгадал еще в XVIII веке В. Н. Татищев. Он счел ее знатной славянкой, но не разгадал, кто она.

будущее, новгородцы стояли за Добрыню и Владимира стеной!

Княжеский сын. Привилегии Добрыни в первый новгородский период имели, однако, значение не только для будущего (которого Прозоровский не разбирал), они бросали свет и на прошлое Добрыни. Чтобы иметь возможность занять положение столь высокое, здраво рассудил ученый, *Добрыня должен был,* сообразно понятиям X века, *родиться княжеским сыном!*

Действительно, по понятиям эпохи (и не только X века, но и всего средневековья), высокая родовитость была для правителей вещью немаловажной. Невероятно высокое положение Добрыни при Святославе — не только веский аргумент, указывающий на законный брак Святослава с сестрой Добрыни. Оно указывает, бесспорно, и на родовитость Добрыни, Малуши и их отца.

Действительно, если Малуша, чтобы стать княгиней, женой Святослава, должна была быть урожденной княжной, значит, и отец ее был вовсе не безвестный житель Любеча, а прирожденный князь, что отлично согласуется с загадкой стремительного возвышения Добрыни еще в 970 году и вполне способно ее объяснить.

Таким образом, парадоксы в положении Добрыни и Малуши указывали Прозоровскому не только на законный брак Святослава с Малушей, но сверх того еще и на *династический брак!* Святослав вступал в брак не с рабыней, не ронял своего княжеского достоинства, нет, он роднился с другой княжеской династией...

Если бы Прозоровский обратился к былинам (чего он вообще не делал), то обнаружил бы, что княжеское происхождение Добрыни также известно былине! Советская исследовательница былинного эпоса Т. Н. Кондратьева сжато формулирует социальное положение былинного Добрыни следующим образом: «Добрыня... в разных вариантах былин то боярин, то князь»[1]. Заметьте, *князь.*

Эти былинные сведения тем ценней, что люди, слагавшие и исполнявшие былины, не могли почерпнуть их из летописей (в летописях Добрыня нигде князем

[1] Т. Н. Кондратьева. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967, с. 52.

не назван). Притом княжеское звание — не эпическая условность, подобающая каждому былинному богатырю (скорей, наоборот). Оно относится в былине именно к личности Добрыни. Таким образом, независимый источник былины, не использованный Прозоровским, подтверждает его вывод о княжеском происхождении Добрыни.

Былина знает, что Добрыня — князь. Но, значит, и отец его был князем — то есть в былине наличествует та же логика, которую обнаружил относительно Малуши в летописях Прозоровский.

Два вида рабства. Перед Прозоровским возник вопрос: если Малуша княжна, то как она попала в рабство? А в рабынях она, несомненно, побывала. «Несмотря на такое значение этой фамилии, Малуша, по отзыву Рогнеды, была раба»[1], — писал ученый. (Рогнеда — дочь князя Полоцкого, к которой в 980 году сватались одновременно Владимир и Ярополк. Рогнеда отказала Владимиру именно под предлогом, что он сын рабыни.) То, что Добрыня в былинах князь, изведавший в юности долгое рабство, вызывает тот же вопрос: как княжич Добрыня попал в рабство?

Но и без обращения к былинам наблюдений Прозоровского над странностями некоторых летописных сведений было предостаточно. Перед ним было таинственное княжеское семейство, каким-то образом побывавшее в рабстве. Как это совместить с их высоким рангом? Как рабство не помешало им снова возвыситься?

Прозоровский сумел не только обнаружить противоречивое положение Малуши и ее родичей, но и найти ему объяснение. Отвечая на возникающие вопросы, он специально остановился на наличии в ту эпоху принципиально различных видов рабства:

«Рабство было двух родов: одно происходило из права юридического и делилось на три вида холопства... Другое — по праву войны, и к рабам сего рода относились пленники, из которых лучшие поступали во владение князя. Обстоятельства, которыми обставлена история Малкова семейства, показывают, что Малуша не была рабою по праву юридическому, следовательно, она была рабою по праву войны»[2].

Вывод здравый и логичный: в плен попасть может

---

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 20.
[2] Там же, с. 20.

и князь. И княжеское семейство тоже. Разумеется, пленение, обращение в рабство — тяжкое бедствие, но оно не перечеркивает прирожденной родовитости, оставляет возможность к новому возвышению.

Таким образом, парадоксальный вывод Прозоровского, что отец Малуши и Добрыни был прирожденным князем, не только получил подкрепление еще по одной линии, но и предстал как наиболее логичное объяснение парадоксов в положении его детей. Ключ к *их* положению следовало искать в *его* судьбе.

Малуша была какое-то время рабыней, потому что в рабство попал ее отец, и притом попал на войне. И если потом Малуша смогла стать великой княгиней, женой Святослава, а Добрыня получить в 970 году регентство Новгородской земли, то это произошло потому, что их отец по рождению был князем.

Все сходилось. И все упиралось теперь в загадочную фигуру Малко Любечанина, оказавшегося пленником, бывшим князем. Прозоровский сумел найти разгадку и здесь.

Пропавший древлянский князь. От внимания Прозоровского не ускользнуло, что как раз незадолго до появления в Любече загадочного экс-князя Малко не менее загадочно исчез из своей столицы Коростеня князь Древлянской земли с очень похожим именем — Мал. И притом исчез после ожесточенных военных действий 945—946 годов.

Надо сказать, что исчезновения Мала историки до Прозоровского не замечали. Поскольку летопись изображает Мала мятежником, виновным в гибели государя, Игоря Рюриковича (отца Святослава), им казалось само собой разумеющимся, что Мал был казнен за это вдовой Игоря Ольгой.

Но у Прозоровского был очень зоркий глаз. И его волновала загадка Малко Любечанина. Поэтому он подметил то, чего до него не замечал никто: о судьбе Мала после поражения Древлянского восстания летописи не говорят ни единого слова. Что же с ним стало? Погиб в бою? Был казнен? Бежал? Может быть, умер своей смертью? Был Мал Древлянский — и бесследно исчез. Это было более чем странно.

В летописном рассказе о подавлении Древлянского восстания Прозоровский подметил еще одну странность — поразительно милостивое отношение победителей к древлянской знати. При взятии древлянской столицы, писал

ученый, «старейшины не были истреблены, но взяты в плен, не были они розданы и мужам в работу, а поступили во власть княгини»[1].

Анализ этих и аналогичных странностей в рассказе летописных статей 945 и 946 годов и навел Прозоровского на мысль, что о казни, гибели или бегстве Мала в летописи не говорится по той простой причине, что Мал, подобно всей древлянской знати, попал в плен и остался жив. А поскольку судьба Мала Древлянского была в X и XI веках общеизвестной, это умолчание летописи не могло в то время породить недоразумения, будто Мал казнен Ольгой.

В своем анализе Прозоровский привлек и ономастику. Во-первых, он отметил близкое сходство имен Мала Древлянского и Малко Любечанина, а во-вторых, подметил, что имя Малуши «образовано из имени отца, но произведено из слова «Мал», и сделал заключение, что ее отец «в действительности был Мал Любечанин». И наконец, установил, что Малко вообще не самостоятельное имя, а просто уменьшительная форма от имени Мал. Эти здравые ономастические соображения и замечания положили конец последним возможным сомнениям.

Сопоставив все эти наблюдения и размышления со знакомыми нам уже соображениями о ранге и судьбе Малуши и Добрыни, Прозоровский сделал конечный вывод: «Вышеизложенные соображения приводят к тому заключению, что Древлянский князь Мал по взятии его в плен послан... в Любеч... где и превратился в Малко Любечанина»[2].

Вывод этот был единственно возможным. Ведь, если отвергнуть тождество Малко с Малом, пришлось бы искать отдельно ответ на две группы вопросов: о прошлом бывшего князя Малко (его княжество, подлинное имя, обстоятельства взятия в плен) и о причинах бесследного исчезновения Мала и непонятного отсутствия казней древлянской знати.

Таким образом, Прозоровский установил, что Малко Любечанин есть одно лицо с князем Малом Древлянским, и открыл древлянское княжеское происхождение Добрыни, Малуши и Владимира. То, что Мал, утратив княжество, не мог более именоваться Древлянским, вполне естественно, ибо определение «Древлянский» было не просто

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 18.
[2] Там же, с. 20—21.

обозначением его рода, а княжеским титулом. Называть его и дальше Древлянским означало бы признавать его права на Древлянскую землю (чего от Ольги ожидать, конечно, не приходилось). Поэтому, когда Мал попал в плен, ему обязательно должны были дать другое имя. И поскольку он не был покупной холоп, он мог быть назван Любечанином — по месту заключения. Ввиду особого характера рабства по военному праву, он был не вещью, принадлежавшей Ольге или Святославу, а важным государственным узником.

Неточность в ономастических наблюдениях Прозоровского лишь одна: «Малко» для развенчанного князя не просто уменьшительная, а нарочито уничижительная форма имени, данная ему победителями. Пока был князь, был Малом, а теперь он, пленник, всего лишь Малко...

Запомните это имя — Мал Древлянский. Это истинное имя отца Добрыни и деда Владимира Красно Солнышко. Это не гипотеза Прозоровского (как склонны считать некоторые), а его *открытие*. Это известно науке и *неопровержимо доказано еще с 1864 года*.

Загадка тысячелетия. Таково было замечательное открытие Прозоровского, построенное, как мы уже знаем, на вдумчивом и филигранном анализе обширного летописного материала за 90-летний период — с 945 по 1036 год. Если попытаться игнорировать это открытие, то возникает множество непреодолимых трудностей в освещении больших периодов русской истории. Одна из них — невозможность удовлетворительно объяснить умолчание летописи о судьбе Мала после 945 года. На первый взгляд это может показаться частностью, касающейся только летописных статей 945—946 годов, и мелочью, касающейся какой-то третьестепенной фигуры. На самом деле это буквально — загадка тысячелетия.

Невероятное исчезновение Мала беспримерно не только в летописи, но даже во всей русской истории. Дело в том, что Мал был претендентом на престол. А любой претендент на трон Русской державы — слишком заметная политическая фигура. Мы знаем (пусть и не всегда точно) судьбу *каждого* удачливого или неудачливого претендента на «царский» трон, включая и судьбу участников любой усобицы и свергнутых государей. Изо всех претендентов на общерусский трон на протяжении всей русской истории за целых десять веков (!) бесследно исчезает только один — Мал. Один за целое тысячелетие! Одно это умолчание летописи делает будто бы безвестного узника Лю-

беча, будто бы «провинциального князька» первоплановой фигурой русской истории. Вот насколько серьезно обстоит дело.

Милостница. Итак, открытие серьезно и неопровержимо. Но не было ли в рассуждениях Прозоровского слабых звеньев? Справедливость требует отметить, что такие звенья имеются.

Остановимся на них.

Прозоровский обратил внимание на то, что в Ипатьевской летописи Малуша вместо ключницы названа «милостницей» Ольги. Из этого он сделал следующий вывод: «Летописи говорят, что Малуша была милостница Ольги, т. е. милостыне-раздавательница... великая княгиня брала ее с собой в Царьград и там ее окрестила, сделав потом своей «милостницей», по примеру византийского двора»[1].

На это, однако, Срезневский возразил: «Выводить из названия милостницы, что Малуша была христианка, что вместе с Ольгою крестилась в Царьграде... нет никакой возможности»[2]. И он указал, что древнерусский термин «милостница» истолкован как «раздавательница милостыни» Прозоровским по ошибке, а действительное значение термина совсем иное — «любимица, фаворитка». Почти вся статья Срезневского посвящена примерам употребления термина в этом смысле в русском и его однокоренным параллелям в других славянских языках.

Между тем принятие термина «милостница» за означавший милостыне-раздавательницу (такая должность при византийском дворе действительно имелась) оказалось не мелкой ошибкой, а имело серьезные последствия для всей конструкции Прозоровского. Введение такой должности при киевском дворе он счел результатом крещения Ольги во время ее государственного визита в Царьград. Должность эту он рассматривал как специфически христианскую, как результат благотворного воздействия «истинной» веры на Ольгу. Раз так, то и занимать ее язычница не могла. Отсюда и родилась догадка, будто Ольга брала Малушу с собой в Византию и крестила ее там. Между тем ни прямых, ни косвенных сведений ни о цареградской поездке Малуши, ни о ее крещении нет. Косвенными сведениями для Прозоровского послужили именно ошибочное понимание термина «милостница» да еще традиционное

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 19.
[2] И. И. Срезневский. О Малуше, милостнице в. к. Ольги, матери в. к. Владимира, с. 32.

тогда убеждение в благотворном влиянии христианства на любую языческую страну.

А из этого последовал ряд других ошибок. Так, он счел, что именно христианство Малуши послужило причиной ее брака со Святославом. Когда Святослав соблазнил будто бы Малушу-ключницу, ставшую милостынераздавательницей, но остававшуюся доверенной рабой Ольги, то Ольга под благотворным влиянием христианства потребовала от Святослава, чтобы он «покрыл грех» и женился на обесчещенной христианке. И добилась своего. В подробности решения Святослава Прозоровский не вдавался, но дело надо понимать так, что Святославу Малуша, видимо, сильно нравилась, а упреки матери надоели, и он решил: «В конце концов, она княжна, так простим ее и ее родню, и все в порядке, она снова станет княжной. Почему ж тогда на ней и не жениться?»

То есть Прозоровский дал удовлетворительные ответы на все свои вопросы, кроме одного: что́ было побудительной причиной брака Святослава с Малушей. Что брак со вчерашней пленницей и дочерью вчерашнего мятежника был важнейшим *политическим* решением, он из виду упустил, и свел дело к благому влиянию крещения на моральные принципы Ольги и к ее заступничеству за мнимую единоверку-христианку. Поэтому же он, кстати, решил, и что Малуша побывала наложницей Святослава, — иначе причина брака вообще отпадала.

То, что брак с Малушей не был для Святослава неравным из-за ее княжеского происхождения, это один вопрос. А то, почему Малуша действительно стала женой Святослава, — вопрос совершенно другой. Из того, что она была княжной, вовсе не следовало, что Святослав *должен был* на ней жениться. Ни христианские чувства Ольги, ни сыновнее послушание Святослава быть тому причиной решительно не могут.

Весь комплекс объяснений в этом случае принять нельзя. Действительность X века была от сей благочестивой идиллии очень далека. Во-первых, Святослав, вопреки уговорам Ольги, упорно отказывался креститься. Почему бы он, язычник, стал вдруг так щадить честь христианки (к тому же мнимой)? Во-вторых, христианке Малуше вряд ли подобало становиться второй женой Святослава при наличии первой, ибо по церковным правилам полагалось единобрачие. В-третьих, сама Ольга (что обычно не осознается), крестившись, осталась тем не менее и... язычницей! Ибо правила Русью в качестве «Перуновой

внучки», т. е. по небесному мандату Перуна, главного бога Киевской державы (такова была политическая теория языческой Руси). А от власти Ольга отказываться и не думала. И Русь тоже не крестила. В-четвертых, сама Ольга, уже будучи христианкой, не думала отменять для Святослава *языческую* норму многоженства, да и гарема наложниц. В-пятых, тезис, будто христианская мораль велит непременно жениться на обесчещенных любовницах или вообще на любовницах, более чем сомнителен: бесчисленные христиане на протяжении веков этого не делали.

Прозоровский открыл этот поразительный брак и объяснил его полную возможность и законность по династическому праву. Но не его причину. И причина эта может быть только политической. Ее выяснением нам предстоит заняться самостоятельно.

Рабство и возвышение. Как мы уже знаем, у Мала Древлянского отняли не только свободу и имя, у него отняли и детей. В 946 году Добрыня Древлянский — наследный принц Древлянской земли! — был поставлен скрести чужих коней и выгребать навоз из чужих конюшен. Юному пленнику дали нарочно унизительную для княжича работу в назидание и предостережение всем: не поднимай восстаний, иначе вот что будет с твоими детьми!

На какую работу поставили Малушу в тот черный год, сведений нет. Как я уже говорил, ее могли — специально для унижения — определить в свинарки или судомойки. Могли и другое дело дать. А возможно, не дали вообще никакой работы, так как она была слишком мала. Святославу было тогда всего 6 лет, Малуше вполне могло быть и 3 года. «Вероятнейшее рождение ее относится к 940—944 году»[1], — писал Прозоровский.

Попробуем положить былинный срок рабства Добрыни на летописные даты. Сведения хорошо совмещаются, датируя рабство Добрыни и Малуши 946—955 годами (в параллелизме положения брата и сестры мы уже убедились, и Малуша не могла оставаться ключницей, когда Добрыня превратился из ключника в свободного человека. Брат и сестра должны были получить свободу одновременно, хотя отец их мог продолжать томиться в Любечском замке).

Итак, Добрыня получил коня. Видимо, в 955 году. Верховой езде, искусству владеть боевым конем знатных муж-

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 21.

чин учили тогда с раннего детства. Добрыня, как мы знаем, стал владеть конем значительно позже. Сколько ж ему было тогда лет? Судя по былине, он попал в рабство не в возрасте воина (тогда бы он и раньше владел конем), а мальчиком. Вместе с тем и не пятилетним ребенком, ибо быть конюхом — тяжелый труд. Точная дата рождения Добрыни неизвестна, но если принять условно, что он попал в рабство в десятилетнем возрасте (то есть родился около 935 года), то свободу он, по всей вероятности, получил двадцатилетним. Такой возраст хорошо согласуется и с тем, что его сестру вскоре выдают за юношу Святослава, и с тем, что в событиях 70—80-х годов Добрыня выступает зрелым мужем, а не старцем. Видимо, датируя рождение Добрыни примерно 935 годом, мы будем недалеки от истины.

Конь означал для Добрыни не только свободу, но и положение княжеского дружинника (соответственно вольноотпущенница Малуша должна была стать придворной Ольги). Это само по себе было куда лучше рабства. Это могло выглядеть и как демонстрация великодушия Ольги. Но это вовсе не обязательно должно было предвещать то стремительное возвышение Малуши и Добрыни, которое последовало потом.

А оно произошло очень скоро. Всего через несколько лет после получения свободы Малуша стала великой княгиней! Если Малуша и Добрыня получили свободу в 955 году, а Владимир родился около 960, то брак Святослава с Малушей можно датировать примерно 958—959 годами.

Естественно, на трех- или четырехлетнем пути Малуши от рабства к Киевскому трону должны были иметься промежуточные ступени. Каждая из них должна была делать вольноотпущенницу все более «достойной партией» для государя. Одной из таких ступеней непременно должно было быть получение детьми Мала полянского боярства.

В этой связи примечательны данные топонимики (науки о географических названиях) — наличие сел Малушино и Добрыничи в районе Путивля. То есть не в Древлянской, а в Полянской земле, и притом на восточной ее окраине. Не след ли это пожалования Ольгою угодий детям Мала? С точки зрения Ольги, такой шаг выглядит вдвойне выгодным: он демонстрировал очередные милости княгини, превращая детей Мала в землевладельцев (но — подальше от Древлянской земли).

Хорошо вписывается в эту картину и Малуша — милостница Ольги (в истинном значении этого слова). Лю-

бимица Ольги — положение более высокое, чем хозяйка дальнего полянского села. Это положение Малуши скорее всего относится уже ко времени незадолго до ее брака. (Сведений о положении Добрыни в этот момент не сохранилось.)

Однако есть серьезные основания полагать, что и положение фаворитки было не последним этапом возвышения Малуши перед браком. Под венец со Святославом она шла, по-видимому, не простой вольноотпущенницей и даже не боярыней, а владетельной княжной Древлянской!

Династический брак. Веским аргументом в пользу этого служит не только то, что в 970 году Новгородская земля была вручена Святославом сыну и брату Малуши, но и то, что одновременно с этим другой сын Святослава, Олег, получил Древлянскую землю.

Мы уже знаем, что у Святослава было три сына-князя. Старшие братья Владимира Ярополк и Олег были детьми Святослава от первой жены (иноземной принцессы, вероятней всего, печенежки). Малуша была его второй женой. Одновременная раздача земель сыновьям от обоих браков показывает, что Святослав считал обеих жен равноправными. Но получение Олегом Святославичем в 970 году именно Древлянской земли есть факт очень странный.

Логично было бы ожидать, что земля, в 945 году восставшая и убившая государя, а в 946 году подавленная, будет просто уничтожена как отдельное княжество. Но она не только уцелела, но имеет право на князя. Святослав сажает в 970 году править ею не наместника-боярина, а собственного сына. Это большая привилегия для любой земли (особенно в реальных условиях 970 года, когда земель в державе более десяти, а сыновей у государя только трое). Но для вчерашней мятежной земли — привилегия неслыханная.

Тем не менее Древлянская земля парадоксальным образом получает эту привилегию *через голову всех земель, оставшихся в 945—946 годах верными Святославу.* Что же могло дать Древлянской земле при Святославе не только полную амнистию, но даже почетное положение в державе так скоро после подавления Мала?

Очевидно, лишь одна вещь способна была так возвысить Древлянскую землю — брак с Малушей *Древлянской.* То есть Малуше (но не Малу и не Добрыне!) была, видимо, перед браком возвращена ее земля, получившая от-

ныне высокие привилегии как наследственная земля жены государя. Вместе с тем в момент бракосочетания сам Святослав становился владетельным князем Древлянским, что крепче привязывало Древлянскую землю к престолу и одновременно давало легальную возможность передавать ее детям Святослава от другого брака.

Таким образом, три привилегированные земли, получающие князей, предстают в строгом порядке их привилегий как первая коронная земля державы (Полянская), первая коронная земля династии (Новгородская) и наследственная земля второй жены государя (ибо у первой жены, иностранной принцессы, своей наследственной земли на Руси нет). Но если эта наследственная земля жены государя почему-либо отнята у ее сына, ее род, естественно, должен получить за это соразмерную компенсацию, что мы и видим, — Владимиру дается земля еще более почетная по рангу, чем Древлянская, а Добрыне вручается ее регентство. Теперь становится ясно, что это не милость Святослава, а вытекающее из брака законное право Древлянской династии в целом.

Все это, вместе взятое, подтверждает, что перед нами не просто законный брак, но, сверх того, серьезнейший династический брак и что Ольга готовила и заключала именно такой брак. И в свете сказанного вероятность того, что Малуша побывала наложницей Святослава в качестве рабыни или даже была соблазнена им уже боярыней, — крайне мала. Древлянский брак Святослава, очевидно, был задуман Ольгой задолго до его заключения, и причиной его был глубокий и дальновидный политический расчет.

Тесть Святослава. А что же брак дочери с государем мог означать для Мала? Что с ним тогда стало? Дожил он до этого времени или так и умер еще до того узником Любеча?

Если Мал все еще жив, то положение его поддается расчету. Брак Малуши означал, что Мал не может больше оставаться узником, более того, он должен стать киевским боярином. Оставлять Мала в тюрьме означало, кроме всего прочего, накликать гнев богов на молодую чету. А оставлять тестя Святослава свободным, но незнатным человеком было неприемлемо, хотя бы для престижа самого государя. Кстати, Мал должен был присутствовать на свадьбе дочери.

Так стал ли Мал тестем Святослава, сватом Ольги и киевским боярином? Или не дожил до того времени? Есть

ли об этом сведения? В летописях, конечно, нет. Но в былинах — да! Оказывается, дожил и стал!

Фигура отца Добрыни была еще давно обнаружена в былине академиком Шахматовым. В некоторых былинах имеется богатырь, чье имя совпадает с отчеством Добрыни, — некий Никита Залешанин. Шахматов обратил внимание на связь этой фигуры и с Добрыней и с Древлянской землей. Он писал: «Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ... Древлянина; замечательно, что он богатырь не киевский, поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей»[1].

Конечно, в этих былинных сведениях есть обычные для эпоса анахронизмы (эпизоды эти разыгрываются при дворе Владимира, тогда как на деле они относятся к княжению Святослава I). Но важна суть дела. Пред нами богатырь не киевский, но вроде бы и принятый потом в круг киевских богатырей. Богатырь, которого в Киеве в лицо почему-то никто, кроме Добрыни (именно Добрыни), не знает. Притом человек весьма уважаемый, раз за него выдает себя сам Илья Муромец (явиться в Киев ко двору под именем Соловья Разбойника Илье в голову не пришло бы), и все же в Киеве его не знают в лицо. К тому же он — богатырь откуда-то из-за лесов. Все это достаточно примечательно.

Странности в положении Никиты Залешанина, подмеченные Шахматовым, вполне соответствуют реальному положению Мала (многолетнего узника Любеча многие в Киеве действительно могут не знать в лицо) и отражают изменение этого положения по мере поворота судьбы его детей.

Первый эпизод можно датировать временем между 955 и 958 годами: Добрыня уже в кругу киевских богатырей. А Мал уже не узник Любеча (иначе под его именем явиться ко двору было опасно), но тем не менее человек опальный, живущий где-то в ссылке. Где именно, в данной связи не важно (да и вряд ли ясно), а важно то, что киевские богатыри не знают его в лицо, но знают

[1] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 377—378.

и уважают его имя. Когда же Никита Залешанин сам оказывается в их кругу (то есть переезжает в Киев), речь идет уже о времени после брака Малуши либо в канун его.

Заслуживает в этой связи серьезного внимания и само имя Залешанин. Дело в том, что название «Древлянская земля» — топоним с прозрачным тогда значением. Древлянская земля, то есть «Лесной край» или «Страна лесов», именем своим была обязана покрывавшим ее лесам. Поэтому «Залешанин» есть фактически прозрачный для современников синоним «Древлянского» — в неофициальной форме (то есть без прямого указания на утраченное княжеское достоинство). Иными словами, Никита Залешанин оказывается при ближайшем рассмотрении, подобно Малко Любечанину, еще одним псевдонимом Мала Древлянского (почему он стал Никитой, мы рассмотрим в другом месте).

Характерно и то, что этим же псевдонимом со значением «Древлянский» пользуется иногда и сам Добрыня: в некоторых вариантах былин Добрыня, появляясь инкогнито, прикрывается именем «детины Залешанина». Это означает, что былина знает не только княжеское происхождение Добрыни и обстоятельства его рабства, но даже и его династию!

Как видим, судьбы узника Любеча и его детей оставались все время тесно связанными. Былина знает самого Мала. Знает, что он отец Добрыни и что Добрыня о нем помнит. Знает, что между их судьбами есть какая-то связь (хотя и не уточняет ее). Знает, что Мал после каких-то странных превратностей дожил до почетного положения при Киевском дворе. Знает былина и династию Мала.

Можно ли на основании совокупности сведений уточнить судьбу Мала? В какой-то мере можно. Узником Любеча он пробыл, видимо, лет 11—12, но не больше. Вряд ли получил свободу вместе с детьми — просто потому, что восстание подымал он, а не его несовершеннолетние дети.

Но, естественно, свободным человеком Мал стал не в канун брака Малуши, а за благопристойный промежуток времени до него. Таким образом, первый упомянутый Шахматовым былинный эпизод, скорее, датируется временем с 956 или 957 года до кануна брака.

Стал ли Мал в конце концов в качестве тестя Святослава и свата Ольги играть крупную роль при дворе? Думается, вряд ли. Летопись здесь молчит, былина тоже — фигур Святослава и Ольги в ней нет (по крайней мере, в явном виде). Но Мал был уже не молод, княжеского

звания он все-таки обратно не получил, и с него было достаточно чести стать тестем государя и сватом Ольги. Отец великой княгини жил в почете, но государственная роль перешла, сколько можно понять, к его детям.

Положение Малуши нам известно. А положение Добрыни после брака сестры? Видимо, молодой боярин, брат великой княгини, стал сразу после этого брака членом коронного совета державы. Пусть он и не стал князем Древлянским, но он стал шурином Святослава. Что это означало для него впоследствии, мы уже видели.

Древлянский дом. Долго ли прожил Мал после брака дочери, в каком году умер, мы не знаем. Но с его смертью династия не угасла. Былина знает не только Никиту Древлянского, но и Добрыню Древлянского. Иными словами, она знает принадлежность и Мала и Добрыни к Древлянскому княжескому дому.

А вот летопись такой династии после 945 года не знает вообще (то есть она ее существование по каким-то причинам скрывает). И Прозоровский, показав в 1864 году тождество Малко Любечанина с Малом Древлянским, не только установил, чьи дети Добрыня и Малуша и чей внук Владимир, не только разгадал брак Малуши со Святославом, но и открыл тем самым неизвестную ранее науке династию — Древлянский дом. Он это вполне осознал — и свою статью закончил таблицей составленного им родословного древа «Малковичей», то есть Древлянского дома.

Таблица эта составлена в краткой форме, в двух линиях, мужской и женской (то есть линиях потомков Добрыни и потомков Малуши). Начиная с Мала Древлянского, таблица доведена в женской, Малушиной, линии через Владимира до его внука Изяслава I (то есть не содержит полного списка князей), а в мужской линии Добрыничей — до Варлаама Печерского, сына боярина Яня Вышатича, друга Нестора Летописца.

«Малковичами» Прозоровский назвал потомков Мала не совсем правомерно. Дело в том, что Мал не вечно оставался Малко. Ученый не учел того, что при последующем возвышении детей бывшему Малко должны были вернуть имя Мал (но не титул «Древлянский»), так что древо верней было бы именовать родословным древом Маловичей.

Но между выводом о тождестве Малко Любечанина с Малом Древлянским и родословным древом «Малковичей» в статье содержался еще разбор судьбы потомков —

одного Добрыни. Прозоровский, в частности, проследил некоторые парадоксы их положения. Он подметил, что, судя по летописям и некоторым другим документам XI века, Добрыничи, не будучи князьями, нередко (даже еще во второй половине XI века) занимали положение, *равное княжескому*. Он истолковал это как результат династического брака Малуши со Святославом, того, что Мал «приходился сватом Ольге (здесь первоначальное близочество между родами Рюрика и Малка)»[1].

На судьбе же потомков Малуши он не останавливался. Даже на том, какую роль сыграло древлянское происхождение Владимира в его борьбе за трон. Винить за это Прозоровского не следует — его заслуги перед наукой и без того велики. А пристальное внимание ученого к Добрыничам понятно, ибо Малушин сын Владимир и его потомки — фигуры и без того хорошо известные в русской истории. Все они князья. По одному этому они всегда находились в поле зрения историков. Их деятельность комментировалась на разные лады.

Но в перспективе летописи они — князья только Варяжского дома, единственной общерусской и стабильной династии, которую летопись знает. (Кроме Варяжского дома, летопись знает еще несколько *земельных* княжеских домов, в разное время сходящих на нет. Количество имен в них минимально.)

Между тем в свете открытия Прозоровского (целая неизвестная династия) *все* русские князья, начиная с Владимира I, были *князьями как Варяжского, так и Древлянского дома!* И очевидно, могли ссылаться на свои права и имели их как по одной, так и по другой династии. Иными словами, Прозоровский открыл еще одну *общерусскую династию*. То есть династию, *альтернативную* Варяжскому дому, но вместе с тем связанную с ним династическим браком.

Былина же, как мы теперь узнали, запомнила в положительной роли целых трех членов Древлянского дома, причем если Мал в былине фигура второстепенная, то Добрыня и Владимир Красно Солнышко принадлежат к числу главных героев Владимирова цикла. Иными словами, *былина считает именно Древлянский дом главной русской династией*. Нам еще предстоит узнать, почему.

В общей форме родословное древо Древлянского дома должно выглядеть так:

---

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 24.

Мал Древлянский

Добрыня	Малуша
Добрыничи	Владимир I
	Князья

Сочтя брак Святослава с дочерью Мала интересным фактом фамильного характера, любопытным для родословной Владимира, но важным в дальнейшем более всего для судьбы Добрыничей, Прозоровский серьезно недооценил значение собственного открытия. Из анализа родословного древа даже в той форме, в какой его составил он, следовало, что Владимир и его потомки (то есть все дальнейшие русские князья) были не только Рюриковичами, но и прирожденными князьями Древлянского дома. И если бы Прозоровский задался вопросом о значении своего открытия для судьбы и политики Владимира, поездка по следам Добрыни Никитича была бы предпринята не мною, а лет за сто до меня.

Союз Ольги с Древлянским домом. Брак Святослава с Малушей был, как мы убедились, важен для судьбы Мала и его детей. Но не меньшую важность представлял он и для Ольги и самого Святослава. А уж с их-то позиции такой брак был парадоксом из парадоксов!

Вдумайтесь в эту картину: в 945 году Мал поднимает восстание, в борьбе с ним убит государь Игорь Рюрикович (и не просто убит, а разбит в бою и казнен Малом). После этого, сообщает летопись, Мал требует Ольгу в жены (как мы теперь знаем, это означало фактически — одной из младших жен). Восстание тянется целый год, и Ольге с великим трудом удается его подавить. Естественно было бы ожидать, что побежденный Мал будет казнен (недаром в казни его так дружно были убеждены многие историки). И что же вместо этого происходит?

Сам Мал, попав в плен, сначала отделывается тюрьмой (вещь достаточно удивительная). Но дальше происходит нечто совершенно невероятное: не проходит и 15 лет с Древлянского восстания, как Ольга берет в жены своему сыну дочь того самого человека, который казнил его отца! Который чуть не опрокинул трон самого Святослава! Который ее, Ольгу, чуть не взял в свой гарем как трофей победы над Игорем!

Немыслимо? Но произошло именно так! И, как мы теперь убедились, древлянский брак был Ольгой тщательно

продуман, учитывалось все: иитересы престола, привилегии земель, государственное и династическое право. В свете этого и постепенное возвышение Добрыни и Малуши выглядит не просто как серия иепоиятных милостей княгини, а как результат ее целенаправлеииых действий. Политический прицел был взят дальний — чуть ли не с 946 года. Причем Ольга все время имела в виду свою коиечиую цель: древлянский брак!

И уж, коиечно, Ольга, даже обещав для виду Малу жизнь, сорок раз могла потом уморить его в тюрьме (как часто это случалось во всех монархиях мира с мятежниками, дерзиувшими посягнуть иа устои трона). Да и детей Мала могла уморить (таких примеров в мировой истории тоже достаточио: не одии «мешавший» принц был убраи с дороги явиым или тайиым убийством). А Ольга вместо этого все эти годы старательно оберегала их жизнь, чтобы в конце концов возвысить их.

Слишком много совпадений для того, чтобы считать их случайным стечеиием обстоятельств. Сомнения иевозможны: брак Святослава с Малушей зиаменовал ие только полиое примирение, ио и *политический союз* Ольги с Древляиским домом!

А это, в свою очередь, означает, что Древлянский дом, даже после поражения 946 года, даже в тяжкие годы рабства был в Русской державе такой серьезиой политической силой, что Ольга — ради прочиости престола своего сына — сочла разумным ие только покоичить вражду, но и сделать Древляиский дом своей опорой, своим лучшим другом. При Игоре Древлянский дом был грозной силой, противостоявшей Варяжскому дому. Но вдова Игоря, проявив иезаурядиые ум, смелость и иастойчивость, сочла высшей государственной мудростью заключить ди1астический брак между домом Рюрика и Древлянским домом.

Судя по былинам, Ольга в этих расчетах была права — *общерусский* эпос восторжеиио славит *Древлянский* дом. Случайностью такие иародные симпатии быть ие могли, и у Ольги были весьма веские основания учитывать в своей политике народную поддержку, которой пользовался Древлянский дом. Тем более веские, что дом Рюрика былииа отнюдь ие прославляет (то есть Варяжский дом до древляиского брака иародиой поддержкой ие пользовался).

Я покидаю Любеч. Но почему же диастия Рюрика ие пользовалась поддержкой русского народа? Ведь по летописи имеиио дом Рюрика создал русскую державу.

Зачем же этой законной и благодетельной династии вдруг мог понадобиться для популярности древлянский брак? И кто такие вообще эти древляне, за что их династию так любит былина? Ведь, по летописи, древляне — полудикари...

Нет, я не зря ехал в Любеч. Тайна отца Добрыни, судьба узника Любеча — ее перипетии и неожиданные повороты не уступают по увлекательности интриге романов Дюма, а по драматизму шекспировским трагедиям. Но она захватывающе интересна не только своими загадками и неожиданной сменой декораций, но и сама по себе, в чисто познавательном отношении.

Фигура Добрыни вырисовывается теперь перед нами все отчетливей. И русская история предстает в новом свете. Былинные персонажи и события обретают подробные реальные биографии и неожиданно четкие даты. Далекий X век оживает по мере знакомства с ним — он полон ярких событий. И политическое мышление будто бы «темной» языческой эпохи, как оказывается, ничуть не отличалось примитивностью. Совсем напротив.

Мы узнали в Любече и в связи с Любечем о Добрыне очень многое. Но новые загадки возникают одна за другой. Почему же летопись так упорно замалчивает, что Добрыня, Малуша, Владимир и все князья за ним были потомками Мала Древлянского? Зачем и почему летопись скрывает древлянский брак Святослава? Прозоровский на эти вопросы ответа не дает, он их просто не ставил. Значит, нам придется искать разгадку самим.

Возникает и другая группа вопросов: чего, собственно, хотел Мал, поднимая восстание? Ведь добивайся он трона Руси из одного честолюбия, былина не славила бы так восторженно его династию. Видимо, у него была политическая программа. Очевидно, именно она побудила Ольгу к поразительной смене политики и к самому древлянскому браку. Надо ли понимать дело так, что Ольга приняла фактически политическую программу Мала, то есть программу Древлянского восстания?..

Этих вопросов Прозоровский тоже не ставил — и ответ на них надо, видимо, искать не в Любече.

Я покидаю Любеч, его информация о Добрыне исчерпана. Правда, Цапенко пишет: «Отсюда была родом Малуша — мать киевского князя Владимира»[1]. Но Цапенко не знает даже, что Малуша — сестра «мифического»

---

[1] М. П. Цапенко. По равнинам Десны и Сейма, с. 137.

Добрыни. И нет, родом она не отсюда. Наука выяснила, что Любеч не родина ни Малуши, ни Добрыни.

По следам Добрыни надо ехать дальше, на его настоящую родину — в Древлянскую землю.

Мой путь лежит теперь прямо в столицу Мала Древлянского — в Коростень.

Глава 3
Коростень

Коростеньский гранит. Он стоит на красном граните, древний Коростень (сегодня оживленный районный город). Я гляжу на него из Шатрища — оттуда же, откуда глядел на него некогда противник Мала, которого древляне называли князем-волком.

Два гигантских холма из красного гранита встают как неприступные бастионы по обе стороны реки Уж. Высотой они метров по шестьдесят. Тысячу лет назад вершины этих гранитных бастионов были увенчаны деревянными крепостями. Подступы к обоим берегам были на крепком замке.

Название села Шатрища, как говорят, идет от тех самых времен. По местным преданиям, здесь были разбиты шатры войска Игоря Рюриковича. В 945 году (еще до Древлянского восстания) Игорь, по летописным данным, пришел под самый Коростень, чтобы взять с древлян непомерную дань. Этими-то притязаниями он, по летописи, и спровоцировал древлян на восстание.

Когда смотришь из Шатрища на Коростень, то понимаешь, какой сильной крепостью он был и почему войска Игоря разбили лагерь не под самыми стенами Коростеня (который он пришел осаждать, чтобы принудить Мала к выплате вторичной дани), а на почтительном расстоянии от города. Подступить к стенам Коростеня поближе осаждавшие не осмелились — видно, боялись метких древлянских стрел.

О силе Коростеня как крепости свидетельствует и летопись. В статье 946 года говорится о том, как город осаждала вдова Игоря. Ее требование о сдаче жители отклонили. Более того, коростеньцы не отсиживались за городскими стенами, а частыми вылазками тревожили осаждавших. «И стояла Ольга все лето и не могла взять город», — констатирует летописец. (Между прочим, «все лето» может означать и «целый год», что более вероятно, ведь *«летопись»* — это «запись событий *по годам».)* Так

или иначе, а армия державы и сама правительница оказались на долгий срок прикованными к стенам мятежного Коростеня... Когда глядишь из Шатрища, этому не удивляешься.

О силе крепости говорит и местное предание, согласно которому стены города в те времена были дубовые, длиной ни много ни мало в 10 верст... Разумеется, предание сильно преувеличивает. Но ведь речь идет о русском городе X века!

Вместе с тем местные предания — тоже ценнейший исторический источник, хотя и подлежит проверке и осмыслению, как и летопись, былина, мемуары. Так что, может быть, все-таки нет дыма без огня? Судить о длине и характере стен древнего Коростеня в конечном счете археологам. Но то, что стены Коростеня X века были крепкими и длинными (то есть город тогда был большим), само по себе достаточно правдоподобно. Иначе как бы мог он сковать на столь долгий срок войско Ольги? Пусть даже не на год, а на один летний сезон. Десятиверстовые стены для этого не обязательны, трехверстовые тоже. Но большая и сильная крепость — обязательна.

Судя по всему, в IX и середине X века Коростень был неприступным. Гранитные холмы дала ему природа, а деревянные стены и башни выстроили сами древляне. А что у крепости были отважные защитники, не скрывает и летопись. О силе ее говорят и косвенные данные: в летописях есть сведения о том, как варяги в IX веке брали Смоленск, Любеч, Киев, Пересечен (столицу Уличской земли), но о Коростене такие сведения отсутствуют. Взять его варягам тогда так и не удалось (потому-то у Коростеня в середине X века и оказался свой князь, да еще со славянским именем).

Местные краеведы производят название города от древнего слова «корста», среди значений которого были «камень», «гранит». В переводе на современный язык «Коростень» звучит примерно как «Гранитоград». Гордое имя! И дано оно не случайно — крепче и лучше гранита не было тогда во всей Русской державе. Коростеньцы гордятся своим гранитом и сегодня — ведь им облицован Мавзолей В. И. Ленина в Москве.

Можно видеть гранит и в самом центре Коростеня, где колоссальные гранитные глыбы, как застывший водопад, низвергаются в Уж. А напротив, за рекой, высится гранитная гора. На одной из таких гор Коростеня возвышался когда-то княжеский замок Мала. На какой имен-

но? Точные сведения отсутствуют, а археологи работали в Коростене мало.

Но ясно, что княжеский замок высился на одной из высот Коростеня. Еще в языческие времена восточные славяне были людьми практичными и имели обыкновение ставить замки на командных высотах. Где-то здесь родился Добрыня...

Временщик ли Добрыня в Новгороде? Уже первое впечатление от Коростеня, родного города Добрыни, подтверждает летописные сведения о силе крепости. Подтверждает оно и аналогичные данные местных преданий. Но эти же первые впечатления о твердыне Мала служат новым подтверждением открытия Прозоровского, добавочным свидетельством того, что Добрыня родился княжичем, а вовсе не был безродным выскочкой.

Между тем летописная *версия* намекает именно на это (хотя скрытая информация той же летописи и опровергает такую версию). Кому-то из позднейших князей было, как видно, важно, пусть ценой самых несуразных натяжек, доказывать, будто ни Добрыня, ни Малуша не имели княжеских прав.

Допустим на мгновение вещи невероятные: Добрыня сделал карьеру именно тем способом, на который намекает летопись, и, пользуясь слабостью Святослава, стал временщиком в Новгороде безо всякого на то права. Что же должно было случиться с таким безродным временщиком после смерти государя, чьим покровительством он держался.

Будь Добрыня таким, его явно ждало бы немедленное и такое же головокружительное падение. Да еще вместе с сестрой, никому теперь не нужной, и с племянником, незаконно занявшим княжеский стол. Подобных карьеристов-фаворитов окружает обычно зависть соперников и ненависть народа. Стоит им остаться без защиты с высоты трона, как их падение неминуемо встречается всеобщим ликованием.

Положение же Добрыни и после 972 года (смерть Святослава) остается незыблемым. Он продолжает править княжеством, а Владимир княжить. Между тем двенадцатилетний мальчик не мог быть ни прочной опорой временщику, ни даже надежной оградой. А если этот мальчик еще и незаконный сын князя, то его собственное положение чрезвычайно шатко. Если Добрыня — брат наложницы, то назавтра после смерти Святослава он никто. Одного гонца из Киева от нового государя,

Ярополка, достаточно, чтобы сместить его (да и Владимира заодно).

А если Добрыня брат жены Святослава? Разница огромная! (Как и в случае назначения его регентом княжества.) В этом случае права, которыми обладает Добрыня и после смерти Святослава, поддаются точному расчету. Добрыня тогда — шурин покойного государя. Брат великой княгини (безразлично, вдовствующей или покойной). Опекун малолетнего владетельного князя, законно занимающего новгородский стол по праву принца крови. И Добрыня — неоспоримый член коронного совета державы. Все его привилегии прочно узаконены. То, что Добрыня не был смещен Ярополком ни сразу после гибели Святослава, ни позже, показывает, что положение Добрыни было именно таково. И ему нельзя было отказать в голосе в решении дел всей державы, нельзя было даже сместить его из Новгорода — в частности, потому, что Добрыня был *полным хозяином оружия Новгорода.*

Можно ли поверить, что хозяином оружия целого княжества мог тогда стать человек, не знакомый совершенно с военным делом? (Что Добрыня стал дружинником, знают только былины, но не летопись). А вот для сына хозяина коростеньской твердыни такое положение естественно! Ведь Коростень, как в этом убеждаешься здесь воочию, был одной из самых могучих крепостей во всей Русской державе тех времен. Сын Мала Древлянского обладал необходимым престижем, чтобы новгородское боярство и горожане вверили ему свою судьбу.

Сын владельца Коростеня — это было само по себе (не считая прав, вытекавших из древлянского брака Святослава) достаточной рекомендацией и на государственный и на военный посты, связанные с огромной властью.

И стоя здесь, в Коростене, я размышляю о том, что победа 980 года была одержана Добрыней под Древлянским знаменем, но *новгородским оружием.* И хозяином этого оружия Добрыня стал потому, что родился в Коростене сыном Мала.

Это означает, что Прозоровский в 1864 году не просто предложил остроумное решение головоломной летописной загадки, но убедительно *доказал* его. Я уже приводил ряд дополнительных аргументов, подтверждающих открытие Прозоровского. В путешествии по следам Добрыни нам будут попадаться все новые и новые факты, подтверждающие верность этого замечательного открытия.

Древляне. Кто же населял Коростень и все княжество Древлянское? Кто они, собственно, такие — древляне? Кто они — народ, подаривший Руси Мала, Добрыню и Владимира Красно Солнышко?

В более ранней части летописи, в недатированной ее части, где нет еще счета по годам, есть крайне враждебные отзывы о древлянах — и в описании событий Древлянского восстания выпадов в их адрес также хватает.

Но, цитируя эти враждебные отзывы, писатель В. А. Чивилихин пишет: «Пресловутая летописная фраза, написанная подцензурным полянином, призвана была подчеркнуть политическое и нравственное превосходство великокняжеской метрополии».

А вот и сама эта пресловутая фраза: «А древляне живяху звериньским образом, живущие скотьски: убиваху друг друга, ядеху все нечисто, и брака у них не бываши, но умыкиваху у воды девица»[1].

Фраза, несомненно, подцензурна и пристрастна — и, конечно, призвана создать у читателя определенное впечатление. О превосходстве Киева? Не совсем так: впечатление, будто державу создала одна Полянская земля, а древляне (и жители всех прочих княжеств, о которых также есть соответствующие фразы, с возмущением отметаемые Чивилихиным как поклеп) были будто бы полудикарями, если не просто дикарями.

Но как же тогда эти мнимые дикари или полудикари оказались способными построить свой Коростень, одну из самых могучих крепостей в Русской державе?! Как из их «звериньской» и «скотьской» среды могла выйти целая когорта богатырей, воспетых общерусским эпосом? Почему же былина славит княжеский дом не полян, а именно этих«скотоподобных» полудикарей?

В Коростене не верить своим глазам нельзя. Ведь такой природный бастион надо было уметь выбрать, отстоять, укрепить! Нет, конечно, никакими дикарями или полудикарями древляне не были. И клевета в их адрес вписана в летопись, разумеется, не по приказу Владимира Красно Солнышко.

Если у древлян были какие-то отличия в одежде, обуви, еде, так это на научном языке этнографии именуется не «скотьством», а местными обычаями. Что до умыкания невест на игрищах, то это не отсутствие брака, а другой брачный обычай (если не обряд). Словом, древляне не

[1] В. А. Чивилихин. Память. М., 1982, с. 389.

жили ни зверинским, ни скотским образом, и княжество их было не из отсталых, а, напротив, из передовых в Русской державе. Все же летописные ядовитые стрелы в их адрес — просто сознательная антидревлянская клевета. Которой, увы, кое-кто склонен верить и поныне.

Воробьи и басни. В летописи древляне изображены не только «скотско-зверинскими» лесовиками, но еще и полными дуралеями, которых мудрая Ольга всякий раз обводит вокруг пальца, как малых детей. Таков летописный рассказ о падении Коростеня.

Как же Ольге удалось в конце концов овладеть этой могучей крепостью? По летописи, хитростью. Она-де посулила ограничиться легкой данью — по три голубя да по три воробья с каждого коростеньского двора. А древляне и обрадовались, что так дешево отделались. Но Ольга приказала своим воинам привязать к каждой птице горящий трут и выпустить птиц под вечер. Воробьи и голуби полетели по домам, и скоро Коростень запылал. Пользуясь возникшей паникой, Ольга будто бы взяла город и сожгла его дотла...

Сценка, бесспорно, картинная. Но вот что говорил о ней еще Н. М. Карамзин: «Так рассказывает Летописец... Но вероятна ли оплошность Древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростень посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию Русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга... оружием своим снова покорила сей народ»[1]. Одним словом, вся эта эффектная история всего лишь басня, верить которой Карамзин отказывался.

Действительно, крепости брать подобным способом нельзя было и в X веке. А такую крепость, как древний Коростень, и подавно. Еще Прозоровский подметил, что, по той же летописи, в «сожженном» Ольгой Коростене каким-то образом преспокойно остались жители. А былина упоминает «исчезнувший» (по летописи) Коростень среди городов, которыми владеет внук Ольги, Олег Древлянский. Как видно, Ольга и не думала жечь Коростень... А то, что при взятии города уцелела и была взята в плен и вся знать, и все княжеское семейство, и все городские старейшины, говорит, что не было и штурма Коростеня, не было случайностей боя и резни.

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1816, с. 163—164.

Итак, историки издавна отмечали в летописном рассказе о Древлянском восстании множество противоречий, а то и просто басен, верить которым нельзя. Например, в статье 945 года есть пространный рассказ о серии других хитростей Ольги. Древлянских послов, приехавших в Киев сватать ее за Мала, она истребляла будто бы пачками, а те даже не замечали, как их обманывают. Затем она будто бы истребила пять тысяч древлян (так и не заметивших убийства своих послов в Киеве) уже под Коростенем, споив их на тризне по Игорю. Замечания Карамзина о «баснословных обстоятельствах» и о том, вероятна ли оплошность древлян, относятся и к этим эпизодам. Карамзин отказывался верить им — и многие другие историки тоже. В этой связи любопытно и наблюдение Рыбакова: «В былинном эпосе нет... знаменитой серии мстительных действий Ольги»[1].

Видимо, в описание реальных событий летописец по княжескому приказу вставлял эпизоды заведомо ложные и неправдоподобные, изображающие древлян жалкими дуралеями. Это, безусловно, рука не Ольги, а кого-то из последующих князей. Целью таких вставок было просто максимальное очернение и посрамление древлян (и конечно, искажение характера событий). Кто из князей велел делать эти вставки, чернящие древлян, в данной связи несущественно. Ибо меня сейчас интересует вопрос:

Как же был взят Коростень? Да, как же он был взят на самом-то деле? Иными словами, при каких обстоятельствах попал в плен Добрыня? Ведь Коростень был практически неприступен, а Ольга его вообще не жгла!

Перед эпизодом с воробьями летопись упоминает о *переговорах*, которые велись между осажденным Коростенем и Ольгой. И притом о переговорах *длительных*. То есть стороны не только воевали, но и торговались об условиях прекращения войны. И о том, что Ольга при этом просила «мало». Каламбур прозрачен: Ольга требовала выдачи Мала! Как главного зачинщика и виновника всего. А древляне отказывались! И Ольга тогда, очевидно, стала что-то обещать Малу за его капитуляцию. Что это могло быть? Явно — относительно выгодные условия капитуляции.

Должно быть, обстановка сложилась трудная не только для Мала, но и для Ольги, что и побудило к компромиссу. Мало того что осада Коростеня и гражданская война

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 50.

в державе и без того затягивались. Следует учесть и то, что об обстановке в других землях в это время мы не знаем ничего, ибо летопись старательно фиксирует внимание на делах князей дома Рюрика, столь же старательно замалчивая дела и даже существование их противников.

А Ольге, вероятно, было отчего стремиться поскорее закончить войну. Замолчать восстание Мала в летописи оказалось невозможным из-за его размаха и гибели Игоря. Но замолчать брожение в других землях было вполне возможно. Ручаться, что в поддержку Мала не было менее крупных восстаний, допустим в Ростовской или Смоленской землях, нельзя.

Мы даже не знаем, в каких землях сидели в тот момент князья-варяги, в каких сохранились славянские княжеские династии, а в каких правили наместники-бояре. Во всяком случае, брожение и угроза новых восстаний в землях в 945—946 годах чрезвычайно вероятны. И это толкало Ольгу на компромисс.

Напрашивается вывод, что Коростень был сдан Малом на капитуляцию. Но не безоговорочную, а на заранее выговоренных условиях. И многие из этих условий поддаются расчету. Так, рабство, а не смерть — для Мала и его семьи, но также и для всей древлянской знати — явно входило в эти условия. И серьезные льготы для горожан Коростеня тоже. И для прочих древлян тоже.

Ход переговоров можно себе представить довольно живо. Ольге надо возвращаться в Киев, и притом с войском (а не продолжать править державой из-под стен Коростеня). А сделать это не удается. Коростень страдает от блокады, но сдаваться не спешит. Ольга поневоле предлагает переговоры. Вначале, видимо, на жестких условиях. Затем она вынуждена ставить условия более мягкие. Начинается торг, переговоры превращаются в систематические. Словом, сходятся на компромиссе.

Расчету поддается и еще ряд условий Коростеньского соглашения. Так, Мал добивается, чтобы Древлянская земля не была упразднена. Ольга согласна, но ставит ответное условие: Коростень за убийство Игоря должен быть развенчан, лишен ранга земельной столицы. Это в логике вещей. И это подтверждается тем, что столицей Олега Древлянского станет не Коростень, а другой древлянский город — Овруч.

Но я не стану рассчитывать всех условий капитуляции. Итог ясен: Мал пожертвовал свободой и короной

(не только личной, но и детей) и таким способом добился наивозможно выгодных условий капитуляции для своих подданных. В общем, капитуляции почетной. *Казней практически не было*. Ольга проявила себя при этом правительницей редкостной умеренности, гуманности и государственной мудрости. Такую фигуру трудно сыскать во всем мировом средневековье. Мал, в свою очередь, проявил себя правителем высоко принципиальным, ставящим в беде интересы своих подданных выше самых кровных собственных интересов. Вот тебе и «темная» (ибо языческая) эпоха! Вот тебе и мнимо отсталая языческая Русь!

Как мы уже видели, Ольга считала данное ею под стенами Коростеня слово чести не хитрой уловкой, нужной лишь для того, чтобы потом убить обманутого Мала и его детей и растоптать мятежную землю. Напротив, она придавала серьезное значение соблюдению слова. По всей вероятности, именно Коростеньское соглашение она сделала исходной точкой поразительного поворота политики, приведшего в конце концов к древлянскому браку Святослава.

Штурма Коростеня так и не было. Пожара, даже случайного, в Коростене тоже не было. Но настал день, когда ворота древлянской твердыни открылись и Мал с семьей вышел из них сдаваться в плен. С ним шел и Добрыня. Ему с сестрой предстоял путь в Киев или Вышгород, отцу — в Любечский замок. Что его ждет для начала рабская служба конюха, Добрыня, очевидно, в этот момент уже знал. Он простился с отцом и матерью, с древлянами и отправился навстречу своей судьбе. С горечью в сердце, но и с надеждой, что когда-нибудь настанет и на его улице праздник.

Простился с отцом и матерью... А кто же была мать Добрыни?

Мать Добрыни. Летописи о ней, естественно, молчат. Былина знает эту фигуру (обычно «честной вдовы»), но с множеством разных имен и с различным социальным положением. Активной роли в былинах мать Добрыни не играет, нередко не узнает его, когда он является инкогнито. Словом, серьезной помощи в расшифровке исторического прообраза фигура эта, к огорчению, оказать не может. И тем не менее есть основания высказать серьезную гипотезу о том, кто же была мать Добрыни.

Начнем с ономастики. Мы знаем для середины X века три имени Древлянского дома с основами «Мал» и «Добр».

Есть ли в это время где-нибудь еще имена с теми же основами? Да, есть — в Чешском королевском доме: знаменитая чешская принцесса Добрава, жена Мешко I Польского (с ее браком связано крещение Польши), и Малфреда Чешская, вторая чешская жена Владимира I.

Следующий вопрос, естественно, гласит: заметны ли русско-чешские связи в княжение Владимира, то есть в правление Добрыни? Да, они есть, и притом самые тесные. И именно в это время. Малфреда — вторая «чехиня» из жен Владимира. Первая (имени ее мы не знаем) была первой из летописных жен Владимира по времени, женой еще Владимира Новгородского. Из далекого Новгорода Владимир послал за женой именно в Чехию, лежавшую близко от Древлянской земли. От этой «чехини» родился первенец Владимира — Вышеслав. Он умер в детстве, и историки не уделяют внимания его фигуре. Между тем Вышеслав был фигурой первостепенного значения в ходе борьбы Владимира за престол. В случае убийства или случайной смерти Владимира в это время Добрыня мог продолжить борьбу в качестве регента при младенце Вышеславе (вспомним регентство Ольги при Святославе).

Обратимся теперь к фигуре Малфреды. Многое указывает на то, что старшей по рангу из жен Владимира была именно она (хотя летопись и уверяет, будто главной его женой была Анна Византийская).

И ко всему этому Чехия была главной союзницей Владимира на Западе. Короче говоря, чешский союз и чешские браки играли при Владимире I и при Добрыне из ряда вон выходящую роль. И это означает, что перед нами яркая страница русско-чешских связей и дружбы. Они уходят, оказывается, корнями в тысячелетнюю даль.

Но начались ли эти связи, браки и союз только во время Владимира? Вряд ли, они должны были начаться еще раньше — на древлянско-чешском уровне, так как совпадение в Чешском и Древлянском домах основ имен наводит на мысль, что имена эти при династических чешско-древлянских браках были заимствованы (безразлично в какую сторону). Явление заимствования династических имен широко распространено при браках.

В свете всего этого есть серьезные основания полагать, что матерью Добрыни и Малуши была *чешская принцесса* и что Добрыня был, стало быть, *прирожденным принцем крови Чешского королевского дома* (и Владимир тоже), что и сказалось в их политике.

Таким образом, чешский брак Мала предшествовал

двум чешским бракам Владимира и был их образцом, равно как и чешский союз Мала (очевидно, закрепленный этим династическим браком) был унаследован Владимиром, еще когда он был князем Новгородским, и затем в полной мере, когда стал государем державы. Добрыне же его права принца Чешского *королевского* дома должны были помогать в период его боярства (и гражданской войны, в которой он одержал победу). Благодаря этому он, будучи боярином, имел тем не менее во время регентства Новгородской земли право на титул типа «Его Королевское Высочество». В X веке (да и много позже) такие титулы имели политический вес и были серьезным оружием. Мы уже убедились, сколь серьезны были права Владимира по матери. Похоже, не менее серьезны были и права Добрыни по матери.

Как видим, при знании древлянского происхождения Добрыни поддается расчету и это.

Даждьбог. Эпопея Древлянского восстания, трагедия Мала, его детей и их последующего блистательного реванша разыгрывалась еще до крещения Руси. Поэтому вместе с людьми должны были, сообразно понятиям эпохи, сражаться и их боги (это правило известно с древнейших времен: вспомните «Илиаду», «Рамаяну» или восстания разных народов против Римской империи).

Был ли у древлян бог-покровитель? И если да, то кто именно? Еще до приезда я специально исследовал этот вопрос, но, честно говоря, не рассчитывал найти здесь подтверждение своим догадкам: слишком много времени прошло со дней крещения Руси, и живая память о языческом пантеоне стала достаточно смутной.

Однако против ожиданий в Коростене дело оборачивается иначе. Местный краевед Сергей Иванович Иванов собрал много здешних преданий. Среди прочих он рассказывал мне коростеньскую легенду о «Святище» (так именуется район гранитного водопада). Легенда такова.

Ольга (как известно, крестившаяся в Царьграде в 950-х годах) на старости лет решила кончить дни в Коростене, где на горе построила на месте языческого храма первую в здешних краях христианскую церковь. Это возмутило древлянских языческих богов. Перун, Даждьбог, другие боги начали швырять с противоположной стороны Ужа огромные камни, пока не свалили церковь в реку. С тех пор место Святищем и зовется. Людям богомольным иногда удавалось видеть на дне реки огни утопленной церкви и слышать ее тихий звон. А камни, которые швырял

Даждьбог, так и остались лежать в русле, образовав знакомый нам гранитный водопад.

Уже название «Святище» заставило меня насторожиться, а упоминание имени Даждьбога вызвало еще больший интерес.

«Именно Даждьбог?» — переспросил я.

«Да, — последовал ответ, — а почему вас это удивляет? Ведь в здешних краях, по всему украинскому Полесью, вообще ходит полным-полно легенд о Даждьбоге. К сожалению, они еще не собраны толком и не изданы. Они рисуют Даждьбога хозяином нашего края и народным героем, карающим зло».

Нет, я совсем не удивлен тем, что встречаю здесь имя Даждьбога. Более того, я ожидал, что если встречу его, то именно в такой роли. Но я поражен самим фактом встречи с Даждьбогом Древлянским, ибо не смел надеяться, что память о нем сохранилась тут до наших дней. И я вдвойне рад неожиданности потому, что Сергей Иванович не знал, как выяснилось, забытой статьи Прозоровского: стало быть, это никак не могло повлиять на собранные им на месте сведения о Даждьбоге.

Полесские легенды о Даждьбоге практически не выходили за пределы поля зрения краеведов. Зато память о политической роли Даждьбога сохранилась в памятнике совсем иного рода — в знаменитом «Слове о полку Игореве», посвященном более поздним драматическим событиям 1185 года. И сохранилась в довольно загадочном контексте: в термине «Даждьбожий внук», на который наука давно обратила внимание. Его пытались толковать по-разному.

Академик Рыбаков пишет об этом вот что: «Под «Даждьбожим внуком» в «Слове о полку Игореве» мы должны понимать не русских людей вообще... а *одного* человека во всей Руси. Оба упоминания Даждьбожа внука ставят его в единственном числе; от усобиц распадается на части его владение («жизнь»), его домен. Обида — богиня смерти и несчастий — появилась среди его войск... «Даждьбожий внук» — очевидно, властитель Руси, князь»[1].

Итак, еще на рубеже XII и XIII веков на Руси великолепно помнили, что языческая титулатура *государя всея Руси,* великого князя Киевского, гласила — «Даждьбожий внук». Что государь считается и титулуется потомком бога (сыном, внуком или иным потомком), удивить не

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 13.

может — это обычнейшее дело во множестве религий (вспомните титул китайских императоров «Сын Неба», имя фараона Рамсеса — «Сын бога Ра» и т. п.). Что титулатура великого князя Киевского не составляет в этом отношении исключения, вполне естественно.

Но почему же он именно *Даждьбожий* внук? Ведь главным богом державы, по летописным сведениям, был Перун! Государю следовало бы, по всем правилам, быть Перуновым внуком! То, что он не Перунов, а Даждьбожий внук — совершенно поразительно. И несомненно, означает, что Даждьбог сумел каким-то образом одержать верх над Перуном.

Когда же? На первый взгляд это представляется загадочным, ибо летопись такой победы не упоминает. Но на деле победа Даждьбога над Перуном поддается точной датировке. В 945 году, накануне Древлянского восстания, ратификация мирного договора Руси с Византией происходит в Киеве *перед статуей Перуна*. В ней участвует лично Игорь Рюрикович (и стало быть, он — ***Перунов*** внук), ратифицируя мирный договор с императором Романом. Но вступает договор в полную и законную силу лишь после того, как сам Перун Киевский заключает мир с равным себе по рангу — небесным хозяином Византии, Христом Царьградским!

Значит, в 945 году Перун — неоспоримый небесный хозяин Русской державы. И Игорь идет на Коростень и гибнет там также в качестве Перунова внука. А в 971 году в новом мирном договоре с Византией в качестве главного русского бога упоминается опять-таки Перун. На сей раз договор заключает с императором Цимисхием Святослав. Стало быть, и Святослав все еще Перунов внук.

А статья 988 года сообщает уже о крещении Руси. Чтобы отразиться на уровне трона державы, победа Даждьбога над Перуном должна была произойти между этими двумя датами.

На международной арене Перун был хозяином Русской державы. Но внутри державы он был хозяином Полянской земли. Точно так же, как Перун «воевал» и «заключал мир» с Византией, он, в представлении современников, «воевал» в любой гражданской войне внутри державы. И на протяжении всего этого периода Перун мог потерпеть поражение в самом Киеве только один раз — в 980 году. А этот год, как мы теперь знаем, был годом блистательной победы Добрыни и всего Древлянского дома.

События подтверждают, что Владимир действительно

был в острой вражде с Перуном. Не прошло и десяти лет с победы Владимира, как Перун был им низложен. Более того, изо всех богов *одного Перуна* при этом били железом, *одного Перуна* выпроводили вниз по Днепру за пороги, то есть за рубеж, в Печенегию.

Но ведь в 980 году Владимир Перуна не низложил, а оставил главным богом державы? Да, оставил. Но если приглядеться, то видно, что острая вражда их проступает и здесь. Сразу же после победы Владимир погасил огни киевского жертвенника Перуну и поставил на другом месте статуи *шести* богов. И хотя Перун в этом Шестибожии место сохранил, но мог отныне принимать жертвы и моления уже не один, а лишь в обществе других богов. Попросту говоря, Владимир в 980 году временно оставил Перуна царствовать, но — не править! Владимир отнял у Перуна реальную власть, учредив *соправительство* шести богов (сразу низложить Перуна Владимиру мешала, между прочим, угроза печенежской интервенции).

Покровителем Игоря Рюриковича в борьбе с Малом, несомненно, был Перун. Покровителем Ярополка в борьбе с Владимиром также, несомненно, был Перун (иначе он не остался бы на первом месте в Шестибожии и не подвергся бы вскоре после этого суровой каре Владимира). Все беды Древлянской земли и Древлянского дома (вспомним хотя бы десятилетнее рабство Добрыни и Малуши) считались в те времена проявлением воли Перуна. «Его могущества и справедливого гнева», — открыто говорил Варяжский дом и его сторонники. «Его злой воли» — в глазах древлян, в глазах всего русского народа.

А все свои удачи и победы древляне столь же естественно приписывали покровительству собственного, древлянского, бога, и небесный хозяин Древлянской земли, покровитель Древлянского дома непременно должен был находиться в 980 году в стане победителей — и в составе Шестибожия Владимира. Даждьбог в этом Шестибожии фигурирует — и титул Даждьбожьего внука в этой связи весьма красноречив.

Даждьбожьим внуком, несомненно, титуловался Мал — в качестве князя Древлянского. Этот титул должен был после него унаследовать Добрыня. Но унаследовал Владимир — и на сей раз в качестве государя всея Руси. И наличие этого титула у государя в Киеве (запомнившегося надолго как последний его языческий титул) может означать только одно: Владимир своей властью *сменил свою династию*, в 980 году или несколько позже (по моим

расчетам, в 985 году) он провозгласил в своем манифесте с высоты трона, что отныне царствует как князь не Варяжского, а Древлянского дома. Вот сколь серьезны были открытые Прозоровским для науки (но великолепно известные современникам Добрыни) права Владимира по матери.

Красно Солнышко. Но мой вывод, что Даждьбог был Даждьбогом Древлянским, опирался не только на загадку «Даждьбожьего внука». В нем играл крупную роль и стабильный былинный эпитет Владимира — «Красно Солнышко».

Никакими чертами «солнцеподобного» недоступного величия Владимир в былине не наделен: он пирует с богатырями, радушно беседует и шутит, обладает человеческими слабостями. Один из стабильных эпитетов его — «*ласковый* князь Владимир». Да и эпитет «Красно Солн*ышко*» звучит тепло, любовно, а вовсе не грозно-величественно.

Итак, дело на сей раз вовсе не в обожествлении деспотической власти монарха (образ былинного Владимира диаметрально противоположен этому; там же, где его именем прикрыты другие князья, деспотизм не прославляется, а обличается). Почему же у этого идеального, патриархального князя русской былины стабильный «солнечный» эпитет?

Ответ на это дан наукой. Говоря о Даждьбожьем внуке, Рыбаков пишет также: «С этой солнечной символикой связан и былинный эпитет Владимира — «Красно Солнышко»[1]. То есть эпитет сопоставлен непосредственно с миром богов.

Дело в том, что Даждьбог — именно *солнечный* бог. И если он был покровителем Древлянской земли, то Владимир был внуком Даждьбога-*Солнца* по праву *князя Древлянского дома.* Во времена, когда о нем слагались былины, это на Руси знал каждый. Эпитет «Красно Солнышко» был столь же естествен, как титул Даждьбожьего внука. И ласковое «Солнышко» (как и весь колорит образа Владимира) ясно говорит, что Даждьбог был тогда в глазах народа добрым божеством.

Победа 980 года (как и победа 945-го) была одержана под Древлянским знаменем. И хотя описания его не сохранились, но можно ручаться, что на нем сиял солнечный лик небесного хозяина княжества, Даждьбога Древлянского (вероятно, в сочетании с какими-то другими геральди-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 13.

ческими изображениями, например, с княжеской булавой Древлянского дома). В победном 980 году всюду, где армия Добрыни водружала Древлянское знамя, восходило после черной ночи деспотизма Варяжского дома Красно Солнышко русской свободы! И это Красно Солнышко было практически *княжеским гербом Владимира*. А свободолюбивая репутация Даждьбога была к тому времени освящена в глазах всего русского народа столетней героической борьбой Древлянского дома против варяжских угнетателей.

Солнечный лик Даждьбога в качестве родового герба Владимира должен был широко встречаться в его быту — на знаменах, в гридницах, где пировали с ним богатыри, на фасаде дворца, на утвари князя. Красно Солнышко могло быть вышито и на груди княжеской одежды, и притом не только парадной, но и походной, в которой князь объезжал знаменитые богатырские заставы — крепости против печенегов. Это Красно Солнышко само просилось в поэтический образ — и вместе с тем поэтическое «Владимир Красно Солнышко» было практически равнозначным титулу «Владимир Древлянский».

Добавочную роль в сложении и закреплении этого эпитета Владимира сыграло еще одно важное обстоятельство. В Шестибожии Владимира места богов (кроме оставленного поневоле на первом месте Перуна Полянского) оказались — как выяснилось при политическом анализе Шестибожия в свете древлянской теории — распределены в строгом соответствии с заслугами их земель в победе 980 года. Соправительство богов означало *соправительство земель*, было его проекцией на небо и фиксацией на земле. Оно означало ни много ни мало наличие *федерального парламента державы* и власть победоносной свободолюбивой коалиции земель (я не стану касаться здесь расшифровки ее младших участников).

Даждьбог в Шестибожии стоит на *третьем* месте (означавшем фактически *второе*). Но перед ним было одно место, еще более почетное. И настоящим хозяином положения в державе стал в 980 году именно этот бог, стоящий в перечне Шестибожия сразу вслед за Перуном и перед Даждьбогом. Имя этого «бога № 2» (фактически «бога № 1») — Хорс. И о нем известно, что он также был *солнечным* богом.

Какой землей Руси владел Хорс-Солнце? Это не может быть загадкой, ибо победа 980 года, как я уже говорил, была одержана под Древлянским знаменем, но прежде

всего *новгородским оружием!* По праву это место в Пантеоне Победы (а Шестибожие, учрежденное Владимиром, несомненно, было им) принадлежало небесному хозяину Новгородской земли. То есть *Хорсу Новгородскому*.

В теории эпохи именно Хорс Новгородский был главным победителем 980 года (протянувшим руку помощи своему союзнику Даждьбогу Древлянскому). И Шестибожие не просто Пантеон Победы персонально Владимира. Или даже персонально Владимира и Добрыни. Или даже всего Древлянского дома. Нет, у него есть и другие функции, и другой важный смысл. Шестибожие также — фиксация победы новгородско-древлянской земельной коалиции, установления *новгородско-древлянской гегемонии в державе*.

Стало быть, на общепринятом языке русской языческой геральдики (а он оставался общепонятен еще долго после крещения Руси) «Владимир Красно Солнышко» немедленно расшифровывалось каждым как титулатура «Владимир Новгородский и Древлянский» (или «Древлянский и Новгородский»).

Вот почему Владимир стал навеки для былины Владимиром Красно Солнышко!

Кстати, это означает, что победители 980 года, Хорс Новгородский и Даждьбог Древлянский, равно как и их противник Перун Полянский, были не менее серьезными *политическими* фигурами, чем, к примеру, Мардук Вавилонский, Афина Афинская и Юпитер Капитолийский.

Это означает и то, что русский языческий пантеон ничуть не был примитивным и недоразвитым, а, напротив, стоял на той же высоте, что пантеоны Древнего Востока, Греции и Рима! В этой непривычной для представления о Руси системе великие боги были *территориальными владыками* и, подобно князьям, имели территориальные титулы.

Далее, это означает, что владыками княжеств Руси великие боги стали *задолго до событий X века*, в глубокой древности по отношению к X веку. И еще это означает, что языческая Русь обладала высокоразвитыми политическими и конституционными теориями, построенными не на влиянии мусульманского или христианского мира, а на осмыслении собственной русской практики.

Святище. Но ведь я нахожусь сейчас не только в столице Мала Древлянского, но и в столице Даждьбога Древлянского, под чьим знаменем одержал победу в 980 году Добрыня. Где-то здесь должен был быть не толь-

ко княжеский дворец, в котором родились Добрыня и Малуша, но и главный храм Даждьбога. Где же? Не с ним ли связано название загадочного Святища? Ведь место, именуемое так издревле, имеется в Коростене и сегодня и по легенде оно связано с Даждьбогом и событиями X века.

Как я уже говорил, местные предания — драгоценный исторический источник, но нуждающийся в проверке и осмыслении. Вот хороший пример тому: в конце XIX века фольклорист И. И. Коробка записал в этих местах предание, которое гласило, что Игоря убила под Коростенем... рассорившаяся с ним Ольга! Можно ли этому верить? Конечно, нет. Но вместе с тем в предании, несомненно, отразились противоположность политики Ольги и Игоря и позднейший союз Ольги с Древлянским домом.

Что́ же надо отвести как заведомо недостоверное в предании о Святище? Прежде всего, церковь. И притом по многим причинам. Из разговора с Ивановым выясняется, что на самом деле церкви на горе никогда не было (там стояло лишь несколько старинных крестов). Да и строить в Коростене церковь на месте языческого храма Ольга не могла уже по одному тому, что не обладала для этого достаточной властью. Она крестилась сама, но Русь не крестила. Она не смогла крестить даже своего сына, Святослава, а государем был он. О преследовании языческих культов в такой обстановке не могло быть и речи. Но была и другая причина, по которой Ольга ни в коем случае не стала бы ломать коростеньское святилище Даждьбога: ведь этот бог благодаря древлянскому браку стал политическим союзником Ольги как раз в период ее крещения.

Легенда (с дополнительными стандартными мотивами звона потонувшей церкви и т. п.) перерабатывалась в течение столетий под воздействием совсем иной перспективы: антитезы христианства вообще с язычеством вообще. Картина союза Христа с Даждьбогом была для последующих столетий не только необычной, но и совершенно невероятной. Разумеется, она должна была замениться в легенде иной картиной. Так и произошло. А само мнимое желание Ольги поселиться под старость в Коростене? Это, видимо, отражение, хотя и превратное, ее союза с Древлянским домом.

Нет, Святище названо так вовсе не по утонувшей церкви Ольги. Напротив, церковь придумана для объяснения названия из христианской перспективы. Само же по себе слово ни в коем случае не может означать «место, где утонула церковь». Такое место именуется совсем иначе —

«церковищем». Для «святища» же гораздо естественнее другое значение — «святилище» (древнее). То есть открытый или закрытый языческий храм.

Если так, то что за святыню могли здесь сбросить в X веке на дно Ужа? Видимо, статую того же Даждьбога. Только делала это, конечно, не Ольга.

Ищу следы святилища Даждьбога у подножия той горы, на которой будто бы стояла церковь, и не нахожу. Но ведь, по преданию, Даждьбог, когда стал швырять камни через реку, стоял не под горой, а на противоположном берегу. И я начинаю искать следы святилища на западном берегу Ужа.

Действительно, вниз по течению от каменного водопада (но все еще напротив горы; река здесь делает петлю) у берега находится большой природный амфитеатр из гранитных глыб. Валуны циклопические, иногда голые, иногда поросшие мохом и травой. В центре амфитеатра обращенная в сторону Ужа и горы (и похоже, на юг — к полуденному солнцу) большая изолированная глыба с нишей под ней. Ниже ее — площадка, обрывающаяся прямо в воду.

Уж не алтарь ли это с жертвенником перед ним? Не здесь ли высилась когда-то статуя Даждьбога? Вдруг это и вправду чудом уцелевшее древлянское святилище? Ведь такие природные глыбищи не выкорчуешь, даже если хочешь разрушить храм враждебного божества.

Воображение рисует жрецов Даждьбога, совершающих перед его статуей обряд в открытом храме, созданном в природном амфитеатре. Древлян, толпящихся выше на его уступах. Кто знает, вдруг древняя статуя и сейчас лежит где-то на дне реки?..

Это лишь догадка, не более. Впечатление от амфитеатра гранитных глыб может быть и обманчивым. Возможно, святилище находилось где-либо поблизости. Возможно, оно теперь погребено под землей. Возможно, храм был закрытый... Словом, здесь судить археологам. А систематического археологического обследования Коростеня и его окрестностей еще не производилось. И не приходится сомневаться, что Коростень заслуживает пристального внимания археологов, да и краеведам здесь еще хватит работы на годы.

Продолжаю размышлять над Святищем и легендой о нем. Что еще надо в этой легенде отвести как недостоверное? Конечно, союз Даждьбога с Перуном против Ольги и Христа. Такого союза в X веке быть не могло. Как мы уже знаем, в 945—946 годах Даждьбог и Перун были не союз-

никами, а врагами. В политической теории эпохи восстание Мала означало, что Даждьбог Древлянский восстал против своего сюзерена Перуна Полянского и отказал ему в сюзеренитете. А при капитуляции Мала Даждьбог снова признал себя вассалом Перуна.

Мала можно было сослать в Любеч, но Даждьбог был бессмертен, ни выслать, ни даже развенчать его было нельзя: он вечно обитал в Коростене. А оскорблять древлянского бога и делать его своим вечным врагом в расчеты Ольги не входило. Стало быть, мотив единого фронта Перуна и Даждьбога против Ольги — такое же позднее наслоение, уже из христианской перспективы, как мнимая утонувшая церковь Ольги.

Но название Святища на христианское наслоение не похоже, церкви и места их расположения так не называли. Мне такое название больше не встречалось нигде, похоже, что оно уникально. И специфично для Коростеня. Оно явно может означать только место древнего языческого святилища. И ведь, в общем-то, название относится к тому самому месту, в пределах которого оказался гранитный амфитеатр.

Нет, я не спешу с выводами насчет Святища. Но решаю еще расспросить об этом Иванова.

Площадка казней. Оказывается, про гранитный амфитеатр тоже есть местная легенда, не связанная на сей раз с X веком. Но очень подходящая к тому, что показалось мне «жертвенной площадкой». Отсюда, гласит легенда, в глубокой древности, при злом царе Аттиле, сбрасывали людей в Уж.

Царь гуннов Аттила действительно оставил по себе в истории страшную память. Его прозвали «бичом божьим», а сам он похвалялся тем, что, где ступали копыта его коней, не растет больше трава. Своей колоссальной империей Аттила правил из нынешней Венгрии, опустошительные походы совершал по Западной Европе, немного не дошел до Сены, грозил и самому Риму. Словом, фигура для преданий о лютом деспоте очень подходящая.

Но Аттила — в Коростене?! Ведь он жил в V веке, за полтысячелетия до Добрыни. Может быть, к его громкому имени предание пристало значительно позже, просто по ошибке? Решаю отвести Аттилу как анахронизм, обычный для местных преданий, и задаюсь вопросом: нет ли в легенде о «площадке казней» смешения разновременных событий?

Ведь одно предание гласит: отсюда давным-давно, в

лихую годину, людей сбрасывали в реку. А в другом предании эти же места связаны не только с именем Даждьбога, но еще и с X веком. Случайно ли это? Какие драматические события X века могли быть притянуты преданием гораздо позже к временам злого царя Аттилы? Короче говоря, кого могли сбрасывать здесь в Уж в X веке?

Площадка, которая в предании оборачивается нежданно для меня площадкой казней, показалась мне при осмотре сразу жертвенной площадкой. Заметны даже природные желобки между глыбами, по которым в реку стекала кровь жертвенных животных. Но я не отнес эту площадку к войне, бою Даждьбога и Перуна против Христа. И вообще ни к какому бою. Я счел это нормальным (правда, величественным) местом жертвоприношений божеству, обитавшему здесь несколько веков. Но когда я осматривал жертвенную площадку в амфитеатре, который счел храмом Даждьбога, мысль о *человеческих* жертвах даже не пришла мне в голову, тем более что я уже знал, что Даждьбог был Солнцем благодетельным, подателем жизни и хранителем древлянской и общерусской свободы.

Однако в час войны перед лицом Даждьбога вполне могли и предавать ритуальной казни пленных врагов. Тех, кто посягнул на свободу Древлянской земли, охраняемой Даждьбогом.

Так могло ли это быть в X веке? В 945 году вряд ли — победа над Игорем была быстрой, и Игорь был немедленно казнен, но не в самом Коростене (об этом речь еще впереди). А война с Ольгой была упорной, но не кровавой (что нам уже известно), обе стороны щадили друг друга.

Однако в том же X веке была другая древлянская эпопея, когда вся Древлянская земля после нескольких лет гражданской войны оказалась захвачена знакомым нам уже Ярополком и его варяжским фаворитом Свенельдом — в 977 году. И эта гражданская война была ожесточенной и кровавой. В ходе ее с площадки казней вполне могли сбрасывать в Уж попавших в плен воинов Ярополка, вторгшихся в Древлянскую землю.

Но также вполне возможно и другое: что варяжские опричники Ярополка (или их союзники печенеги) расправлялись здесь с древлянами и бросали их в Уж специально отсюда, ради осквернения их храма, в отместку свободолюбивому богу. И кстати, не «швырял ли Даждьбог камни» в первоначальных вариантах легенды о Святище вовсе не в церковь, а во врагов, захвативших командную высоту напротив его святилища?

Ведь в ту эпоху каждая меткая стрела, пущенная через реку (особенно в этом священном месте!), каждый камень, метко брошенный древлянскими защитниками через реку, естественно понимались как направляемые самим Даждьбогом. Если так, то исходной точкой легенд о Святище было не крещение и не отношения древлян с Ольгой, а героическая оборона Коростеня и, в частности, самого храма Даждьбога в 977 году...

Как бы то ни было, а Святище в Коростене есть. И для археологов комплекс его загадок может оказаться интереснейшим объектом.

Но если я прав, заземляя легенды о Святище не на времени Ольги и не на временах Аттилы, а на 977 году, то Даждьбог тогда швырял камни не в Христа, а в войско Перуна, и в тот черный год Перун торжествовал.

Неудавшаяся столица Руси. Но я нахожусь не только в гордом «Гранитограде» Лесного края. Я нахожусь также в кратковременной столице Руси.

Коростень — столица Русской державы?! Да, именно столица державы. Провозглашенная Малом в 945 году. Но — так и не утвердившаяся в этой роли.

На основании чего же можно делать такой вывод? Во-первых, на основании отчетливых следов в самой летописной версии. Правда, она тщится представить Мала незадачливым князьком (за которого его принимали вследствие этого многие историки), полезшим в женихи к великой княгине. Словом, фигурой с Ольгой абсолютно несоизмеримой. Мотивом сватовства Мала к Ольге подсовывалась таким образом попытка Мала переселиться из дыры в стольный Киев.

Однако, странное дело, если вчитаться в текст статьи 945 года, то выясняется, что в нем идет речь вовсе не о переезде Мала в Киев к Ольге, а *о переезде Ольги в Коростень!*

Сначала Ольга требует максимально представительного и почетного посольства древлян, «чтобы с великой честью пойти за вашего князя, *иначе не пустят меня киевские люди»* (курсив мой. — *А. Ч.*). Речь идет отнюдь не о том, чтобы Мал стал при Ольге принцем-супругом в Киеве и даже не о вокняжении его в Киеве с переходом власти от Ольги в его руки. А о том, что киевляне не слишком охотно отпустят Ольгу жить в Коростень.

И дальше Ольга действительно едет в Коростень. Едет, положим, с намерением обмануть и истребить тысячи древлян, но ведь для виду-то едет, и древляне верят ей,

что она едет к ним. Ольга едет, словно не она великая княгиня, а Мал — государь Руси.

Нужды нет, что вся поездка эта есть вообще выдумка летописца. В статье 945 года фактически дважды недвусмысленно зафиксировано, что Мал тогда требовал Ольгу к себе в Коростень.

По какому же праву? *По праву победы!* Потому, что он после победы над Игорем немедленно объявил Коростень новой столицей Русской державы вместо Киева. И это подтверждается анализом действий Мала сразу после победы.

Что до мнимых действий Ольги, то еще Карамзин писал: «Здесь Летописец сообщает нам *многие подробности*, отчасти несогласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностью Истории, и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*»[1]. Шахматов считал их источником народные песни. Я полагаю, что это продиктовано князьями, враждебными Древлянскому дому. Но в данной связи это не важно. Действия-то Мала не выдуманы, и они поддаются расчету.

В логике положения (если Малу для законности власти над всей страной был непременно нужен захват Киева) была не отправка в Киев парламентеров, а немедленное развитие боевого успеха, форсированный марш на Киев! Во всех последующих усобицах в течение нескольких веков мы видим эту картину: одержав решающий военный успех на подступах к Киеву, очередной претендент на «царский» трон сразу же устремляется прямо на столицу. Надо ковать железо пока горячо, и претендент бросает войска на главную цель — Киев, стремясь взять его врасплох или с бою.

Между тем следов такого стремительного броска Мала на Киев летописный рассказ (в котором сквозь увертки ложной версии явственно проступают черты хода военных действий) не обнаруживает. (Вместо этого будет потом поход Ольги на Коростень и его осада.) Мал не делал броска на Киев, не шел на него победным маршем — потому что Киев не был его главной целью. Он считал свою власть законной и без того, рожденной победой над Игорем, а вовсе не обладанием разжалованной столицей.

Мал объявил себя государем всея Руси прямо в Коростене, и в его глазах Киев после поражения и казни Игоря автоматически перестал быть центром политической вла-

---

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, с. 160.

сти страны. Там, с точки зрения Мала-победителя, имелись теперь лишь «местные власти», в покорности которых он был заранее уверен (как оказалось, ошибочно). Мал вообще не добывал Киева, он подбирал его между делом.

Зачем же тогда он слал посольство к Ольге, да еще со сватовством? Он вообще не посылал посольства к Ольге. Он посылал посольство к боярству Полянской земли с требованием *выдать ему, прислать в Коростень, Ольгу вместе со Святославом как трофей победы.* Посольство было, таким образом, через голову Ольги, ее он просто не принимал в расчет.

Картина вырисовывается следующая: немедленно после казни Игоря Мал отправил послов в Киев к полянскому боярству с известием, что Игорь пленен, низложен и казнен, династия Рюрика также низложена, а он, Мал, отныне новый государь державы, а столицей ее стал Коростень. Мал требовал немедленного принесения ему вассальной присяги и, как уже сказано, выдачи Ольги и Святослава.

Но, чтобы решиться на такие претензии, мало обладать твердым сознанием своего права. Надо еще обладать реальной силой. Такие условия диктуют только с позиции силы, не опасаясь ответных ударов. Надо быть в состоянии сделать это. (Проиграл кампанию Мал только *через год*). Для этого надо явно не уложить князя в случайной стычке (как обманно пытается представить дело летопись), а одержать полную победу на поле боя.

То есть надо уничтожить не только лично Игоря, но и главную реальную опору его власти, уничтожить его *решающую* боевую силу.

Сделал это отец Добрыни? Очевидно, сделал. Иначе армия державы, остававшаяся в распоряжении Ольги, немедленно раздавила бы его стремительным броском на Коростень. Ольга бы в таком случае не стала (как в летописных баснях) хитрить и не стала бы (как вынуждена признать нехотя летописная версия) терять даром целый год до того, как осадить Коростень. Вполне очевидно, что в 945 году сильной армии у Ольги не было и ей пришлось ее фактически создавать с большим трудом и большой потерей времени.

Точнее, в 945 году в руках Ольги не оказалось армии, способной к наступательным действиям против древлян. А была только армия, способная оборонять сам Киев. То есть у нее сохранилось земельное ополчение Полянской земли, чье боярство, не пожелавшее лишаться в поль-

зу Древлянской земли привилегий первой коронной земли державы, решило отклонить все требования Мала.

Но если Мал одержал под Коростенем такую громкую победу над Игорем, то как же развивались военные действия?

Спешу на поле боя. Оно известно? Историкам — нет. Ни один историк не удостаивал его до меня своим посещением, ибо, доверяя лживой летописной версии и не зная открытия Прозоровского, не придавал фигуре Мала никакого серьезного значения. Но в Коростене место победы отца Добрыни над сыном Рюрика прекрасно известно всем. И меня везут прямо туда.

Глава 4
Игоревка

Болото. «Вон там, — говорит мне хуторянин Игоревки, — древляне и загнали Игоря с его варягами в болото. От самого Шатрища гнались, так уйти и не дали. Болото, оно здесь раньше всегда было, только недавно пересохло, когда на Уже плотину построили. И тогда тоже было. Гнали ночью. Те в Киев ускакать хотели, да их в болото загнали. Кони в трясине увязли. Тут их в плен и взяли. Вон оно, то самое место — его из рода в род все знают».

Хутор Игоревка, куда меня привезли местные журналисты, лежит от Коростеня тоже вниз по течению Ужа, но еще ниже Шатрища. От Коростеня до Игоревки 7—8 километров.

Вот оно, место финала всей древлянской кампании сына Рюрика. Но оно ли поле боя? Нет, главный бой, говорят журналисты, разыгрался еще под Шатрищем во время неожиданной ночной вылазки древлян из Коростеня. Это в городе и окрестностях знают все. Я интересуюсь, производились ли в Шатрище какие-нибудь раскопки, и что там, на поле боя, нашли? Нет, Шатрище внимания археологов и вообще ученых никогда не привлекало. А вот курган Игоря когда-то копали, но вроде не археологи, а любители.

Раскопок в Шатрище я делать, конечно, не собираюсь. Но в местность возле Игоревки вглядываюсь с величайшим интересом. Топография ее здесь очень красноречива. Игоревка (как и Шатрище) лежит на правом берегу Ужа. Иными словами, на *восточном* берегу, то есть ближайшем к Киеву. Игорь (с боями?) сумел дойти из Киева до Ужа. Но, споткнувшись о неприступный Коростень, дальше

пройти так и не смог. Последовал неожиданный сокрушительный контрудар Мала.

Разгромленный под Шатрищем, сын Рюрика ударился в бегство со своими отборными телохранителями. Его гнали несколько верст. Все это время он старался вырваться на спасительный простор и ускакать к себе в Киев. Но древляне — это здесь ясно видно по топографии местности — не просто преследовали Игоря, а гнались за ним с точным расчетом, все время прижимая его обратно к берегу Ужа, все время отрезая путь на Киев. И так и не выпустили на простор к дороге на Киев до самого конца, пока не загнали в болото у реки.

Как видно, древляне свой театр военных действий знали в совершенстве, даже ночью. Они не просто сделали ночную вылазку, но уже в Шатрище зашли Игорю в тыл, и притом не пешие, а конные. Из Шатрища Игорь не мог ускакать прямо на Киев, а смог какое-то время мчаться только по единственной дороге, которую ему древляне оставили открытой.

Он надеялся, что дорога эта вдоль восточного берега Ужа в конце концов выведет на свободу. Но дорога вела прямехонько в роковое болото. Как видно, Игорь знал здешнюю местность так плохо, что не только потерял под Шатрищем свою армию, но и попал в ловушку сам всего в нескольких верстах от Шатрища.

В Игоревке становится ясно, что весь стратегический и тактический план Игоря потерпел провал под Шатрищем, а Мал, напротив, показал себя великолепным стратегом и тактиком. Древляне отступали до самого Коростеня, очевидно в полном боевом порядке, и сумели сохранить достаточные силы для внезапного решающего удара, нанеся его в заранее выбранном месте, чрезвычайно удобном для них — и роковом для Игоря.

В этой связи следует заметить, что *вся* военная сторона Древлянского восстания пока едва изучена. А она, как видим, безусловно, играла серьезнейшую роль.

Предыстория восстания Мала. А как развивались события, приведшие к восстанию 945 года? Примечательно, что предыстория его тесно связана в летописи с двумя походами Игоря на Царьград, предпринятыми один за другим в 40-х годах.

Первый из них, в 941 году, кончился трагически: огромный русский флот был сожжен греческим огнем (то есть огнеметами византийцев). Большинство участников похода погибли в пламени или в пучине моря, лишь немногие

вернулись домой. По всей державе говорили в тот год о «молнии небесной», которой владели греки (летопись сочла нужным это отметить). Однако Игорь, не обращая внимания на ропот, в 944 году снова пошел на Царьград. Примечательно, что, по летописи, древлянские полки участвовали в первом походе на греков, но не во втором (серьезный признак назревания конфликта между Малом и Игорем).

На сей раз сын Рюрика предпочел вернуться с полдороги, заключив без боя компромиссный мир. При этом он получил от византийцев *на каждого воина* роскошные ткани и золото. В следующем (то есть 945-м) году византийско-русский мирный договор был ратифицирован, и Игорь, развязав себе руки, пошел походом уже не на Царьград, а на Коростень.

Этот поход обставлен в летописи не меньшим количеством баснословных обстоятельств, чем история с воробьями. Игорь-де не сам хотел пойти на древлян, а послушался своих жадных дружинников. А те жаловались: мы наги. Тогда Игорь пошел к древлянам и потребовал от них непомерно большую дань, а сверх того позволял своей дружине всячески обирать и притеснять древлян, а те все безропотно терпели. И дань ему платили. И восставать не собирались (степени правдоподобности летописного рассказа я пока не касаюсь, хотя несообразности в нем здесь бросаются в глаза).

Удовлетворенный Игорь направился было обратно в Киев, но по дороге его обуяла жадность. Чтобы не делиться будущей добычей со своими же воинами, Игорь отослал домой почти все свое войско с уже полученной данью. А сам с малочисленной дружиной опять повернул на Коростень, чтобы взять с него дань еще раз. Только после этого древляне и решили восстать (иными словами, летопись признает, что Игорь сам спровоцировал древлян на восстание).

История эта не внушает особого доверия даже на бумаге, а когда видишь коростеньский гранит, она становится и совсем смехотворной. Ну, на что, в самом деле, похоже, что скаредность Игоря, и без того анекдотическая, приписана государю великой державы, только что дважды ходившему в поход на столицу Византии и бравшему с нее дань золотом! Как Игорь собирался без войска ограбить крепость такой силы, как Коростень, тоже остается неведомым. И так далее.

Однако старинные тексты обладают порой свойством

внушать доверие к своей правдивости одним тем, что они — письменные и старинные. Но серьезные историки, начиная еще с Карамзина, верить басням, как мы знаем, отказывались. Так как же все-таки эти басни попали в летопись, государственный документ? Из народных сказок, как полагал Карамзин? Из песен, как полагал Шахматов? Короче говоря, из фольклора?

О нет, перед нами — *продуманная версия событий.* Она любопытным образом признает, что Игорь сам виноват в своей гибели, но сводит причины событий к жадности дружинников, к старческому безрассудству государя. А военную победу древлян над Игорем затушевывает, отрицает. И Ольга, и династия в целом в случившемся совершенно неповинны. То, что обстоятельства неправдоподобны, не важно, зато в официальной версии событий достигнуто желаемое распределение ответственности.

Нет, истинная предыстория восстания Мала гораздо серьезнее, и содержится она не в летописной версии, а в скрытой информации, проступающей сквозь нее. И это становится совершенно очевидным, когда летопись переходит к ответу древлян на провокации Игоря: к принятию ими решения о восстании. С этого момента в рассказе начинают внезапно звучать совсем иные, чрезвычайно серьезные мотивы, говорящие об истинном характере и размахе событий.

Князь-волк и князья-пастухи. Узнав о новых намерениях Игоря, древляне собрались в Коростене на думу (особо оговорено, что в думе принял участие и Мал). Это заседание Древлянской земельной думы можно с полным правом назвать историческим.

Летопись говорит именно о думе — и это надо принимать всерьез. Достойно внимания, что о думе на Руси говорится впервые в статье 945 года — и именно применительно к Древлянской земле. О думе же в Киеве при Игоре или его предшественнике, Олеге Вещем, не говорится ни слова.

В Коростене 945 года перед нами именно *земельная дума,* то есть важный государственный орган, *земельный парламент* (эквивалент западного ландтага).

Именно на его заседании в Коростене и выносится решение о восстании (где точно в городе он собирался, данных, к сожалению, нет). И решение о восстании выносится на основе серьезнейшей политической теории. Древлянская дума именует Игоря князем-волком и дает такое обоснование своему решению: если волк повадился

к овцам, надо его убить, а не то погубит все стадо. Точно так же Игорь заслуживает смерти, дабы он не погубил всех древлян.

Речь идет ни много ни мало о том, что земельная дума одной из земель державы выносит смертный приговор государю державы за притеснения народа, за антинародную политику! И поручает Малу свергнуть преступного государя с трона силой оружия.

И политический вопрос такого масштаба дебатируют и решают, по летописи, те самые древляне, которых и до и после этого летопись изображает дремучими лесовиками, непроходимыми простофилями. Но не будем далее останавливаться на вопиющем несовпадении летописного облика древлян с их теорией. Приглядимся ближе к самой древлянской политической теории.

Игорь приговорен к смерти за то, что к своим подданным относится, как хищный волк. Образное сравнение с волком означает, что Игорь заслуживает смерти не за отдельные частные акты произвола (не просто за превышение размеров дани или намерение взять дань вторично), а за принципиально неверное понимание им смысла княжеской власти. За деспотизм. Говоря тогдашним языком, *за самовластие* (этот термин известен по летописи с XI века).

Но как же подобает править князю? В чем состоит княжеский долг? Обладают ли древляне такой положительной программой?

Да, обладают и ею. Прибыв после победы над Игорем в Киев, древлянские послы гордо говорят Ольге, что их прислала Древлянская земля (заметьте, вся земля, а не один князь). И от имени всей земли заявляют Ольге, что Игорь убит за то, что, подобно волку, только хищничал и грабил, а вот древлянские князья — хорошие, ибо «распасли» Древлянскую землю.

Итак, перед нами, по существу, четкая политическая антитеза князя-волка и князей-пастухов. Согласно древлянской конституционной теории (ее следует называть именно так), князь должен обращаться с народом как пастух, а не как волк. Иными словами, заботиться о своих подданных, править на благо народа.

Было ли это пустыми словами? Судя по тому, как долго тянулось восстание, древлянам было за что сражаться. И, судя по тому, что былина запомнила и восторженно воспела эпоху Владимира и Добрыни, когда победоносные сын и внук Мала «распасли» уже не одну Древлянскую

землю, а всю Русскую державу, эта политическая теория осуществлялась на практике и отвечала народным интересам.

О древлянской политической теории я имел случай писать в одной из моих научных статей, что теория эта в основе идентична гораздо более поздней тираноборческой теории Запада — знаменитой английской Великой Хартии Вольностей XIII века и еще более поздних протестантских революций (начиная с «протопротестантских» доллардского движения в Англии и гуситской революции в Чехии и далее через Нидерландскую, гугенотскую во Франции и Английскую революцию вплоть до Американской). Там имеется та же антитеза деспотизма и закона, «божественного права королей» и права подданых низлагать и избирать своих властителей, если те правят во вред им.

В языческой Руси вопрос оказывается совершенно тот же, что спустя не одно столетие на христианском Западе: народ ли создан для монархов или, напротив, монархи должны править на благо народа? Наличие подобной политической теории на Руси еще в X веке говорит о высокой зрелости политической мысли Руси (и в частности, Древлянской земли) в языческую эпоху. И не забудем, что венчалась эта система, как показало Шестибожие Владимира, федеральным парламентом державы (с его своеобразной «проекцией на небо»).

Древлянская конституционная теория не была ранее никем оценена по достоинству по нескольким причинам. Во-первых, само наличие политической теории у мнимых полудикарей не принято было замечать, ее считали бреднями «дуралеев», доведенных жадностью Игоря (а вот ей верили) до отчаяния. То есть теорию не видели потому, что глядели на нее сквозь призму басен. Во-вторых, в тех редких случаях, когда ее все же замечали, то, не зная открытия Прозоровского, принимали за демагогию сепаратистов (то есть древлянской знати). И в-третьих, ее идентичность тираноборческим конституционным теориям Запада XIII—XVIII веков не замечалась и не осознавалась потому, что последние привыкли видеть в христианском мире и в библейской оболочке. Сама мысль о возможности той же теории в языческой «упаковке», да еще и в категориях мнимо примитивного русского язычества — и в голову прийти не могла.

А между тем в X веке ничего сравнимого с древлянской политической теорией по пафосу и по совершенству на тогдашнем Западе невозможно сыскать — время запад-

ных параллелей впереди на целые столетия. А о деспотической Византии и говорить нечего.

Знаменосцем этой политической теории и был Древлянский дом. Таким образом, выясняются новые серьезные социально-политические причины народных симпатий к нему в жизни и в былине. Обычные монархические иллюзии средневековья не знают учреждений, в них бесправный наивный народ полагается на авось, на «доброго монарха». Но в древлянской конституционной теории и практике народ вовсе не бесправен, он полагается на оружие в собственных руках и на целую систему свободных учреждений. Для защиты этих народных вольностей в 945 году и было пущено в ход оружие.

Ввиду серьезности этого фактора становится ясно, что анекдотические мотивировки летописного рассказа (да и не они одни) призваны лишь затемнить суть дела. Ясно, что, обогащенные прошлогодней царьградской данью, дружинники Игоря положительно не могли жаловаться, будто они наги, а Игорь пошел на древлян вовсе не из-за их уговоров и скаредности по отношению к ним и не думал проявлять. Отважиться прийти под стены неприступного Коростеня можно было лишь во главе сильной армии. А находясь там, Игорь вообще не мог отослать всю армию домой и остаться под Коростенем с горсточкой воинов. Безропотно терпеть насилия войска Игоря древляне тоже не стали бы. И весь конфликт вспыхнул вовсе не из-за дани.

Провокацией было само вторжение Игоря в Древлянскую землю (держава была федеральной, и земли имели свои вольности и войска), а цель его была явно — раздавить древлян. *Цель же восстания состояла в свержении Игоря и всего Варяжского дома, возведении Мала и Древлянского дома на трон державы* и «распасении» всей державы, то есть в полной смене политики в общерусском масштабе.

Знаменательные параллели. Но если так, то параллелизм есть не только в тираноборческих теориях, вдохновлявших деятелей разных веков и стран. Он должен быть и в самих событиях! Таких параллелей Древлянскому восстанию не усматривали да и не искали. Карамзин, подводя общий итог правления Игоря Рюриковича, писал: «Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным Печенегам утвердиться в соседстве с Россиею, и, не довольствуясь справедливою, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его как хищный завое-

ватель»[1]. Действия Игоря и Ольги Карамзин комментировал (порицая, извиняя, хваля), но к поступкам лично Мала он никакого комментария не давал. И с легкой руки Карамзина Мала принято было считать третьестепенной фигурой, на которую не следует обращать сколько-нибудь серьезного внимания. А на само Древлянское восстание? В карамзинской традиции это лишь кровавый, но незначительный эпизод из варварских времен, в котором случайно погиб весьма неразумный государь. Да и вызвано оно было в конечном счете вопросом о размерах дани.

На самом же деле Древлянское восстание — событие совершенно другого ряда. И отчетливые параллели к нему обнаруживаются там, где искать и даже предполагать их никому и в голову не приходило. Вот они:

1215 год — когда Джон Английский оказался, по меткому выражению известного английского историка Грина, «с семью рыцарями за спиной и лицом к лицу со всей нацией, взявшейся за оружие»[2]. Опираясь на всенародную поддержку, восставшие бароны заставили Джона подписать Великую Хартию Вольностей, закреплявшую закон страны и ограничивавшую королевский деспотизм.

1264—1265 годы — когда Саймон де Монтфорт, ведя бой за Хартию против деспотизма Генри III, разбил королевскую армию под Льюисом, созвал парламент и когда разбивший его затем под Ившемом наследный принц Эдуард вынужден был сохранить этот парламент и вступить на путь конституционных реформ.

1399 год — когда на торжественном заседании обе палаты парламента низложили Ричарда II за то, что он нарушал законы страны и заявил, что источник закона находится в его собственном сердце.

1581 год — когда восставшие Нидерланды отреклись от Филиппа II как своего государя, низложив его за многолетний деспотизм и попрание нидерландских законов.

1649 год — когда Чарлз I Английский был казнен по суду за аналогичные прегрешения перед своей страной.

1689 год — когда парламент Англии провозгласил Джеймса II утратившим престол, в частности за попытку подорвать конституцию страны и за нарушение ее основных законов.

Параллели настолько отчетливы и разительны, что ошибиться положительно невозможно. Местный эпизод —

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, с. 158.
[2] I. R. Green. A short History of the English People. Lnd., 1889, p. 127.

на самом деле грандиозное событие. Водевильный «князек-женишок» на самом деле великий человек, чье дело не гибнет ни в каких превратностях, чье имя и знамя и через сорок лет вдохновляет его наследников и сокрушает троны тиранов.

Восстание Мала Древлянского стоит в одном ряду с теми событиями, которые Англия и Голландия — самые передовые страны Запада спустя много веков — считают славнейшими вехами своей истории.

Секрет победы. Но если истинный размах событий в 945 году был таков, если Игорь под стены древлянского «Гранитограда» пришел с решающей военной силой (очевидно, великокняжеской гвардией)... Если он потерял эту силу под Шатрищем (что, как уже отмечалось, явствует из тона, которым послы Мала разговаривали в Киеве, и из характера их требований)... Если так, то возникает вопрос: как же удалось Малу достичь столь полной и громкой победы? Ведь до того древлянское войско отступало до самого Шатрища, то есть до самых подступов к Коростеню.

Не подсказывает ли топография Шатрища, в чем состояло тактическое средство Мала, решившее исход сражения и судьбу Игоря и его армии? К большому сожалению, окинуть одним взглядом поле боя в Шатрище нельзя. Здесь за тысячу с лишним лет слишком многое изменилось — построена плотина на Уже (отчего и пересохло болото вниз по течению), велось разное другое строительство, леса за века повырубали, мог где-то и новый лес вырасти на месте поляны, бывшей в 945 году. Рельеф Замковой горы в Любече и холмов Коростеня за тысячелетия не изменился, он читается с одного взгляда. Но в Шатрище даже очертаний поля боя не видно.

Раскопки, конечно, могут показать многое (как, впрочем, и разочаровать). Но раскопки — труд кропотливый, многолетний, и не обязательно в первый же их сезон выявится, где в 945 году был лес, а где поляна. Да пока что раскопки в Шатрище и не предвидятся.

Дополнительные легенды о Шатрище? Мне их не сообщают (хотя они могут и быть). Но опять-таки, даже если они найдутся, их тоже надо проверять и в них кое-что может оказаться напутанным (с чем мы уже знакомы).

Я стою перед очередной загадкой. Да, в Игоревке видно, что древляне прекрасно знали свою округу, каждую излучину реки, каждое болотце, а Игорь был здесь чужаком. Недаром древляне сумели загнать его в болото всего

после нескольких верст погони. А что заставило Игоря удариться в паническое бегство? Ведь его гвардия была уложена не в погоне, а прямо под Шатрищем, на поле боя. Но как?

В чем же состоял секрет победы Мала? Каково было его вероятное «волшебное средство»? В летописи о нем ничего нет, как нет и самой победы, но ведь в жизни они были! Как его выяснить хоть гадательно, если местность ключа не дает? Видимо, только путем обращения к скрытой информации летописи, к знакомому нам уже методу расчетов.

Летающий огонь. Вернемся к рассказу о взятии Коростеня с помощью воробьев и голубей. Еще Шлёцер (предшественник Карамзина) счел эту историю баснословной. И в доказательство даже привел свидетельство одного скептика, решившего проверить на опыте, возможно ли таким способом поджечь город. Оказалось, что перепуганная ворона, которой подвязали зажженный трут, в панике взмыла прямо вверх, покрутилась немного в воздухе и камнем упала обратно на то же место, откуда взлетела.

Да, птицы для поджога городов не годятся. Огонь с помощью воробьев по воздуху не перебрасывается.

А не с помощью птиц? Можно ли вообще перебрасывать огонь по воздуху? И может ли летающий огонь быть оружием в военных действиях?

Вопрос гораздо серьезней, чем казался. Раскроем летописи, и мы убедимся, что именно в 40-х годах X века по всей стране говорили как раз о летающем огне.

О чем говорят по всей стране в народе, летопись (верная своим династическим правилам) вообще отмечает чрезвычайно редко. Но в 941 году — всего за четыре года до восстания Мала — она делает исключение. Дело в том, что в этом году византийцы истребили флот Игоря греческим огнем.

До того русские с ним не встречались. Эффект внезапного обстрела был ужасен: люди в панике бросались с подожженных кораблей в море, но спасались лишь немногие. И летопись специально говорит, как уцелевшие рассказывали дома — «каждый своим» — про ужасное оружие греков, подобное молнии небесной. Столь сильно было впечатление от переброски огня по воздуху.

Итак, направляемый летающий огонь не только был возможен в X веке, но даже мог быть *решающим* оружием. Более того, он был в тот момент новинкой, его внезапное применение оказывало добавочное психологическое воз-

действие, вызывая панику. С новинкой этой войско Игоря впервые столкнулось в 941 году, понеся от нее сокрушительное поражение. А всего через 5 лет летопись говорит о (мнимом) взятии Коростеня с помощью поджога, вызванного летающим огнем.

Не скрывается ли под басней тактический прием? Ольга-де не хуже греков умела перебрасывать огонь по воздуху — хвастает за нее придворный летописец кого-то из позднейших князей. Но ведь Ольга вообще не жгла Коростень, и паники от пожаров среди его защитников не было. И никаким летающим огнем в форме мифических воробьев и голубей Ольга не владела.

А в летописи все же говорится о внезапном летающем огне, обеспечившем ей победу в 946 году. Однако победу мнимую. А не передан ли Ольге в летописной версии тактический прием Мала? Тот загадочный тактический прием,. который и обеспечил ему победу в 945 году под Шатрищем?

Что же именно? Неужто греческий огонь (состав которого хранился византийцами в столь строгой тайне, что остался и по сей день неизвестен)? Почему тогда его не оказалось в арсенале русских в дальнейшем? Нет, не греческий огонь. Но существуют и другие способы заставить огонь летать по воздуху, поражая цель. Например, зажигательные стрелы!

Стена щитов. Отвлечемся, однако, на мгновение от зажигательных стрел и обратимся к княжеской гвардии. Нет ли параллельных примеров в истории близких эпох, когда разгром великокняжеской (или ее западного эквивалента, *королевской*) гвардии решал судьбу сражения и страны?

Да, такой пример есть. Правда, не в середине X века. Но и не так уж далеко от нее — в 1066 году. Это знаменитая битва под Хейстингзом (его часто ошибочно именуют у нас Гастингсом). В ней английская викингская гвардия хаускарлов, созданная Кнудом Датским и унаследованная последующими англосаксонскими династиями, была уложена на поле боя войском (в основном французским) герцога Гийома Нормандского. Гийом в результате этой битвы получил прозвище Вильгельма Завоевателя и стал королем Англии Уильямом I. Его противник, английский король Гаролд Годвинсон, был под Хейстингзом убит. Для Англии Хейстингз означал конец власти отечественных династий и долгое чужеземное господство, деспотизм, ответом на который явились через полтораста лет всеоб-

щее иациональное восстание и Великая Хартия Вольиостей.

Займемся, одиако, военией стороиой Хейстингза. Совремеиный английский историк Трэвэлиэн дает сжатый анализ этого сражеиия. Сиачала ои остановился на боевых позициях: хаускарлы Гаролда (верховая пехота) заняли шпору верхушки холма, то есть комаидную высоту, а нормандская кавалерия вышла из большого леса для ее штурма (ах, эти бы подробиости для Шатрища!). Затем ои переходит к вооружеиию обеих сторон и отмечает, что и у королевской гвардии Англии, и у рыцарства Нормаидии были одиотипные кольчуги, как раиее у викингов, ио удлиненные в виде юбки с разрезом для верховой езды. Ноги их защищали в седле удлииеиные щиты, а голову — коиические шлемы (ополченцы с обеих сторон были хуже вооружеиы).

Кстати, а древляие 945 года как были вооружеиы? Никто из историков этого вопроса не исследовал, но можио ие сомневаться, что иа стороие Мала сражалась его княжеская гвардия (дружииа) и, конечио, оиа тоже была в кольчугах, шлемах и со щитами не хуже, чем у воииов при Хейстиигзе.

Трэвэлиэи пишет: «Англо-датчане, оставив своих коией в тылу, продолжали драться пешими в кольце щитов длииной датской секирой... Нормаидцы же дрались с седла, бросая копье и коля им, рубя мечом. Но даже удариая тактика их великолепиой кавалерии оказалась неспособной сломать стену щитов иа макушке холма без помощи другого рода оружия»[1].

Стоп! Что за таииственные «стеиа щитов» и «кольцо щитов»? Это ие образиые выражеиия, а точиые воеиные термииы, восходящие еще ко времеии походов викингов, то есть практически к IX веку. Для ясности приведу еще отрывок из Трэвэлиэна, относящийся к тому же веку, эпохе интеисивиых датских вторжеиий в Англию (ио хаускарлы Киуда Датского были создаиы уже в начале XI века). Итак, речь идет о викингах IX века: «Викинги в своих кольчугах были неодолимы из-за силы, с которой оии размахивали своей длииной двуручиой секирой, мастерства, с которым владели луком, и регуляриого строя клииом, в котором дисциплииированные команды кораблей были обучеиы сражаться иа суше»[2].

---

[1] J. M. Trevelyan. History of England. Lnd., 1937, p. 117.
[2] Там же, с. 77.

Когда от атаки клином приходилось переходить к обороне, викинги мгновенно занимали круговую оборону, закрывая клин сзади и смыкая края щитов так, что они образовывали кольцо и сплошную неприступную стену. Отсюда и названия.

В IX веке стена щитов была тактической новинкой викингов, обеспечивавшей им успех по всей Западной Европе. В XI веке стена щитов уже не новинка, но все еще непобедима, потому что нет способа пробить брешь в ее круговой обороне. И королевская гвардия хаускарлов, врезающаяся в атаке клином, а в обороне смыкающая стену щитов, — в те времена нечто вроде танковой дивизии XX века. И Гийом Нормандский (чьи всадники в отличие от противника обучены сражаться с седла) с самого утра и чуть не до вечера тщетно пытается пробить стену щитов. Он бросает в бой конницу и пехоту, рыцарей и простолюдинов, но стена щитов по-прежнему стоит неколебимо. Из-за этого сражение и вся кампания кажутся для нормандских захватчиков проигранными.

Все усилия Завоевателя направлены к одной цели: расстроить проклятую стену щитов, ибо, если это удастся, его призом станет Англия. В конце концов это ему удается — с помощью двух тактических приемов: притворного бегства нормандцев и их *превосходства в лучниках* (искусство, утраченное хаускарлами). Хаускарлов засыпали стрелами и тем пробили наконец стену щитов. Трэвэлиэн даже сравнивает роль лучников под Хейстингзом с решающей ролью английского дальнобойного оружия в битве при Ватерлоо.

Вот какова была под Хейстингзом роль стены щитов — и роль пробивших ее стрел. Но какое же отношение может это иметь к Шатрищу? Разве Мал мог знать уроки Хейстингза за сто с лишним лет до него? Нет. Но я полагаю, что перед ним стояла та же тактическая задача и он сумел решить ее сам еще в 945 году. То есть ему удалось пробить стену щитов.

Вряд ли Мал обладал преимуществом конницы над верховой пехотой (иначе бы он был наступающей стороной, а Игорь не дошел бы до Шатрища). Да преимущество это, как мы только что видели, не помогло и Вильгельму Завоевателю. Дело в обоих случаях решили именно стрелы.

Но из-за важности мотива летающего огня в летописных статьях 941 и 946 годов я полагаю, что стрелы, решившие исход Шатрища, были, в отличие от Хейстингза, зажигательными.

Уроки и следствия 941 года. Если летопись, даже стараясь очернить древлян, вообще вынуждена привести их характеристику Игоря как князя-волка, из этого, видимо, следует, что деспотизм Игоря был широко известен по всей Руси, не исключая и Киева. И если летопись вынуждена признать, что по всей стране в 941 году только и говорили, что о катастрофе на Черном море, то, очевидно, повсеместно раздавался народный ропот такой силы, что его пришлось отметить и в летописи.

Правда, в летописи это перетолковано по-своему: уцелевшие участники похода говорят-де о греческой «молнии небесной» лишь чтобы оправдаться, почему не победили греков. А Игорь, вернувшись, начал собирать множество воинов, желая идти в новый поход на греков, взять реванш. На самом деле, летопись не стала бы отмечать «оправдания» рядовых воинов, она отметила предмет всеобщих разговоров лишь вынужденно. По всей стране вовсе не корили злополучных воинов, а проклинали князя, загубившего в ненужном народу походе тысячи его сынов. Но князь-волк верен себе, он решает идти в новый поход за добычей для дружины, для гвардии. А народ пусть гибнет, на то быдло и создано.

Однако отец Добрыни, князь-пастух, считает иначе: когда в 944 году Игорь, набрав войско, идет на Византию снова, Мал отказывает ему в древлянском ополчении. Отказ подставить его ради Игоря под истребительный греческий огонь есть прямое следствие урока 941 года. (Ольга тоже усвоила урок народного ропота — при ней эти походы прекратились.)

Но было, видимо, и другое следствие: военачальник такого калибра, как Мал, не преминул осмыслить чисто военный урок 941 года. Внезапный шквал огня с неба — вот оно, давно искомое средство, перед которым не устоит и сама стена щитов! Хваленой страшной варяжской (т. е. скандинавской) гвардии Варяжского дома придется расстроить ряды, а тогда уж славяне сумеют свести счеты с ненавистными угнетателями.

И вот Мал, скажем с 942 года, начинает втайне готовить зажигательные стрелы с негаснущей смолой и открыто (под предлогом объявленного Игорем предстоящего нового похода на греков) усиленно тренировать древлянских лучников в меткости и кучности стрельбы обычными стрелами. И в 945 году отец Добрыни пускает в ход, так сказать, «древлянское издание греческого огня». От шквала огня с неба под Царьградом Игорь и его гвардия ушли

(их корабли были в безопасном отдалении, когда гибли славяне). Но шквал огня с неба, направляемый руками древлян (славян, а не варягов), настиг и самого Игоря, и всю его варяжскую гвардию, с которой он вторгся в пределы Древлянской земли.

Хейстингз и Шатрище. Зажигательные стрелы, конечно, слабее греческого огня. Но Малу греческое оружие нужно не на века, а на один, решающий бой. Надо только расстроить стену щитов, дальше все пойдет само собой.

О Хейстингзе написано много. О Шатрище — ничего. Само имя его и место оставались историкам неизвестны, их знали только в Коростене. Но когда-нибудь в Шатрище будут крупные раскопки, когда-нибудь о нем напишут не одну монографию.

А пока можно делать лишь общие сравнения. Но и они поучительны. Под Хейстингзом королевская варяжская гвардия стояла на командной высоте, для нее выбрали позицию, удобную для круговой обороны. Шатрище же варяжской гвардии Игоря было разбито в низине. Командную высоту занимали стены и защитники Коростеня. И Игорь не решался не только их штурмовать (рассчитывал выморить долгой осадой?), но и близко к ним подступить. Это верное свидетельство того, что меткие лучники у Мала имелись в изобилии.

Но могло ли шатрище быть разбито прямо в чаще леса? Нет, в чаще стены щитов вообще не сомкнешь, а она была главным козырем варяжской гвардии в случае обороны. То есть для стоянки войска Игоря требовалось выбрать позицию, удобную для круговой обороны — на случай внезапной вылазки древлян. А ее опасаться было можно. Ведь гвардия Игоря расположилась либо на обширных полянах, либо на свободном месте у берега Ужа (вероятней первое).

В какой-то мере Мал заманивал Игоря именно в Шатрище, уже имея план разгрома. Но вряд ли поляны фактического Шатрища были единственными на всю округу — и у плана Мала имелось несколько альтернативных вариантов. Но все они строились на одном стержне: скрытая вылазка, окружение врага, внезапность огневого удара и разгром. Паники, вызванной в рядах гвардии Игоря внезапно обрушившимся на нее шквалом горящих стрел, будет достаточно. Либо стену щитов сомкнуть не сумеют и не успеют. Либо ее придется разомкнуть. А древляне дерутся не хуже варягов — и за свое кровное дело. Добавочным плюсом плана было выбранное отцом Добрыни ноч-

ное время: древляне знали свои места и в темноте, а войско Игоря — нет и в возникшей панике ничего толком разглядеть не могло.

Так вырисовывается в общих чертах боевой план Мала, блестяще задуманный и выполненный. Но детали сценария разгрома Игоря под Шатрищем от нас пока ускользают.

Кое в чем Шатрище, как видим, сходно с Хейстингзом. Кое в чем и отлично. В обоих случаях была с помощью лучников пробита стена щитов, разгромлена и уложена на поле боя варяжская гвардия и свергнут государь, изменена судьба страны. Но в позициях и действиях сторон есть и крупные различия. Да и характер событий кардинально отличен.

Под Хейстингзом варяжская гвардия защищала варяжскую страну от иноземного (фактически в основном французского) вторжения. Под Шатрищем иноземная варяжская гвардия защищала трон иноземной Варяжской династии от коренного населения славянской страны. Под Хейстингзом свобода Англии погибла надолго. Под Шатрищем верх одержала свобода Руси.

Сын Рюрика. Что Игорь Рюрикович был князем-волком, деспотом, уже достаточно ясно. Но много ли нам вообще известно о противнике древлян? На удивление мало.

По летописи, противоборство Мала Древлянского с домом Рюрика было не древлянско-полянской дуэлью (то есть не просто соперничеством двух славянских земель), а древлянско-варяжской. Ибо, по летописи, Игорь определенно принадлежал не к Полянской династии (хотя его столица, Киев, и лежала в Полянской земле), а к Варяжской.

Краткие летописные сведения об Игоре таковы: отец его, варяг Рюрик, правил в Новгороде, куда был приглашен в 862 году княжить новгородцами. В 879 году Рюрик, умирая, оставил младенца-сына на попечение своего родича Олега, также варяга. В 882 году Олег (прозванный Вещим) пошел из Новгорода походом на юг, прихватив с собой и младенца Игоря. Взяв Киев, Олег создал Русскую державу и сделал Киев ее столицей. Но княжил здесь сам. И только в 913 году, после смерти Олега, княжить в Киеве стал Игорь.

Что же делал сын Рюрика в Киеве в течение 30 лет при Олеге? Об этом летопись молчит. Да и в дальнейших летописных сведениях об Игоре Рюриковиче немало пробелов и противоречий.

Началось княжение Игоря Рюриковича характерным образом — с *восстания древлян.* Воспользовавшись сменой лиц на престоле (а может быть, и смутой), древляне отказались признать власть Игоря. Но через год сыну Рюрика удалось подавить восстание, после чего в хронике его княжения следует пробел — почти на тридцать лет! Это наталкивает на мысль, что кто-то из преемников Игоря Рюриковича предпочитал как можно меньше вспоминать об этом времени и велел предать его забвению.

Сын Рюрика снова появляется на страницах летописи в 40-х годах в связи со знакомыми нам походами на Византию и Древлянским восстанием. Таким образом, его княжение как бы обрамлено восстаниями древлян. С одного Древлянского восстания оно начинается, другим бесславно заканчивается.

Хронологические провалы в летописном освещении княжения Игоря и другие моменты не раз побуждали ученых усомниться в летописной родословной Игоря. Далеко не все ученые верили, что он — сын Рюрика, некоторые сомневались в том, что он вообще принадлежит к Варяжской династии (считая, например, что она была выдумана придворными летописцами для возвеличивания князей мнимым иноземным происхождением, что-де ставило их выше любого сына родной земли). Однако самостоятельное изучение вопроса (о чем речь впереди) привело меня к заключению, что Игорь действительно принадлежит к династии Рюрика и что династия эта — Варяжская (то есть скандинавского происхождения).

Но если сомнения в том, что Игорь был сыном Рюрика и князем-варягом, были, то в том, что у него была варяжская гвардия, сомнений ни у кого не было.

Сто́ит, видимо, добавить, что Игорь также был многоженцем и обладателем большого гарема. Хотя в летописи это специально не оговаривается, единственной его женой Ольга быть не могла как по нравам и обычаям эпохи, так и по долгому сроку жизни Игоря[1]. О том, что столь позднее рождение наследного принца, Святослава, выглядит странно, в науке шли дебаты. Логичное решение этой проблемы состоит в том, что все сведения о прочих женах и детях Игоря Рюриковича просто изъяты из летописи. Прием полного изъятия информации нам уже встречался. В дан-

[1] Брак ее с Игорем в 903 году прииадлежит тому же комплексу неверных сведеиий о ией, что и ее миимые кровавые расправы с древлянами или миимое сватовство к ней византийского императора (женатого христианина).

ном случае, в связи с резким поворотом курса политики Ольгою, разумно предположить, что часть информации о правлении Игоря выброшена из летописи по ее приказу: она хотела отмежеваться от всего его стиля правления, кроме того, сохранение сведений о политических соперницах ее и соперниках Святослава было ей не нужно и нежелательно.

В общем, несмотря на зияющие пробелы и туманные моменты, фигура Игоря Рюриковича достаточно отчетлива, как и его политика.

Варяжский вопрос. Чем больше знакомишься с Любечем, с Коростенем и его окрестностями, тем яснее проступают на месте басен очертания грандиозного антидеспотического восстания. Но постепенно становится ясен и еще один аспект, игравший в Древлянском восстании не меньшую роль, — аспект не просто социальный, а *национальный*. Восстание Мала было направлено не просто против власти деспотов, но еще и *против власти варягов над русскими!*

И если обратиться к былине, то в ней также немедленно обнаруживается наличие «варяжского вопроса» как острейшего вопроса политической жизни Руси IX—X веков. «Подводя итоги этому этапу развития русского эпоса... — пишет Рыбаков, — мы с удивлением должны отметить, что количество совпадений летописных сюжетов с эпическими очень невелико. В былинном эпосе нет ни Вещего Олега, ни Игоря... ни знаменитой серии мстительных действий Ольги, нет даже колоритной фигуры Святослава... Народ не сохранил в своих былинах ни одного эпизода из жизни князей-варягов»[1]. (Как видим, Рыбаков рассматривает здесь все эти фигуры как князей Варяжского дома, хотя в другой связи порой и выражает сомнение в принадлежности Игоря к этой династии.)

Контраст же с отношением былины к Древлянскому дому разителен сам по себе. Но дело не ограничивается и молчанием. Рыбаковым обнаружен целый пласт *«древлянско-киевского антиваряжского эпоса»*[2]. Он есть в былинах, проник даже в летопись.

Так, анализируя легенду о смерти Олега Вещего (широко известную по пушкинской балладе), Рыбаков показал, что она носит не только антикняжеский, но и резко антиваряжский характер. Сохранилась эта легенда фраг-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 50.
[2] Там же, с. 61.

ментарно в летописи, но восходит, несомненно, к эпосу. Рыбаков пишет, в частности:

«Легенда о смерти Олега, по существу, является антиваряжской, так как русский кудесник предрекает варяжскому конунгу... неминучую смерть от своего собственного коня. Во всем русском фольклоре, в том числе и в былинах, конь всегда олицетворяет добро, благородство и справедливость, всегда служит герою верой и правдой, а иной раз помогает ему и своей вещей силой. Велика же должна быть народная ненависть к варягам-находникам, чтобы сложить песню о коне, которому предначертано свыше убить своего господина»[1].

И еще: «Для нас несущественно... то, что это — бродячий сюжет, широко разошедшийся по разным землям; важна его русская трактовка, важно то имя, которое подставлено в русском варианте в общую схему. Этим именем оказалось имя норманского конунга Олега, незаконно и лживо овладевшего Киевом. Волхвы Русской земли предрекли ему ужасную смерть — от любимого коня, и смерть покарала его... а орудием богов был конский череп. Рассматривая сказание на фоне русского фольклора, можно прийти только к одному выводу — замысел и изобразительные средства сказания выбраны с таким расчетом, чтобы показать смерть Олега как возмездие Русской земли варягу-находнику»[2].

Возмездие за что? Очевидно, вначале шел подробный перечень преступлений князя-варяга перед Русью (до нас не дошедший). Завершаться же она явно должна была призывом к слушателям последовать «персту судьбы» и завершить возмездие богов, свергнув преемника Олега и всю Варяжскую династию. Таким образом, песня направлена была *и против Игоря*. Видимо, она была сложена во время восстания древлян против Игоря после смерти Олега и являлась боевой песней этого Первого Древлянского восстания (как его, по моему мнению, разумно назвать; события 945 года следует тогда именовать Вторым Древлянским восстанием).

Кстати, два слова и о волхвах из легенды. Пренебрежение Олега к волхвам, его заявление, что волхвы все лгут, не может быть следствием ни атеизма, ни христианства Олега, несомненного язычника. Это надо понимать в том смысле, что он презирал именно *русских* богов и жрецов,

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 50.
[2] Там же, с. 179.

а полагался на своих исконных заморских, варяжских (то есть легенда еще раз подчеркивала, что норман родным домом считал Скандинавию, а Русь презирал и считал своей военной добычей). И кудесник, предрекающий Олегу небесную кару, не мог быть жрецом Перуна (как в балладе), ибо Перун Полянский был покровителем Олега и Игоря (что ему даром не прошло). Скорее всего, это жрец Даждьбога Древлянского.

Мы видим, что русский эпос умалчивает о тех князьях-варягах, которые после вражды с Древлянским домом пошли на союз с ним (Ольга и Святослав; да и то, скрытое упоминание о них с порицанием есть в былине, это ведь у них был в десятилетнем рабстве Добрыня), но к Олегу и Игорю относится с неприкрытой ненавистью.

Эпос с ненавистью относится и к знатному варягу Свенельду, начавшему свою карьеру еще при дворе Игоря, а зенита ее достигшему при Ярополке. В былине он — «черный ворон Сантал», и Рыбаков, расшифровавший эту фигуру, выяснил, что в былинах, где он действует, речь идет уже о событиях 970-х годов. Однако же Свенельд имеет прямое отношение к моему рассказу о детстве и юности Добрыни, ибо именно Свенельду удалось нанести в открытом бою (где — летопись не говорит) поражение Малу и принудить его к отступлению, приведшему, в свою очередь, к осаде Коростеня Ольгой, переговорам и капитуляции. Ольга, осадив Коростень, руководила переговорами лично, но войском ее командовал Свенельд.

Как видим, есть серьезнейшие свидетельства того, что Добрыня с детства враждует именно с варягами (как и весь его род); есть и серьезнейшая перекличка между ненавистью к варягам, запечатленной в эпосе, и самим характером событий.

Антиваряжская направленность в самом восстании Мала подмечена в науке давно. Так, историк С. Н. Сыромятников писал: «Не может быть сомнения, что добрые князья, которые распасли Деревскую землю, не были варягами. Это видно из противоположения их волку-Игорю, который восхищал и грабил... летопись отметила... глубокую борьбу: восстание древлян против иноземного поработителя... Это была попытка восстания славян против варягов, которую следовало подавить, иначе за древлянами последовали бы другие покоренные варягами племена»[1].

[1] С. Н. Сыромятников. Древлянский князь и варяжский вопрос. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1912, ч. X, № 7, отд. 2, с. 120—139.

Наличие в 945 году разгаданной Сыромятниковым угрозы цепной реакции антиваряжских восстаний славянских земель объясняет многое в поведении Ольги. И повелительную необходимость подавить Мала. И готовность на компромисс, когда Коростень так и не удалось взять. И парадоксальную снисходительность к древлянам, но также и десятилетнее рабство семейства Мала (то, что Мал взял самые тяжкие испытания рабства на себя, купив таким образом простым древлянам много льгот, в том числе и возможность жить в родных городах и селах, даже в Коростене, — разительное подтверждение реальности и серьезности древлянской теории княжеского долга перед народом). И конечно, последующий династический брак.

Ольга старалась спасти Варяжский дом и престол своего сына не ставкой на железный кулак, как Игорь, а *поворотом к славянской политике*. Ольга извлекла урок из Второго Древлянского восстания и решила сделать все, чтобы предотвратить новое народное восстание, которое могло бы смести бесповоротно всю Варяжскую династию. Для этого-то она и «привенчала» находников-Рюриковичей к любимцу Руси — Древлянскому дому.

Сын Мала Древлянского, посланный править в самый замок Рюрика в Новгород, — яркая демонстрация того, что возврата к варяжскому деспотизму быть не должно. Но и тяжкие испытания, через которые прошел в юности Добрыня (вместе с сестрой и отцом), предстают теперь как жертвы во имя борьбы против варягов, во имя торжества славянской политики над варяжской.

Но почему Сыромятников, разгадав столь важный фактор, как угрозу цепной реакции антиваряжских земельных восстаний в 945 и 946 годах, не разгадал того, что эту реакцию удалось разжечь в 980 году сыну Мала? А просто потому, что он не знал, что Добрыня — сын Мала (открытие Прозоровского было уже прочно забыто), а стало быть, не мог связывать 980 год с 945-м и с Древлянским домом. Эту династию он считал угасшей с Малом, которого вдобавок почел малолетним, истолковав его имя как прилагательное.

Итак, варяжский вопрос имел на Руси в IX—X веках капитальную важность, и национальный аспект его был неразрывно связан с социальным. Первостепенная роль варяжского вопроса и в жизни и в былине показывает, что любовью былины Добрыня и Владимир в немалой мере были обязаны своему наследственному антиваряжскому ореолу.

Ольга Варяжская? Нет, Ольга Русская! Но без национального вопроса, и именно варяжского вопроса, то есть без варяжско-русского антагонизма внутри державы, не читается и политика Ольги. Надо сказать, что о национальности Ольги высказывались разные гипотезы. Предлагалось, например, ее болгарское происхождение (Д. И. Иловайский), предлагалось и латгальское (это я слышал в Пскове), предлагалось и коренное русское. Последнее кажется некоторым особенно соблазнительным. Но ни одна из этих гипотез не выдерживает, к сожалению, проверки династическим правом. Дело в том, что крутая и неуклонная смена Ольгою политики имеет (как это ни покажется иному читателю странным) разумное объяснение только в том случае, если сама Ольга урожденная варяжка.

Допустим, что Ольга была княгиней не Варяжского, а Полянского дома. Тогда в рамках древлянско-полянской дуэли остался бы непонятен ни такой крутой ее поворот, ни всенародные симпатии к Древлянскому дому. Партия игралась бы тогда между двумя славянскими династиями, причем Полянская представляла бы первую коронную землю Руси. Что за дело всем прочим землям державы до их спора? Откуда симпатии других земель к мятежной Древлянской? Зачем тогда Ольге бояться цепной реакции земельных восстаний и менять ради этого политику? Подавить восстание — да и все тут! Ну, не удалось взять Коростень, пришлось ради этого обещать Малу и его детям жизнь? Ну и пусть себе остаются рабами! Ну, отпустила их спустя десять лет из милости, и хватит с них. А уж древлянский брак-то зачем?

Между тем Ольге надо было буквально спасать Варяжский дом от всенародной ненависти, от угрозы краха. И орудием этого спасения Ольга избрала не только практические меры, но и теорию — династическое право, которое она отлично знала (похоже, она понимала его куда лучше Игоря).

На основе династического права Ольга поклялась с первых же дней своего правления, что дом Рюрика — не варяжская, а славянская династия. (Будь Игорь славянином, будь она сама славянкой, в этом клясться бы не пришлось.) Но на каком основании, если Рюриковичи — варяги? А на том, что они правят славянской страной!

Действительно, альфа и омега династического права состоит в том, что *национальность монарха считается не по его происхождению, а по стране, где он царствует.*

Чтобы выбить у Мала его козырную политическую карту защиты славянского дела против варягов, защиты русских от власти варягов и их притеснений, *борьбы за свержение варяжского ига,* Ольга твердо заявила, что, по династическому праву, она не Ольга Варяжская, а Ольга Русская и ее сын не Святослав Варяжский, а Святослав Русский и что она докажет это всем своим правлением. Она заявила также, что Варяжский дом вовсе не заслуживает низложения, ибо варяжская политика была-де пагубным заблуждением и виной лично Игоря, но не династии в целом. Более того, она публично признала, что Игорь сам спровоцировал восстание и заслужил гибель, но теперь восстание более не нужно, с ее правлением причина его отпала, ибо она клянется править фактически по политической программе Мала!

Ольга сдержала слово, она была правительница редкой принципиальности. Но будь она русской по крови, ей не пришлось бы доказывать путем заключения древлянского брака, что династия — славянская. Ей не было бы нужды брать в свои союзники Добрыню. Ибо ей верили бы и так.

Все дело в том, что национальность монархов действительно считается не по крови. И еще в том, что Варяжский дом настолько себя скомпрометировал в глазах Руси, что альфу и омегу династического права надо было доказывать с большим трудом.

Династическое право. Вернемся к параллельному примеру Англии. С 1066 года в Англии не было ни одного монарха не иностранного происхождения. Означает ли это, что Англия с XI века и по сей день беспрерывно находится под иностранным игом? Конечно, нет. Откуда бы ни явился тот или иной король, какой национальности ни были бы его предки, он англичанин с той самой минуты, как принес присягу при коронации. Так гласит династическое право.

Но значит ли это, в свою очередь, что в 1066 году Англия вообще не оказалась под иностранным игом? Опять-таки, нет. В теории Вильгельм Завоеватель, принеся коронационную присягу в Вестминстере, стал англичанином. На деле же он им не был и вел политику жестокого подавления англичан и всего английского. (Во время присяги вне собора шла резня!). В теории он был законный государь Англии, связанный клятвенным обещанием соблюдать законы страны, а на деле он был деспотом, правившим самовластно, опираясь на чужеземных рыцарей. Он вел франко-нормандскую, а не английскую политику.

И, как уже сказано, Англия ответила на это в конце концов 1215 годом.

При реальной узурпации трона чужеземной захватнической династией положение такой династии двойственно. Оно двойственно и если иноземный монарх не узурпирует, а наследует трон в другой стране. Любой государь из такой династии теоретически имеет выбор — править, опираясь на чужеземные мечи, или вести национальную политику. Эта двойственность ярко обыграна в сценке из романа «Айвенго» Вальтера Скотта. Узнав короля, один сакс восклицает: «А, ты — Ричард Анжуйский!» Но тот отвечает: «Да нет же, я — Ричард Английский!» Оба определения верны, но политическая тенденция их диаметрально противоположна. И Ричард Львиное Сердце своим ответом хочет подчеркнуть, что он вовсе не чужеземный угнетатель, а англичанин.

Правило, между прочим, действует и сегодня. Династия — своеобразный Протей, она может менять национальность (и даже иметь по нескольку национальностей сразу). Например, в Испании сейчас царствует Хуан Карлос из династии Бурбонов. Его далекие предки — французы, но сам он испанец. В Швеции второй век правит династия Бернадоттов, приглашенная из Франции. Но с момента, когда наполеоновский маршал Бернадотт произвел определенные формальности и церемонии, означавшие принятие шведского гражданства, он из французского маршала стал шведом и принцем Шведского королевского дома. Екатерина II родилась немкой, Зофи Ангальт-Цербстской, но браком с наследником русского трона (и сменой веры) она из немки превратилась в русскую.

Династическое право отнюдь не было вздорной выдумкой и игрушкой монархов, оно принималось всерьез целыми народами. И это помогает, кстати, понять, какое огромное значение для всей Руси имело получение в 970 году Добрыней и Владимиром первой коронной земли Варяжской династии, Новгородской земли. Мы в этом уже имели случай убедиться — и убедимся в дальнейшем еще более.

Династическое право действует даже сейчас. С какой же силой оно действовало в X веке! Я привожу столь подробно примеры из сферы династического права, абсолютно чуждого широким кругам советских читателей, затем, что я в поездке как раз по X веку. Затем, что читателям необходимо вжиться в понятия далекой языческой (но нимало не отсталой, а, напротив, передовой) Руси.

Иначе понять эпоху и страну 945 года будет невозможно. И в династическое право вжиться так же необходимо, как в систему территориальных богов или в психологию многоженства знати.

Каково же в свете династического права было положение Рюриковичей? Оно было двойственно по той же причине, что у Уильяма I: в теории первые Рюриковичи были славяне, ибо правили в славянской стране, на деле же все они до Ольги были варягами и вели себя как варяжские узурпаторы. Но в отличие от Нормандской или Анжуйской династии в Англии Рюриковичи никогда не могли похвастать *заморским титулом*, ибо не имели его. Дом Рюрика, как это ни странно, в теории вообще не был варяжским — за отсутствием первой коронной земли династии в Скандинавии. Это обстоятельство облегчило Ольге возможность спасти династию — *в качестве славянской*.

Для этого Ольга задалась целью, так сказать, вывернуть наизнанку железную рукавицу, которой правил до того дом Рюрика, — и династическое право давало ей возможность такого толкования. Ольга была, как мы видим, великолепным знатоком и толкователем династического права.

Но и Добрыня, как мы увидим позже, также великолепно усвоил династическое право. Он усвоил его еще в отцовской школе, но приумножил это знание в школе Ольги.

И Ольга действительно сумела вывернуть железную рукавицу так основательно, что в конце концов фантастический варяжский брак не явился для Древлянского дома предательством славянского дела, а стал вполне приемлем. А Мал и Добрыня отличались не меньшей принципиальностью, чем Ольга, слово чести всех их было равно нерушимо.

Две березы. Каков же был конец князя-волка, Игоря Рюриковича? Ответ дает мне Игоревка — и притом с такими подробностями, которых невозможно вычитать ни в одной книге.

— Так вон оно, место, — говорит мне хуторянин Игоревки, — где его древляне в болото загнали. А вон там, неподалеку, росли те две березы. Разговор был короткий, тут же князя, что вздумал наш Коростень осаждать, и казнили. Пригнули березы к земле, привязали его к ним, а потом березы отпустили... Вот так-то. А лежит он вон где, — хуторянин машет рукой в другую сторону, — тоже далеко

ходить не стали, тут же и похоронили. И телохранителей-варягов — вокруг него.

Две березы... Позорная казнь князя-волка... Весть о судьбе, постигшей Игоря, дошла до далекой Византии, с которой он не раз воевал и которой незадолго до похода на Коростень пришлось откупаться от него данью. Казнь его известна как раз из книги византийского придворного историка X века Льва Диакона. Оттуда известен и характер казни.

Но в русской летописи берез этих нет. И ни казни, ни даже плена сына Рюрика тоже нет. Только глухо сказано, что древляне убили его во время вылазки из Коростеня. Случайно погиб старчески безрассудный государь в стычке, в бою... В глазах кого-то из более поздних князей-самовластцев такая версия была, конечно, куда благовидней. Справедливая казнь преступного государя восставшим народом по приговору земельной думы?.. О нет, такой опаснейший прецедент лучше из летописи выкинуть... Случайности боя, всего лишь случайности боя, а в бою ведь всякое приключиться может.

В летописи двух берез нет. Но здесь, в Игоревке, место их знает каждый. И вряд ли потому, что здешние крестьяне в прежние времена читали изданные в Петербурге ученые переводы византийских хроник. (Кстати говоря, точное место, где росли знаменитые березы, в византийских хрониках все равно не обозначено; нет там и названий ни Игоревки, ни Шатрища.) Просто потому, что *здесь* память об этих событиях и точном месте их передавалась с тех самых пор из уст в уста.

Две березы... Летописное умолчание о казни Игоря, естественно, не обманывало историков, ее-то они знали из Льва Диакона. Но они не знали истинного размаха и характера восстания Мала и потому, если и обращали на эту казнь внимание, считали ее просто проявлением варварских нравов эпохи. На самом деле две березы — крупное историческое событие.

В военном отношении картина ясна. Князь-волк пойман... Исполнение приговора Древлянской думы без промедления, тут же, на месте, и погребение здесь же, у берега Ужа, — все это ложится в картину событий. Мешкать было некогда — гражданская война в державе была в полном разгаре. И за преступную политику Игорь был уже осужден Древлянской думой до этого. Казнь была по условиям войны немедленной и нарочито позорной, но — законной.

И еще более важно, чем соответствие военной обстановке, политическое значение казни. Во-первых, она наглядно демонстрировала, что древлянская конституционная теория подтверждается на практике, что древляне не шутят и что если уж князь-волк заслуживает низложения и казни, то древляне постараются приговор не оставить пустыми словами. Во-вторых, в свете легенды о гибели Олега Вещего и ее связи с Первым Древлянским восстанием против того же сына Рюрика, Игорь приговорен, а стало быть, и казнен за прегрешения перед Русью не только лично свои, но и всей «волчьей» Варяжской династии.

И в-третьих, две березы — событие мирового значения. Оно стоит в одном ряду с упоминавшимися уже осуждением и казнью Чарлза I Английского. Речь идет о праве подданных судить своего государя за деспотизм, приговаривать к смерти и казнить. И эта зрелость политической мысли, до которой Англия дошла только в XVII веке, была проявлена Русью уже в X веке. Чарлз I судом своих подданных, пишет Грин, «был приговорен к смерти как тиран, изменник, убийца и враг своей страны»[1]. Убедиться в параллелизме с приговором князю-волку 945 года не составляет труда.

Само название Игоревки тоже идет прямехонько из 945 года и отражает местные события. Не только именем, но и его формой. Это не «Игорево», в честь князя. А именно пренебрежительное «Игоревка». Место, где он получил по заслугам.

Курган у берега Ужа. Вот он, курган, окруженный кольцом могил. Отборные воины варяжской гвардии Игоря, взятые в плен вместе с ним, с ним же и казненные... Это о них писал когда-то в одной из своих «Дум» Рылеев. Мысль поэта-декабриста обращалась к давним страницам русской истории, и одну думу он посвятил урокам восстания Мала. В ней Ольга приводит юного Святослава на могилу отца и говорит ему, что тот сам виновен в своей гибели, ибо поплатился за угнетение народа.

Я стою сейчас перед тем самым курганом, о котором писал Рылеев. Курган расположен возле берега Ужа. Он невысокий и заметно пострадал от времени.

Не знаю, приводила ли Ольга к этому кургану Святослава, как то подсказало воображение Рылееву. Гораздо вероятней, что мальчик Добрыня стоял возле этого кур-

[1] J. R. Green. A short History of the English People, p. 571.

гана в час торжества своего отца над грозным, но поверженным врагом.

В былине Добрыня — воплощение богатырства. В летописи он также выдающийся полководец. Очевидно, первые уроки военного мастерства он усвоил здесь, в родной Древлянской земле, в 945 году. В Коростене, в Шатрище, в Игоревке.

Добрыня был выпестован в отцовской школе, а Мал, как мы убеждаемся, был не только замечательным государственным деятелем, но и талантливым полководцем — мастерски владел «наукой побеждать» и сумел передать это мастерство сыну.

Я ловлю себя на мысли, что гранитные холмы Коростеня следовало бы по справедливости *увенчать конными статуями Мала Древлянского и Добрыни* (конечно, уже не мальчиком, а зрелым мужем, каким его знают миллионы по картине «Богатыри»).

В безвестную Игоревку, к полузабытому кургану Игоря Рюриковича туристы почти не заглядывают. А между тем Игоревка, где была поставлена заключительная точка после блистательной победы под Шатрищем (где Мал, сделав вылазку из Коростеня, сумел обрушить сокрушительный удар на самое сильное, казалось бы, место Игоря, на его княжескую ставку), сыграла крупную роль в истории всей Руси.

Шатрище разом перевернуло военную обстановку. Но именно Игоревка изменила обстановку политическую, создала вакуум на троне и позволила Малу провозгласить себя по праву победы государем державы. И Мал сразу же после казни Игоря отправил посольство в Киев — водой.

Древлянские боевые ладьи поплыли вниз по Ужу (в те времена судоходному), Припяти и Днепру. Они были отправлены либо из Коростеня, либо даже прямо отсюда, от кургана Игоря (что весьма вероятно ввиду символического значения места). А точное место, куда древлянские ладьи причалили в 945 году в Киеве, зафиксировала летопись. Послы победоносного Мала шли в киевскую крепость по Боричеву взвозу — нынешнему Андреевскому спуску. Каким тоном они говорили в Киеве, чего требовали, мы уже знаем.

Одним из этих требований была, как мы помним, выдача Святослава в Коростень. И на этом требовании стоит остановиться особо, дабы уяснить капитальное значение Игоревки для судеб Святослава (да и Ольги).

Выдачи Святослава древляне требовали, чтобы сделать

с ним, что захотят. Это требование, неожиданно предъявленное в самом Киеве, было для пятилетнего Святослава первым, мгновенным результатом Игоревки. Требование было вполне логическим, а пример рабства Добрыни и Малуши показывает, что́ могло ждать Святослава. Но его могла ждать и худшая участь, ведь древляне вполне могли быть заинтересованы в полном пресечении Варяжской династии князя-волка. И даже в случае, если бы древляне захотели обращаться со Святославом самым мягким и доброжелательным образом, трона бы он все равно лишался.

Однако он его не лишился, а, напротив, получил. Полянское боярство (имевшее давние счеты с древлянами и не пожелавшее лишаться своих многочисленных привилегий первой коронной земли державы) решило, вопреки расчетам Мала, присягу Малу не приносить, переноса столицы державы в Коростень не признавать и Святослава с Ольгой не выдавать. Для такого решения нужна была военная сила, и ею полянское боярство располагало. Наличие полянской земельной дружины позволило после такого решения предотвратить военный удар Мала на Киев.

Но отклонение требований победоносного Мала означало продолжение гражданской войны, начатой вторжением Игоря в Древлянскую землю. А это потребовало немедленного заполнения вакуума политической власти. И вторым быстрым результатом Игоревки стало получение Святославом трона, а Ольгой регентства державы (при малолетнем Святославе).

Но был и третий результат Игоревки. Как ни парадоксально, именно от кургана Игоря и началась дорога, которая привела Святослава к браку с Малушей, к породнению с Малом и Добрыней. Именно Игоревка окончательно убедила Ольгу, что править русскими железным кулаком Варяжский дом более не сможет. (Ольга считала это, видимо, и раньше, о чем еще пойдет речь, но не обладала достаточным влиянием на Игоря, чтобы добиться смены политики. Только после Игоревки власть оказалась в руках Ольги.)

Да, две березы и курган сыграли великую роль в судьбах Руси. И в личных судьбах всех участников этой, не уступающей шекспировским «королевской драмы». В судьбе Добрыни. Но и в судьбе Святослава. В судьбе Малуши. Но и в судьбе Ольги. В судьбе Мала. Но и в судьбе Владимира.

Так вот где лежишь ты, сын Рюрика, в бесславной

могиле на берегу Ужа! Не помогли тебе ни поспешный мир с Константинополем, ни испытанная варяжская гвардия... «Игорь думал, — писал немного позже Рылеева известный историк Полевой, — что Древлянская область не Царьград, и поздно увидел эту ошибку»[1]. Да, Коростень с Шатрищем и будущей Игоревкой оказался страшней самого Царьграда и византийских огнеметов.

Курган на берегу Ужа остался вечным памятником того, что об эту древлянскую гранитную скалу русской свободы разбился варяжский деспотизм Игоря и всей его «волчьей» династии.

«Уроки государю». Итак, по Рылееву, Святослава к этому кургану приводит сама Ольга. Приводит не для поклонения, а в назидание. Она говорит, что отец его «сам виновен в смерти», и восклицает: «Внемли об оной повесть». Далее она рассказывает сыну, как «угнетенных племя решилося... сбросить ига бремя», как Мал призывал отважных древлян к восстанию, восклицая:

Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя
Иль все мы будем жертвой[2].

И завершает свой рассказ о восстании 945 года Ольга так:

Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!
Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин![3]

Симпатии поэта-декабриста здесь чрезвычайно отчетливы. Он воспевает народное восстание и казнь государя-деспота, расставляя акценты так четко, что сомнений у читателя в оценке различных участников драмы возникнуть не может. Он только что не называет иго, которое собираются свергнуть древляне, варяжским, рассматривая его скорее как просто феодальное (хотя можно подозревать, что он начал разгадывать и этот аспект восстания, ибо само слово «иго» применяется обычно к власти иноземцев).

---

[1] Н. Полевой. История русского народа. М., 1830, с. 151.
[2] К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений. М., 1931, с. 124—125.
[3] Там же, с. 126.

Однако самое замечательное здесь то, что свои оценки и свою программу конституционной монархии Рылеев вкладывает в уста Ольги!

Скажем прямо, такое распределение симпатий Ольги несколько неожиданно. Откуда «уроки государю», преподаваемые Святославу Ольгою, взяты? Что это, домысел Рылеева? Нет, это распределение ответственности за события и признание справедливости восстания 945 года взяты им из самой летописи!

Казалось бы, их там ожидать нельзя, однако позиция Ольги вовсе не совпадала с позицией Игоря, и это наложило на летописную версию отчетливую печать. Мы уже знаем, что приписывание Ольге кровавых расправ с древлянами есть позднейшая вставка, но многое в версии событий 945 года восходит еще к самой Ольге. А она, как мы тоже знаем, не выгораживала Игоря, а отмежевалась от него, от его политики, даже от его гвардии. Она признала и восстание древлян справедливым, за исключением пункта о низложении династии.

И «уроки государю» Ольга постоянно давала Святославу вплоть до 969 года, последнего года ее жизни, когда она заявила сыну, что, пока она жива, не допустит безумного переноса столицы Русской державы из Киева за рубеж, в Болгарию.

Словом, как осуждение Игоря, так и разнообразные «уроки государю» в адрес Святослава от Ольги — суть мотивы, которые и Карамзин и Рылеев заимствовали из летописи.

Между тем они выглядят там парадоксально.

Летопись выгораживает Мала. Я уже говорил, что бесследное исчезновение князя древлян со страниц летописи выглядит загадкой тысячелетия. Но исчезновение Мала необъяснимо и еще с одной точки зрения: возмездия за убийство Игоря. С той самой точки зрения мести Ольги, которая столь подробно развита в летописи (эпизодами мнимых кровавых расправ Ольги) и подробно комментировалась не одним историком.

В самом деле, рассматривать ли месть Ольги как обязательную кровную, за убийство мужа, или как акт высокой политики, кару за убийство государя — наказание убийцы представляется ее естественным и неизбежным завершением. Более того, кульминацией должно стать наказание *главного виновника* убийства: бесполезно и даже нелепо убивать послов и рядовых древлян, если не казнить самого Мала. Именно его казнь должна послу-

жить устрашающим примером. Именно его казни мы не видим в летописи.

«Так рассказывает Летописец», — комментирует Карамзин этот рассказ и тут же добавляет свои каверзные вопросы о том, вероятна ли оплошность древлян и так далее. Как я уже говорил, он отнес все колоритные рассказы о кровавых расправах Ольги к разряду басен. Но зададим другой вопрос: неужто летописец не заметил отсутствия необходимого центрального звена во всей мести Ольги? Нет ли в летописи следов того, что почтенного летописца смущало престранное отсутствие казни главного виновника смерти Игоря?

О да, следы есть — и какие следы! Именно здесь нас ждет самый удивительный парадокс всей летописной версии событий восстания: летопись выгораживает Мала! Это выглядит полной фантастикой. Ну, скажем, такой же фантастикой, как если бы манифесты Екатерины II стали вдруг доказывать, что Пугачев не виноват ни в чем. И тем не менее летопись делает именно это.

Распределение ответственности Мала сделано в летописи необычайно хитроумно. Политическая программа восстания — да, за нее Мал отвечает. Ее древляне приняли на думе с личным участием Мала. А само убийство Игоря? А сватовство к Ольге? А намерение захватить (и возможно, убить) Святослава? А намерение захватить престол державы и перенести столицу в Коростень? Ведь Мал, конечно, отвечает и за все эти шаги? Как и за годичное продолжение гражданской войны в державе? Оказывается — нет. Не отвечает.

Это странное распределение ответственности Мала было подмечено наблюдательным Сыромятниковым (тем самым, который разгадал антиваряжский характер восстания Мала и опасность для Ольги цепной реакции антиваряжских земельных восстаний). Но, не зная забытого открытия Прозоровского, Сыромятников счел, что Мал не отвечал ни за что потому, что был малолетним, древлянской землей управляли опекуны, а его присутствие на думе было чисто символической церемонией. И он заключил, что такое сватовство особенно оскорбило Ольгу.

После всего, что читателям уже известно о Мале и Добрыне, о Коростене, Шатрище и Игоревке, вряд ли нужно объяснять, что Мал тогда не был ребенком и принимал все важные решения, военные и политические. Так почему же он тогда в летописи ни за что не отвечает?

А потому, что эта версия сложена по приказу Ольги

со специальной целью объяснить, почему Мал, главный противник Игоря, не заслуживает казни! В этой версии всё после думы говорят и делают одни древляне — будто бы по собственному почину, будто бы без ведома и уж без одобрения Мала. Они, а вовсе не Мал, убили Игоря и его дружину. Они, а вовсе не Мал, сватают Ольгу за него. Они, а вовсе не сам Мал, выдвигают все эти и прочие планы. И в результате вполне логично выглядит и то, что они, безымянные древляне, а вовсе не лично Мал, несут впоследствии заслуженную кару.

Но разве они ее несут, если в первоначальной версии (как и в действительности) никаких казней и пожара Коростеня не было? Да, несут! Вся древлянская знать обращается в рабство, древлянские города вынуждены сдаться Ольге, Коростень лишается ранга земельной столицы и так далее. Разве это не кара?

Ни один поступок после думы летопись не приписывает Малу. Ни одним словом не дает понять, что Мал одобрил эти действия. Напротив, летописец всячески старается, чтобы на Мала не легло даже тени подозрения.

Все это выглядит тем невероятней, что, обеляя Мала, летопись не делает, как мы знаем, даже попытки обелить Игоря. С одной стороны, оба князя поставлены *на равную ногу* (несмотря на неравенство их ранга): вина обоих свалена на дурных советников (дружину у Игоря, древлян у Мала). Но с другой стороны, *Игорь все-таки погиб заслуженно, а вот Мал смерти не заслуживает.*

Это весьма странный приговор истории, то бишь летописи, двум князьям, из которых один, в глазах летописца, был сюзереном, а другой вассалом, один законным государем, а другой мятежником, покушавшимся на узурпацию престола и, похоже, на истребление законной династии.

Приговор летописи Игорю вынесен фактически от имени Ольги, но с позиций Мала! Такой поворот дела приходится назвать по меньшей мере необычайным. Пристрастия летописи в пользу Ольги можно было ожидать заранее. Но пристрастия в пользу Мала?! Его нельзя было ожидать ни в коем случае. И однако оно налицо.

Поскольку же все в державе знали, что сделал Мал и чего он хотел и добивался, это означает, что *Ольге пришлось после победы специально придумывать официальную версию, объясняющую, почему Мала казнить не следовало.* Другого смысла версия с таким распределением ответственности иметь не может.

Это означает далее, что версия представляла ответ с трона на актуальнейшие, жгуче-злободневные вопросы. Никому потом, кроме Ольги (и даже самой Ольге, скажем, после 955 года), не было нужды так выгораживать Мала и вообще объяснять, почему он не казнен. Версию поэтому можно датировать с точностью почти до года: 946-й или самое позднее 947-й.

Отец Игоря. Глава эта будет не полна, если не сказать о том, почему противником отца Добрыни оказался именно сын Рюрика. Откуда, собственно, взялся на Руси сам Рюрик? Ведь он, по летописи, вовсе не славянин, а варяг.

Само слово «варяг» имеет в русских летописях всегда четкую семантику. Это собирательный этноним со значением «скандинав». Внутри этого термина летописцы различали разные народы, например, свеев (то есть шведов), готов (йетов, насельников Южной Швеции), урманов (норвежцев) и др. Как же варяг Рюрик вдруг оказался князем в славянской стране?

История Рюрика разыгрывалась далеко на Севере, и разбирать ее подробно здесь не место. Ограничусь короткими замечаниями. Летопись объясняет появление династии Рюриковичей на Руси так.

В Новгородской земле произошла усобица, и, неспособные навести порядок в собственном доме, новгородцы отправились за море приглашать себе князя из варягов. Вместо одного привели почему-то сразу трех братьев-князей. Рюрик сел княжить в Новгороде (по другим летописям, сначала в Ладоге), а двух младших братьев, Синеуса и Трувора, посадил княжить в Изборске и Белоозере[1].

Через два года оба они умерли (по некоторым летописям, их укусили змеи). Земли их почему-то тут же отошли к Рюрику. По некоторым летописям, в том же 864 году, когда умерли Синеус и Трувор, произошло восстание новгородцев против Рюрика, возглавленное Вадимом Храбрым, но подавленное Рюриком.

История эта полна несообразностей. Отмечу лишь некоторые. Приглашение иноземного принца в монархи — вещь обычная в истории (десятки примеров можно приводить вплоть до XIX века), но в таких случаях приглашали непременно *за знатный род*. А летопись не называет

[1] Белоозеро здесь причислено к Новгородской земле, но в дальнейшем оказывается, неведомо как, в Ростовской. Скорее всего, в IX веке имелось отдельное княжество Белоозерское.

никаких заморских владений Рюрика или его знатных предков (верный признак того, что ссылаться на мнимый титул и будто бы громкое имя отца Рюрика не было никакой возможности). Даже само имя отца Рюрика и то неизвестно. Кроме того, если бы даже новгородцы и пригласили безродного Рюрика в князья, то действовали бы только от своего имени, да и из летописи не видно, чтобы у них был мандат от других русских земель распоряжаться их судьбой (что Рюрик вскоре и стал делать).

Казалось, проще было обратиться в одно из русских княжеств в своей же стране, за принцем крови, если уж Новгородская династия отчего-то пресеклась. Почему надо ехать за князем непременно за море к варягам? Эта странность в адресе поездки не находит в летописном рассказе никакого объяснения.

Не видно из рассказа и того, чтобы от Рюрика требовали каких-то гарантий его правления в русском духе, хотя бы в новгородском, а не в норманском. Между тем, такие гарантии по династическому праву требовались даже при самодержавном строе (так, при приглашении после Смуты на московский трон шведского или польского принца требовали от них непременной смены веры, русских, а не иностранных советников и т. п., на что, кстати, ни Шведский, ни Польский дом не пошли).

Одним словом, уже первое звено прав дома Рюрика на власть на Руси не выдерживает проверки. История появления Рюрика в Новгороде не только нескладна, но и подозрительна. И конечно, это было подмечено в науке давно.

Летописная версия «призвания варяжских князей» и последующего создания ими Русской державы вызывала в науке столь сильное недоверие, что, например, историк Д. Ф. Щеглов высказал еще в прошлом веке свое мнение в предельно резкой форме: «Наша летопись или, точнее, наша сага о начале Русского государства, внесенная в последующую летопись, знает то, чего не было, и не знает того, что было»[1].

Стоит добавить, что «братья» Рюрика, которых иной раз и в наши дни принимают всерьез, носят чисто норманские, но престранные имена, образованные из скандинавских слов «сине хюс» («свой дом» или «свой род») и «тру варинг» («верная дружина»). Ясно, что таких имен

[1] Д. Ф. Щеглов. Первые страницы русской истории. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1876, № 6, с. 209.

на самом деле быть не могло и братья Рюрика — плод ошибки, а в первоисточнике (явно скандинавском) речь шла о том, что Рюрик пришел на Русь со своей родней и верной дружиной.

О Рюрике имелись самые разные гипотезы (даже о его мифичности). Давать их подробный обзор и разбор здесь незачем. Отмечу лишь, что попытки записать Рюрика вместе с братьями в прибалтийские славяне на основе одной мекленбургской легенды совершенно несостоятельны. Это книжная и *дворянская* легенда, а ее цель состоит в том, чтобы создание Русской державы передать от скандинавов *немцам,* и именно — мекленбургскому дворянству, никогда не скрывавшему, что у него есть предки из славянской знати. (Всякие Бюловы, Бредовы, Боковы, Мольтке и аналогичные немецкие дворяне из онемеченных славян так же мало скрывали это, как, например, Карамзин или Аксаков не скрывали своих татарских предков. В обоих случаях об этом ясно говорят их фамилии.)

Рюрик-узурпатор. Здравое мнение о Рюрике высказал еще академик Б. Д. Греков. Да, считал он, норман Рюрик был действительно приглашен новгородцами во время какой-то новгородской усобицы, но вовсе не в князья, а в *наемники.* Новгородцам нужен был не столько Рюрик лично, сколько пиратская ватага, атаманом которой («морским конунгом») он был. Однако новгородцы жестоко просчитались: пиратский атаман, воспользовавшись усобицей, совершил государственный переворот. Тогда новгородцы пытались восстать против самозваного князя-варяга, но Рюрик потопил восстание Вадима в крови[1].

Не случайно Рылеев, который посвятил одну из своих баллад Древлянскому восстанию, обращался к Новгороду так: «Приветствую тебя, отечество Вадима!» Это все та же эстафета русского патриотизма и русского свободолюбия.

Объяснение академика Грекова логично и реалистично. Об этом говорит и много дополнительных аргументов. Принцев так, как описано в летописи, не приглашают; три князя вместо нужного одного просто, как говорится, не лезут ни в какие ворота. Но наемников *так* приглашают: от них не требуются ни знатность, ни заморские владения, а только их отряд рубак. Где, как и из какого сброда такой отряд нанят, об этом атамана, кондотьера, и не спрашивают. И кто он сам такой — тоже, лишь бы хорошо воевал. Примеры захвата трона такими кондотьерами тоже

[1] См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, с. 452—453 и 563.

далеко не единичны в мировой истории. Так, кондотьеры захватывали троны в Италии; так, гвардия мамелюков из покупных рабов захватила трон в средневековом Египте и дала надолго стране династию половецкого происхождения. Оружие в истории не раз обращалось против нанявших его на свое горе властителей.

Правдоподобна следующая схема новгородских событий 862 года: земельная династия не столько вымерла, сколько между ее линиями кипит борьба за трон. Ватагу Рюрика одна из сторон нанимает для борьбы с противниками в этой усобице. Викинги — не только отличные вояки, но и мастера коварства. Прикинув обстановку, атаман варяжских наемников захватывает трон и истребляет всех соперников из обеих враждующих новгородских партий. Новгородцы хватаются за оружие. Поздно...

Первым же шагом Варяжской династии на русской земле была узурпация Новгородского княжения. *Она-то и превратила пирата Рюрика и его род в княжескую династию.*

«Могучий Славой». С этим, между прочим, гармонирует и само имя Рюрика. По-варяжски оно звучит «Хрёрекр» и переводится как «Могучий Славой». Кому могут при рождении давать такое имя? Очевидно, сыну короля или хоть ярла (графа). Но мы уже знаем, что Рюрик, увы, безродный пират. Откуда же имя?

«Могучий Славой» — довольно явно его тронное имя, взятое им как раз после захвата Новгорода. Оно как бы символ прямо-таки невероятной удачи: разбойнику с большой морской дороги посчастливилось добыть своим мечом огромное княжество, таких размеров, какими не мог похвастать ни один норманский захватчик на Западе. Как тут было не возгордиться! Как было не выбрать себе тронное имя, соразмерное драгоценному боевому трофею — княжеству Новгородскому!

А как же звался Рюрик до этого? Каким-нибудь «атаманом Перекатиморе». Ему нужна была репутация атамана лихих пенителей моря и рубак, за которую *его* пиратов (а не соперников) могут нанять в какую-нибудь богатую страну. Для этого кличка-реклама была важнее имени. Но такие имена в биографии имеют свойство бесследно исчезать под покровом княжеской мантии. Подлинного, первого норманского имени Рюрика мы не узнаем никогда.

Так обнажается первоисточник, первое звено «династического мифа» Варяжского дома — узурпация Рюрика.

Но в самом династическом мифе этой узурпации не будет вовсе — ее место займет приглашение в князья.

Подтверждение тому, что перед нами династический миф самого Варяжского дома, — абсолютный политический вакуум, в котором появляется и действует на Руси Рюрик. Ради этого из летописного рассказа устранены, в частности, имена всех князей и династий всех русских земель (а их более десяти!) как до Рюрика, так и в его время. Не названы и имена злополучных новгородцев, которые, к великим бедам всей Руси, пригласили Рюрика. Этим литературным (а на самом деле — династическим!) приемом «погружения в информационную тень» желанный эффект прекрасно достигается: никакой доваряжской государственности нет, история Руси начинается с Рюрика и Варяжского дома. (Кстати, династические мифы широко распространены в хрониках монархий всех времен и народов, начиная с Древнего Египта и Библии. И фабрика династических мифов находится обычно всегда на уровне трона.)

Легко понять, что самому Рюрику такая версия была бы не нужна. Где же здесь Слава, где Могущество? Он не стал бы замалчивать имен своих противников. Наоборот, он должен был *хвастать* победами над ними, даже преувеличивать их силу и число. Точно так же Рюрику вовсе не нужна была бы версия о *приглашении*. «Могучий Славой» должен был открыто хвастать тем, что добыл Новгород своим мечом, изображать свою победу как *завоевание* Новгорода.

Откуда же взялся мотив приглашения в князья? Видимо, он восходит к Ольге. Это ее теория — династия, княжащая в славянской земле, тем самым славянская, а не варяжская. Мы знаем, что на ней была построена вся ее политика. Узурпация как исходный пункт такой трактовки дома Рюрика плохо подходит. Приглашение — дело другое. Приглашение не в наемники, а в князья. Приглашение Рюрика в Новгород было фактом. Ольга велит своим летописцам перетолковать его.

Как Ольга умела составлять нужные ей версии, перетолковывая очевидные факты, мы помним по версии, выгораживавшей Мала, чтобы доказать, будто он непричастен к казни Игоря и потому сам не заслуживает казни. На сей раз перед Ольгой стояла иная задача — доказать, будто «Могучий Славой» был князем законным (к нему восходили права Святослава на трон, а Ольги на регентство), но вместе с тем князем недостойным. Династия-то

восходила к Рюрику, но верная, славянская, политика начинается с нее, с Ольги!

Что еще остается сказать в данной связи о Рюрике? То, что есть летопись (так называемая Иоакимовская), где «сконструирована» его знатная варяжская родословная. Сведения Иоакимовской летописи иногда принимают за верные из-за самого имени Иоакима — первого епископа Новгородского (он был соратником Добрыни, а затем и его сына Константина Добрынича). Но если сведения эти правдивы, почему тогда знатной родословной Рюрика нет в главной летописи державы?

На самом деле Иоакимовская летопись (о времени составления которой идут среди ученых большие споры) только приписана Иоакиму ради его громкого имени. Она резко враждебна Добрыне и Владимиру, а заслугу намерения крестить Русь пытается передать Ярополку — их противнику. В основе ее версии может лежать только фальшивка сына Ярополка, Святополка I, «Окаянного», захватившего трон после смерти Владимира. Это его, Святополка, династический миф.

Гвардия рутсь. Последнее, что остается сказать о Рюрике, — то, что с ним в летописи странным образом связано имя Руси. Вообще говоря, в летописи содержатся одновременно два взаимоисключающих объяснения этого имени. С одной стороны, Русь выступает первоначально как синоним полян (то есть имя южное и славянское). С другой стороны, в той же летописи говорится, что новгородские послы, отправленные за князем, «пошли за море, к варягам, к руси», что эта таинственная русь — один из скандинавских народов, что Рюрик с братьями «взяли с собой всю русь». И летопись заключает: «И от тех варягов прозвалась Русская земля». Согласно этой версии, этнотопоним «Русь» — северный и варяжский.

Ясно, что оба объяснения этнотопонима Русь не могут быть одновременно верными. Более правдиво из них то, которое связывает имя Руси с Полянской землей — первой коронной землей державы. Имя, видимо, восходит к названию реки Рось, впадающей в Днепр южнее Киева. Первое надежное упоминание его как этнонима относится еще к IV веку (оно сохранилось в хронике Иордана VI века) в форме «росомоны». Термин этот нередко переводят как «народ Рос», но, на мой взгляд, более верен перевод «люди с реки Рось».

Кстати, древнейшая письменная форма слова «русский», как отмечает Рыбаков, была «росьский», так что,

очевидно, народ и держава назывались сначала не Русью, а Росью. Легко заметить, что имя это славянское, а не норманское и что оно зафиксировано на *Юге* державы еще за полтысячелетия до Рюрика. Таким образом, ничего общего с Рюриком имя Руси не имеет.

Какую же «русь» мог привести с собой в Новгородскую землю Рюрик *всю*, то есть в полном составе? В книгах прошлого века нередко фигурируют «варягоруссы», то есть целый скандинавский народ, будто бы переселившийся в IX веке на Русь и давший ей имя. Но долгие поиски такого народа показали, что его никогда не было.

Да и мог ли пиратский атаман привести с собой целый народ?

«Вся русь», приведенная с собой Рюриком, — не народ, а *воинский контингент*, пиратская ватага с именем, несколько созвучным по случайности, что и породило потом путаницу. Рядовые скандинавские пираты назывались по-нормански рутскарлами или рутсменами (буквально «гребцами», по смыслу же «ушкуйниками»).

У их соседей, финнов, слово превратилось в этнотопоним «Руотси» со значением «Пиратская страна». Загляните в сегодняшний финско-русский словарь, и вы найдете в нем страну Руотси и сейчас. Но это отнюдь не Русь, а Швеция! В древнерусский язык слово «руотси» перешло в форме «рутсь» (как «Суоми» дало летописное «сумь») опять с новым значением — «варяжские пираты». Таким образом, «вся русь», приведенная Рюриком, это его «трувор» — «верная дружина». Новгородцы ехали действительно за море, к варягам, к рутси (или руотси) — норманским пиратам, хозяйничавшим тогда на Балтике. И наняли одну их ватагу, одну рутсь, на новгородскую службу, не предвидев горьких последствий этого для Новгорода (тогда еще Холмграда), а тем более для всей Руси. Мечами этой-то рутси Рюрик и произвел вероломно свой переворот.

В результате пиратская ватага Хрёрекра превратилась в его княжескую гвардию. А когда Варяжская династия после Рюрика переместилась из Новгорода в Киев, она стала *великокняжеской гвардией*. В этом значении термин «русь» несколько раз упоминается в летописи, в описании походов Олега и Игоря на Византию, вплоть до 944 года. Но норманская гвардия не только участвовала в заморских походах. Это ее мечами Варяжская династия добывала славянские земли, и на ее мечах фактически держался трон Варяжского дома.

Какова была судьба гвардии рутсь? Ведь в этом загадочном варяжском значении термин «русь» после 944 года не встречается больше ни разу. Когда же его носитель, гвардия рутсь, исчез?

Она была приведена Игорем в 945 году под Коростень. И уложена Малом Древлянским под Шатрищем! Вот почему с этого года термин «Русь» имеет в летописи только два славянских значения[1]. (Кстати, именно в этой связи я впервые обратил внимание на Древлянское восстание.)

Олег-узурпатор. Однако как же сын Рюрика мог привести свою норманскую гвардию под Коростень из *Киева*, если отец его, Рюрик, княжил далеко на Севере, в *Новгороде*? В летописи это связано с деятельностью Олега, родича Рюрика, ставшего его преемником и регентом при малолетнем (но потом и взрослом) Игоре.

В 882 году Олег пошел из Новгорода походом на Юг. Добравшись до Киева, он будто бы неожиданно обнаружил там городок, а в нем самозваных князей-варягов Аскольда и Дира (прежних бояр Рюрика). Он их убил, а сам вокняжился в Киеве и перенес туда свою столицу. Соседние земли поначалу не хотели признавать его власть, но Олег их покорил. Так была создана Олегом Русская держава, государем которой он провозгласил законного принца крови Игоря. И потому после смерти Олега сын Рюрика унаследовал трон не в отцовском Новгороде, а в Киеве.

Увы, и этот рассказ оказался ложью. Советская наука выяснила, что Аскольд и Дир вовсе не варяги, а славяне. И не бояре, а как раз прирожденные князья. И не узурпаторы, а последние Киевичи (то есть потомки князя Кия Полянского, чье имя носит Киев).

Академик Рыбаков пишет: «Кий... умер, оставив своих потомков княжить в Полянской земле до конца IX в.»[2]. А вот что пишет киевский археолог и историк П. П. Толочко: «Пользуясь какими-то древнерусскими, не дошедшими до нас летописями, средневековые авторы Длугош и Стрыйковский писали не только о славянском происхождении Кия, но и о том, что именно он был родоначальником Киевской княжеской династии, прекратившей свое существование после убийства Аскольда и Дира норманами.

---

[1] Этот комплекс вопросов был впервые разобран мною в работе «К вопросу о значениях летописного термина «РУСЬ» (см. сб.: Материалы московского филиала Географического общества СССР. Топонимика, вып. 2. М., 1967, с. 15—17).

[2] История СССР, т. I, с. 352.

Прямыми потомками Кия считали Аскольда и Дира составители «Синопсиса» и Никоновской летописи»[1].

Длугош и Стрыйковский — польские историки. А Никоновская летопись и «Синопсис» — русские летописные своды. Надо сказать, что сведения эти были давно известны науке. К тому же Дира как славянского царя знают и восточные авторы X века. Тем не менее до недавнего времени сведениям этим не придавалось особого значения, ибо они противоречили привычной летописной версии. Оценили их по достоинству лишь после того, как вообще обратили внимание на само наличие династии Киевичей (правившей в Киеве минимум с VII по конец IX века, а возможно и гораздо раньше). Между тем они-то и были верны!

Да, Древлянский дом — вовсе не единственная славянская династия, скрытая киевской летописью. Точно так же в ней скрыт и *Полянский дом*, династия Киевичей! (Имя Кия сохранилось, в сущности, из-за того, что его носил город Киев.)

Захват Киева Олегом Рыбаков именует «разбойническим», а Олега категорически отказывается признать основателем Русской державы. При этом он подчеркивает, что Олег захватил Киев вовсе не как столицу одного Полянского княжества, а уже как столицу Русской державы! Ее сложение он датирует рубежом VIII и IX веков (то есть задолго до Рюрика). Я склонен датировать его даже второй половиной VIII века. (Обстоятельства его неясны. Самый вероятный путь сложения державы — слияние двух федераций.)

И действительно, если бы Русская держава была создана Варяжским домом, то ее первая коронная земля находилась бы непременно на Севере, а вовсе не на Юге. Иными словами, Варяжский дом вовсе не *первая* общерусская династия, не создатель державы (за что он сам себя выдает в своей придворной летописи), а лишь *вторая, узурпаторская*.

Захватом Киева дело отнюдь не кончилось. По данным самой летописи, из *семи русских земель Центра и Юга шесть оказали князю-варягу Олегу* (его норманское имя — Хельги) *сопротивление с оружием в руках*. В конце концов Хельги удалось его частично сломить, заключив союз со степными кочевниками против русских патриотов. Но Хельги, а за ним и Ингвар Хрёрексон (таково подлинное

[1] История Киева, т. I. Киев, 1982, с. 48.

норманское имя Игоря Рюриковича) был вынужден довольствоваться полупокорностью древлян.

Да, Древлянской земле пришлось признать их верховную власть. Но древляне сохранили свое оружие, свои крепости, свою династию, свою земельную думу, свои законы и своего бога-покровителя (что и выдвинуло Древлянский дом после катастрофы Киевичей на целое столетие в лидеры всенародного, общерусского антиваряжского Сопротивления). Как они использовали все это потом, в X веке, мы уже видели. (Интересующихся подробностями отошлю к главе 5 «Киев» моего исторического очерка «На родине Добрыни Никитича» в журнале «Дружба народов», 1975, № 8.)

Остается сказать, что норманское имя Хельги значит «Освященный». Хельга есть его женский вариант — и именно в форме «Хельга» имя княгини Ольги зафиксировано в записках принимавшего ее в Царьграде византийского императора. По созвучию с Хельгой ее там и крестили Хеленой.

Легенда же о создании Олегом Русской державы есть *главный* династический миф Варяжского дома. Им создано мнимое право узурпаторской династии на Киев и престол державы.

Ингвар Хрёрексон и Олего-Рюрик. Итак, подлинное имя побежденного отцом Добрыни могучего врага было Ингвар Хрёрексон. Имя «Ингвар» означает по-варяжски «Посвященный богу Инги». Оно показывает, что удачливый морской пират Рюрик, хотя ему и пришлось как-то уживаться с Хорсом Новгородским, своим покровителем продолжал считать скандинавского бога Инги.

Таким образом, имена всех первых Рюриковичей были варяжскими. Смысл этих имен был первоначально понятен лишь варягам, им он внушал веру в династию и в ее право на власть над славянами. (Что имена князей-варягов были по-русски ославянены, этому не противоречит и объясняется просто — иначе они были бы по-русски порой просто непроизносимы.)

Первое славянское имя появилось в доме Рюрика только в 940 году (то есть за несколько лет до восстания Мала): Ингвар Хрёрексон дал своему наследнику имя «Святослав». Нередко в этом видели признак мирного ославянивания династии. Но дело обстоит гораздо сложнее: зная скандинавское значение имен Рюрика и Олега, сразу убеждаешься, что в переводе с варяжского на русский «Свято-слав» означает «Олего-Рюрик».

Имя было действительно демонстративно славянское, но оно было с двойным дном. Оно говорило теперь уже не одним варягам, а всему народу, что династия славна покровительством неба. Имя выглядело манифестом с великокняжеского трона: отныне сын Рюрика обещает народу вести славянскую, а не варяжскую политику. Но, сочетая в себе имена основателя династии и князя-варяга, взявшего в 882 году Киев, имя вместе с тем говорило народу: «Хотите получить славянскую политику? Тогда оставляйте на престоле наследников Олега и Рюрика, их династию!»

Когда на такие вопросы приходится давать ответ, они явно стоят не в абстрактно-философском и не в семейном плане, а в самом злободневном. Политическая логика имени наследного принца в 940 году обнажает остроту политических вопросов, на которую имя Святослава призвано было служить ответом, бросает яркий свет на обстановку в русской державе в канун Древлянского восстания.

И такой ответ Ингвара Хрёрексона на острейший вопрос явно означал, что среди его славянских подданных есть и обратное мнение: лучшим залогом славянской политики будет не сохранение, а свержение Варяжской династии! Наглядное подтверждение тому — 945 год (как видно, обещание смены политики было со стороны Игоря лишь лицемерием, желанием выиграть время, чтобы обрушить потом на противников сокрушительный удар).

Славянское имя Святослава — результат политического маневрирования Варяжской династии под напором растущего антиваряжского Сопротивления. В свете последующих событий выбор имени разумно приписать прозорливости Ольги. Не следует только думать, что имя было придумано тогда. Нет, оно было с точным расчетом выбрано из давно существовавших славянских имен. (Так Екатерина II дала внуку имя Константин, желая посадить его на Константинопольский трон.)

Мы убеждаемся, что Святослав родился в разгар варяжско-русской борьбы внутри державы и еще в колыбели оказался в самой гуще ее. И когда он был мальчиком, не способным даже бросить копье, и трон его, и сама жизнь оказались под угрозой как раз из-за варяжской политики его деспотичного отца. А в 946 году имени Святослава суждено было снова сыграть крупную роль — уже на поле боя.

Летопись сохранила загадочный эпизод с копьем Свя-

тослава. Когда полки Ольги и древлян сошлись на поле боя, Святослав был выведен на передовую линию, и сигналом к началу битвы послужило копье, брошенное им в древлян. Князь был еще ребенком, и копье, брошенное им с седла, попало в ноги собственному коню. Тогда командовавший войском Ольги полководец-варяг Свенельд сказал воинам: «Князь уже начал, ударим вслед за князем».

Присутствие мальчика-князя, еще не умеющего владеть оружием, на поле боя выглядит странным. Ведь его случайная гибель в сражении почти автоматически лишала Ольгу (которой принадлежало лишь регентство, а не трон) всяких прав на власть. Это сражение, место которого неизвестно, оказалось выигранным, но узнать заранее, что победит войско Ольги, было, конечно, нельзя.

Это означает, что присутствие Святослава было настолько важным, что заставляло даже идти на риск. Очевидно, у Святослава в тот момент было нечто чрезвычайно важное, чем не обладали ни Ольга, ни ее полководцы — варяги Свенельд и Асмус. Но летопись этой причины не расшифровывает.

Ни княжеский титул (открыто оспариваемый восстанием), ни боевой опыт или личный политический авторитет (младенчество Святослава исключает и то и другое) такой причиной быть не могли. Единственным политическим козырем, связанным неразрывно с личностью Святослава, было его славянское имя. Оно — и оно одно — могло сыграть роль боевого знамени Ольги, наглядно показать, что династия готова сдержать свое обещание вести славянскую политику и выбить из рук древлян козырную карту защиты славянского дела против варягов.

Только *славянское имя* Святослава могло в ту минуту оправдать столь большой риск. Мы еще раз убеждаемся, на какой высоте стояло политическое и правовое сознание языческой Руси той эпохи и какой сложный комплекс проблем влиял на то или иное решение. Но мы убеждаемся и в том, что летописное родословие Варяжского дома, хоть оно в науке и не раз оспаривалось, оказалось в основном верным: Рюрик, Олег, Игорь и Святослав действительно члены одной династии[1].

---

[1] Этот комплекс вопросов был впервые доложен мною на Всесоюзной научной конференции 1968 года «Личное имя» в Москве и опубликован в моей статье «К вопросу об имени Святослава» (см. в сб.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 324—329).

Обращение к ономастике бросает яркий дополнительный свет и на личность будущего шурина Добрыни. Если младенцу давали имя столь чрезвычайной важности, что оно было равнозначно манифесту с трона, значит, он и в колыбели действительно был наследным принцем. Давать такое имя, когда престолонаследником был другой, старший сын Игоря, было явно бессмысленно: никакого резонанса имя одного из принцев крови иметь не могло, его имело лишь имя наследника престола.

Стало быть, других сыновей у Игоря почему-то в тот момент не было, хотя ему шел седьмой десяток, да и на престоле он сидел около 30 лет. Но могла ли держава жить 30 лет без наследного принца? Очевидно, нет. То есть у Игоря были, видимо, ранее сыновья от других жен. Но куда же они делись? Этого мы никогда не узнаем.

Можно допустить, что у Игоря были до того одни дочери (хотя при многоженстве это за десятилетия малоправдоподобно). Но если бы даже так, одна из них должна была быть наследной принцессой. Правда, при общем международном правиле того времени, что в династии считаются сначала все мужские линии в порядке старшинства и лишь затем линии женские, позднее рождение Святослава было для Игоря крупным событием, упрочавшим его трон. Наконец-то наследник мужского пола!

Возвышение Ольги. Но теперь становится очевидно и другое — именно рождение сына было началом возвышения Ольги. В самом деле, кто она была до этого? На примере Малуши мы хорошо знаем, что для того, чтобы стать княгиней, женой государя, Ольге надо было родиться княжной. Будь она наложницей, ее сын Святослав не был бы князем по рождению, они оба были бы неполноправны. А так как Ольга была урожденной варяжкой, то вероятней всего она была дочерью какого-нибудь земельного князя-варяга и брак с нею не был для Игоря неравным[1].

Зато летописные сведения о раннем замужестве Ольги, а затем десятилетиях бесплодия вплоть до са-

[1] Летописные сведения, что она была родом из «Пльскова» (что расшифровывали как Псков или как болгарская столица Плиска) — часть знакомого нам комплекса неверных сведений о ней: Псковского княжества тогда не было, а болгарскую принцессу не могли бы в 955 году крестить в Царьграде, так как Болгария была крещена еще в IX веке.

мого рождения Святослава были русской наукой энергично поставлены под вопрос еще в прошлом веке. Ольга достаточно явно была какой-то поздней женой Игоря. Зачем же она могла ему понадобиться?

Ради своей красоты и чар молодости? Это исключено — для этого у Игоря были, сколько можно понять, сотни наложниц сообразно его рангу государя. Для новых внешних династических уз, то есть династического или военного союза? Это мало вероятно, ибо за многие десятилетия (еще до занятия трона и в годы царствования) все главные союзы, диктуемые государственными интересами, давно должны были быть скреплены династическими браками. Ольга была какой-нибудь седьмой младшей женой Игоря, но лишенной серьезной собственной роли.

Так зачем же ему понадобился в это время новый брак? Видимо, затем, что жены стали стары, чтобы рожать, а ему нужен был, когда он нежданно остался без сыновей, сын от жены (а не от наложницы). А для этого нужна *молодая* жена. Следует думать, что Игорь берет в 30-е годы не одну Ольгу, а несколько жен сразу. Все земельные князья-варяги — его вассалы, отказать в дочерях (племянницах, внучках) они не могут. Кто-то из новых жен может ведь родить не желанного сына, а новую дочь, кто-то может вообще не родить, несколько молодых жен вернее. А дальше пусть решают боги — у кого из них первой родится сын, ту Игорь возвысит.

И первой рожает Игорю сына Ольга. Это делает ее матерью престолонаследника. И главной женой Игоря? Думаю, что нет. Из младших жен она сразу переводится в старшие. Но, полагаю, она становится второй старшей женой. Ибо первое место занято давным-давно по требованиям дипломатии и сдвинуть княгиню с этого места означает нанести оскорбление ее царствующему дому и, чего доброго, получить вместо союза с ним войну. А главной стабильной союзницей Варяжского дома была Печенегия. Полагаю поэтому, что главной по рангу женой Игоря была печенежская принцесса (вспомним главную по рангу жену Владимира — Малфреду Чешскую).

Итак, Ольга сразу из последних младших жен попадает в старшие, она окружена особым почетом. Мать престолонаследника! Но политического влияния из этого еще не следует. И тут с Ольгой происходит вне-

запная метаморфоза — из декоративной фигуры она превращается в политическую.

Выясняется, что Ольга великолепно разбирается в политике, в династическом праве и считает, что дело княгини не только рожать сыновей. Она имеет неслыханную дерзость предложить для наследного принца славянское, а не варяжское имя! Более того, ей удается убедить Игоря, что это необходимо для спасения династии. Игорь пошел на это, как на хитрый маневр. Но Ольга-то думала о действительной смене политики. С этого момента определяется программа Ольги: Варяжский дом, но славянская политика. И с этого-то момента Ольга, очевидно, становится на шахматной доске внутренней политики Руси самостоятельной фигурой, вступив в конфликт с Игорем, приобретя на него влияние, но не имея возможности побудить его к смене политики на деле, а не на словах. Только когда ее избавят от Игоря две березы Мала, станет ясно, на что Ольга способна, что это за поразительная фигура. Но продуман Ольгой ее будущий общий курс (не скажу, детали, ибо всех событий предвидеть было невозможно) значительно раньше. И выходом ее на политическую арену было только рождение Святослава и ее ошеломившее Игоря требование славянского имени сыну.

«Свенельдичская» версия. Итак, в момент решающего сражения 946 года Святослав обладал славянским именем, тогда как Ольга и Свенельд таковыми не обладали. И в связи с упоминанием имени Свенельда здесь необходимо сделать некоторое отступление. Дело в том, что именно из-за Свенельда произошло научное недоразумение: открытие Прозоровского 1864 года постигло полное забвение — о нем не знали даже узкие специалисты по X веку, и автору этих строк пришлось как бы заново вводить его в научный обиход[1].

Дело в том, что академик Шахматов, крупный знаток проблем летописания, упомянул об открытии Прозоровского в начале века в таких выражениях, что оно стало казаться последующим исследователям частью шахматовской (кстати, чрезвычайно запутанной

[1] Это сделано мною на страницах «Украинского исторического журнала» (на украинском языке) в статьях «Древлянское происхождение князя Владимира» (1970, № 9, с. 102—104; № 10, с. 110—112; № 11, с. 108—113) и «Шестнбожие князя Владимира» (1971, № 8, с. 109—112; № 9, с. 109—112; № 10, с. 114—117).

и неудачной) конструкции, которая совершенно безосновательно превратила Добрыню... во внука варяга Свенельда!

Академик Шахматов писал: «В 1864 году Д. Прозоровский высказал предположение, что отец Добрыни и Малуши Малко — одно лицо с Малом, князем Древлянским; Любечанином летопись назвала его потому, что Ольга, взяв его в плен после смерти Игоря, поселила в Любече. Думаю, что основная мысль Прозоровского верна: Малко одно лицо с Малом Древлянским»[1]. Это выглядело как недвусмысленное согласие с Прозоровским. Но так как Шахматов дальше называет отца Добрыни и Малуши Мистишей Свенельдичем, то цитированные мною только что строки создали впечатление, будто Шахматов уточнил Прозоровского, установив, что имена Мала и Малко носил на самом деле сын Свенельда, причем основным именем его было Мистиша.

Но такое впечатление лишь иллюзия. На самом деле Шахматов и не думал ни соглашаться с Прозоровским, ни использовать его открытие, ни даже уточнять его. Шахматов счел, что... ни Мала Древлянского, ни Малко Любечанина вообще не было в природе! Вопреки процитированным словам, его «свенельдичская» конструкция была построена на отрицании им реального существования обеих этих фигур.

Начал ее построение Шахматов от Свенельда. В летописи упоминаются два сына Свенельда — Лют (погибший в конфликте с древлянами спустя три десятилетия после этого) и Мистиша (известен лишь по имени без всяких дел и дат). Шахматов зачем-то слил их воедино и невесть почему приписал этому собирательному Свенельдичу... восстание Мала и казнь Игоря Рюриковича!

Но ведь в этой версии вообще нет Мала Древлянского?! Вот именно. Он не отождествлен со Свенельдичем, а просто отсутствует. Так откуда же взялось в летописи имя Мала? Оно будто бы приведено по ошибке.

Жил будто бы в те времена некий Мал Кольчанин, то есть князь города Кольческа (фигура эта — чистейший вымысел Шахматова; специально о Кольческе

[1] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 374.

Рыбаков, критикуя эту конструкцию, заметил, что он лежал даже не в Древлянской, а в Дреговичской земле). И этот Кольчанин был будто бы героем народных песен. А дальше началась-де целая серия ошибок переписчиков летописей.

Один из них, вспоминая песни, вписал в летопись по ошибке имя Мала Кольчанина вместо имени Мистиши Свенельдича. Другой неверно разбил его, получилось «Малко Льчанин». Третий заменил бессмысленное «Льчанин» на «Любечанин». И так-то и родился в летописи, по Шахматову, своеобразный «поручик Киже X века» — Малко Любечанин, не имеющий никакого отношения ни к Любечу, ни к Владимиру и Добрыне.

Надо сказать, даже сам Шахматов так запутался в собственной «свенельдичской» конструкции, что перестал замечать, что в ней концы с концами не сходятся. Так, он почему-то написал, что Ольга, несомненно, казнила Мала Кольчанина, мстя за убийство мужа. Да за что же Мала-то Кольчанина?! Ведь он ни в чем не виноват! Ведь Игоря-то убил, по Шахматову, вовсе не Мал Кольчанин, а Мистиша Свенельдич. Его бы Ольге тогда и казнить. Как же он уцелел? Чем поплатился Свенельдич за казнь Игоря (если даже в Любечский замок заключен не был)? Почему его восстание подавил его собственный отец, Свенельд? Что с Мистишей вообще потом, после 946 года, сталось? Как он оказался дедом Владимира? Как оказался через 30 лет в распре с древлянами? Увы, на все такие (и многие аналогичные) вопросы искать ответа у Шахматова бесцельно.

«Во всем этом нагромождении натяжек, — пишет Рыбаков, — столь необычном для строгого исследовательского метода Шахматова, можно отметить ряд чисто исторических несообразностей»[1]. Детально разобрав целый ряд таких несообразностей, Рыбаков, в частности, отвел как необоснованное включение Свенельда и «многоименного Свенельдича» в родословное древо Добрыни и Владимира[2].

Неудачные гипотезы бывают и у крупных ученых. Но, поскольку гадательная и запутаннейшая «свенельдичская» версия содержится в капитальном труде Шахматова, она (одними принятая на веру, другими

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 195.
[2] Там же.

оспоренная) заслонила простую и ясную древлянскую версию Прозоровского, которую перестали замечать.

Если же их сравнить, то сразу убеждаешься, что Шахматов отождествлял несколько фантомов, вообще не фигурирующих ни в одном источнике (верно только наблюдение о Никите Залешанине, но и этого древлянина Шахматов ошибочно счел Мистишей Свенельдичем), тогда как Прозоровский доказал тождество вполне реальных и конкретных Малко Любечанина и Мала Древлянского.

Реальный же Свенельд не только не был дедом Добрыни, но был заклятым врагом его отца и, как я уже говорил, вероятно, лично брал в 946 году их обоих в плен.

Норманская и славянская политика. Но вернемся к дому Рюрика. Именословие первых Рюриковичей показало, что все они были несомненными норманами. По крови? Рюрик и Олег — да. Последующие, может быть, и не вполне. Рюрик мог взять в жены славянку. И у Ольги в принципе могла быть мать-славянка. Но это роли вообще не играет. Решала не доля славянской крови, ибо в династическом праве идет счет не по национальной, а по *княжеской* крови. Гораздо важнее другое — имена говорят о четкой *норманской политике* династии до Ольги.

По династическому праву династии следовало бы вести национально-русскую политику, но она со всей очевидностью ее не ведет. Норманское имя сыну Рюрик дает уже на Руси. И все княжеские имена призваны были увековечить власть варягов над славянами и обращены были к норманской знати и гвардии, а не к славянским подданным. Это куда как красноречиво. Да и на имя Святослава Игорь согласился лишь ради того, чтобы и славяне поверили в незыблемость правления дома Рюрика и Олега, согласился в надежде их обмануть.

Итогом норманской политики хозяйничания варягов в чужой стране было то, что, когда взрыв русского Сопротивления (предвидимый Ольгой!) смел в Шатрище и Игоревке самого Игоря и его варяжскую гвардию и поставил Варяжский дом на край катастрофы, в этой династии только Ольга и мальчик Святослав оказались обладателями альтернативной политики. Наверняка остались и другие вдовы Игоря, вероятно, были и принцессы, дочери этих жен, возможно, были в дина-

стии и какие-то родичи мужского пола, претендовавшие на регентство. Но все они до единого представляли варяжскую политику, а она обанкротилась под Шатрищем, продолжать ее было нельзя, выиграть с ней разгоревшуюся гражданскую войну было невозможно.

Летопись рисует картину автоматического получения власти Ольгою после смерти Игоря (если даже не ее регентства во время его Коростеньского похода). На самом деле все обстояло иначе, и в начавшейся в Киеве панике разгорелась борьба за трон. Но когда полянское боярство и оставшаяся в Киеве варяжская знать решили не присягать Малу как новому государю Руси, им надо было немедленно выбрать контргосударя со своей стороны. И в тот момент катастрофы даже им для сохранения своих привилегий потребовался правитель, готовый на кардинальные реформы, готовый сменить курс и обещать вместо варяжского железного кулака славянскую политику.

И здесь — еще до сражения 946 года, еще в 945-м — сработало имя Святослава. Изо всей династии славянское имя был только у него. И новым государем был немедленно провозглашен пятилетний Святослав. И это почти автоматически означало регентство Ольги, то есть вручение ей полноты власти.

Вот как Ольга *завоевывает* власть, играя на своем козыре, ставя свои условия и публично клянясь на всю страну, что славянское имя Святослава было с ее стороны не обманом, а обещанием славянской политики и что в *ее* лице династия готова сдержать это обещание народу. Многим в варяжском лагере это, видимо, не нравится, но выбора нет. Это теперь единственный шанс спасения династии и ее верных слуг тоже. Вот как Ольга завоевывает власть, когда в 945 году обанкротилась варяжская политика.

Но откуда же эта варяжская политика, которой до того династия придерживалась, могла взяться, если по династическому праву династия считалась славянской? Очень просто: политика родилась из самой варяжской узурпации!

Положение Варяжского дома было двойственным: в теории династического права Рюрик, Олег и Игорь были славянскими государями, но на практике они ими не были. Они были деспотами, полагавшимися на мечи своей норманской гвардии и знати и презиравшими русское быдло, а нередко и русских богов

(заключив союз с одним Перуном, продавшим державу Варяжскому дому, за что при Добрыне и Владимире он поплатился). Они ощущали себя норманами и вели соответствующую политику, считая Русь своим боевым трофеем.

В династическом праве все они, видимо, разбирались прескверно. И чтобы его понять, потребовался гений Ольги.

Варяжская теория. На тезисе о «призвании варяжских князей» была построена в науке так называемая норманская теория. Не следует заблуждаться, это была когда-то научная теория, ее разделяли и крупные ученые (например, Карамзин и Соловьев). Она существует уже несколько веков.

Научная полемика против норманской теории началась еще в XVIII веке. Тем не менее ее научная несостоятельность выяснялась постепенно из-за большой сложности вопросов, отдаленности исследуемой эпохи, но также из-за путаницы в источниках. В настоящее время в СССР норманская теория почти полностью дискредитирована, но за рубежом продолжает считаться научной теорией и пользоваться популярностью.

Здесь не место излагать историю трехвековой полемики между норманистами и антинорманистами, разбирать огромный комплекс аргументации обеих сторон. Отмечу лишь следующее.

Во-первых, суть норманской теории вовсе не в том, что Рюрик был варягом, а исключительно в том, что Варяжская династия будто бы создала Русскую державу. Во-вторых, еще на протяжении XIX века норманская теория не раз подвергалась в русской науке критике, гораздо более резкой, чем это известно в широких читательских кругах: под вопрос неоднократно ставились не частные вопросы, а вся версия IX века (и не только его) в целом.

Следует также сказать, что за рубежом норманская теория продолжает и сегодня активно использоваться не в научных, а в политических и пропагандистских целях. В свое время я нашел, перевел на русский язык и опубликовал в нашей печати соответствующие откровения «норманистов от политики». А именно самих фашистских главарей — Гиммлера и Гитлера. А также подхвативших эту эстафету западногерманских «кремленологов» — Келлера и фон Рим-

ши. Интересующихся подробностями отошлю к моему очерку «На родине Добрыни Никитича« («Дружба народов», 1975, № 8, с. 195—199).

Иной раз можно прочесть, что норманская теория — плод злонамеренных происков ученых-немцев XVIII века. К сожалению, это не так. Первоисточник научного норманизма и построенных на нем политико-пропагандистских вымыслов кроется в самой русской летописи. Их первоисточник — летописная варяжская теория!

То, что говорится в летописи о различных мнимых благодеяниях варягов, не случайная обмолвка. И не святая истина, простодушно зафиксированная летописцами. Это стройная, продуманная система подтасовки информации. Это — *теория права Варяжского дома на русский трон!*

Как мы уже могли убедиться, русская история в династических целях подверглась в летописи сознательной и последовательной фальсификации в проваряжском духе. А в «анти» — каком? В антидревлянском? Безусловно. В антинародном? И это определение (как и еще немало других) будет в большой мере верным. Но доминантой фальсификации было, увы, то, что летописная версия — *антирусская!*

Именно русская летопись и выставляла русский народ неспособным к созданию государственности, созданной будто бы варягами. И не будет преувеличением сказать, что варяжская теория летописи принесла русскому народу многие бедствия.

Разумеется, это не означает, будто летопись лишена ценности как исторический источник. Напротив, она ценный источник, истинный кладезь информации! Надо уметь отделять верные сведения от *версий*, от династических мифов — это просто разные вещи. И еще надо помнить, что в вопросе права на престол версия в любой монархической хронике мира нейтральной не бывает.

Глава 5
Древлянская земля

Таинственная земля. Итак, Любеч, Коростень и Игоревка позади. Родной город Добрыни, места, связанные с судьбой его героического отца, рассказали нам чрезвычайно много. Преобразился и облик так очерненной в летописи Древлянской земли. На месте

мнимого края полудикарей и неисправимых смутьянов появилось могучее княжество со своей земельной думой, своим «небесным князем» Даждьбогом, своей сильной армией и конституционной теорией, передовой не только на Руси, но и во всей тогдашней Европе. И со своей династией, которая в 945 году буквально перевернула судьбы Руси, а в 980 году совершенно очевидно завоевала престол и власть во всей державе и осталась навеки любимицей былины.

Но мы стоим перед новой загадкой. Как же эта таинственная земля могла выдвинуться в авангард боев за русскую свободу, если летопись создание державы приписывает исключительно Варяжскому дому и Полянской земле? Откуда у княжества Древлянского взялись для этого силы? Велико ли оно было? Есть ли у него своя история до драматических событий X века? И что вообще она собой представляла, Древлянская земля?

Что еще о ней нам сейчас известно?

Словом, мое путешествие на родину Добрыни продолжается.

Древлянские города X века. О Древлянской земле известно не так уж и мало. Прежде всего, уже в X веке в ней было несколько городов. В 946 году, рассказывает летопись, древляне после неудачного сражения отступили и затворились в своих городах.

Сражение (места его, к сожалению, летопись не указывает) было следствием того, что Ольга, собрав свежие силы, пошла в 946 году на Древлянскую землю походом. Из чего, в свою очередь, следует, что в 945 году отец Добрыни, хотя у него и не хватило сил для прямого удара на Киев, сумел очистить от вражеских войск все свое княжество. Только в 946 году Ольга сумела добиться перелома в военной кампании. Для начала — переноса войны опять на древлянскую территорию.

В каких же своих городах заперлись древляне? Информация об этом содержится в статье 946 года. Стараясь побудить Коростень к сдаче, Ольга говорит: «Ведь все ваши города уже сдались мне». Слово «все» в этом контексте определенно означает, что городов в Древлянской земле уже в X веке было несколько. Эта деталь снова подтверждает, что речь идет вовсе не об отсталом княжестве, а об одном из передовых. Сведения эти означают еще и другое: древляне, по-

терпев в 946 году неудачу в бою, вовсе не побежали, как уверяет летопись, а отступили в полном порядке и, опираясь на свою систему крепостей, перешли к тактике затяжной обороны. Тактика эта оказалась весьма успешной, ибо осада малых древлянских городов вынуждала войско Ольги распылять силы и отвлекала от осады Коростеня. Прежде чем Ольге удалось принудить все малые города к капитуляции (видимо, на мягких условиях), прошло, очевидно, немало времени, что, в свою очередь, повлияло и на готовность Ольги к переговорам с Малом, и на ее уступчивость в этих переговорах. (Кстати, никаких массовых казней рядовых древлян Ольга не устраивала. Вероятно, соблюдение приличий буквально принудило ее казнить *несколько* человек, лично привязывавших Ингвара Хрёрексона к двум березам.)

Ясно, что княжество, имеющее несколько городов, строит их не во время восстания, а загодя. То есть оно обладало задолго до 945 года целой системой крепостей, эшелонированной в глубину. Система служила княжеству одним из гарантов его свободы и, в частности, позволила Малу отказать Игорю в 944 году в древлянских полках для второго похода на Византию, не опасаясь немедленного военного удара с его стороны. Более того, видимо, без этих городов (слово «город» тогда означало «крепость», «поселение, огороженное стеной») не уцелели бы ни Древлянский дом, ни Древлянская дума, хотя их резиденцией был неприступный Коростень. Трудно представить себе сильное княжество с одной-единственной крепостью.

Все это явствует из скрытой информации летописи. Сведения о древлянских городах хоть и скупы, но весьма содержательны. Однако имена малых древлянских городов летопись умышленно замалчивает. Но здесь на помощь снова приходит информация былины. Среди владений знакомого нам уже Олега Древлянского (то есть при жизни Добрыни) былина упоминает города Гурчевец, Крестьяновец и Ореховец. Наука установила, что это несколько искаженные за века имена трех древлянских городов — Овруча, Коростеня и Олевска. (Крупный вклад в эту расшифровку внес академик Рыбаков, но начата она была еще в прошлом веке Бессоновым, первым комментатором новооткрытых былин в знаменитом сборнике Рыбникова.)

Подобно Коростеню, Овруч и Олевск существуют и

поныне. Овруч лежит севернее Коростеня, Олевск — северо-западнее. Никаких зданий или руин X века там не сохранилось (да и не могло сохраниться на открытом воздухе, ибо здания те были деревянными). Овруч, по летописным данным, был столицей Олега Древлянского. Это вполне гармонирует не с мнимым сожжением Коростеня (которым Олег Древлянский как ни в чем не бывало владеет как городом), а с его действительным развенчанием в 946 году. В науке эти три города иногда именуются из-за их расположения «треугольником древлянских городов».

Три города X века, известные нам поименно в одной земле, — это много или мало? Для той эпохи — определенно много. Ибо летописи называют до конца X века поименно только 22 русских города (хотя на деле их было гораздо больше), а число земель в державе составляло тогда около дюжины.

Малин. Живым подтверждением тому, что древлянских городов X века было больше, чем названные три, служит четвертый, известный нам поименно. Это Малин. Имя его не называет ни летопись, ни былина, но он также существует и поныне. Этот маленький городок на левом, западном берегу реки Ирши расположен юго-восточнее Коростеня, по дороге на Киев. Лежит Малин в 50 километрах от Коростеня и в 100 километрах от Киева, то есть вдвое ближе к Коростеню, чем к Киеву.

Никаких древних зданий и укреплений в городе не сохранилось, да и рельеф местности здесь не такой «говорящий», как в Коростене или Любече. Есть лишь городище, исследуемое археологами. Зато большую информацию дает нам, во-первых, географическое положение Малина и, во-вторых, само его название.

В Малине по сей день живо предание, что город заложен Малом Древлянским, что неудивительно, ибо имена эти явно взаимосвязаны, а лежит город несомненно на территории Древлянской земли. Он явно служил когда-то форпостом на дальних подступах к Коростеню, дополняя систему Олевска и Овруча (в летописи Овруч именуется «Вручий») с третьей стороны. А основа «мал» в имени города говорит о том, что он не мог быть основан позже княжения Мала.

И в предысторию восстания 945 года Малин вписывается отлично. Крепость заложена на прямом пути на Киев, однако так, что от нее до Киева вдвое дальше,

чем до Коростеня. Серьезный шаг к укреплению обороны Коростеня? Безусловно. Но не прямой вызов Игорю, способный повлечь за собой немедленное вторжение. Вот если бы Малин был заложен в 100 километрах от Коростеня и в 50 километрах от Киева, тогда это выглядело бы как вызов и подало бы Игорю повод к вторжению. Будь крепость даже ровно на полдороге, и то Игорь мог бы придраться и нанести удар. Но при такой системе расстояний, какая есть на самом деле, декорум отношений вассала к сюзерену полностью соблюден.

Был ли Мал, готовя восстание, заинтересован в укреплении дальних подступов к Коростеню? Несомненно. Но был ли он заинтересован в том, чтобы давать Игорю преждевременно повод к вторжению в Древлянскую землю? Столь же несомненно, нет. Этой логике местоположение Малина отвечает полностью. А то, что крепость была основана на берегах Ирши, означает, что Малин призван был служить опорой обороны одного из водных рубежей, лежавших между Коростенем и Киевом.

Обычай монарха давать заложенному им важному городу свое имя известен с древности у многих народов. Широко известен этот обычай и на Руси. Сообразно такому правилу значение имени Малина принималось как «крепость, заложенная Малом» (подобной ошибки не избежал и я). Однако это не так.

Почему не Малов? Хотя то, что Малин носит имя Мала, казалось очевидным, этому противоречит форма имени города. Я имею в виду применение форманта «ин», а не «ов». Формант «ин» в русском языке продуктивен, когда в основе лежит либо *женское имя*, либо *мужское имя, оканчивающееся на «а» или «я»* и склоняющееся, как женское.

Так, от мужских имен Иль*я*, Никит*а*, Добрын*я* произведены фамилии Иль*ин*, Никит*ин*, Добрын*ин* (а не Иль*ев*, Никит*ов*, Добрын*ев*). Напротив, от мужских имен, оканчивающихся на согласную, например Иван, Петр, Степан, произведены фамилии Иван*ов*, Петр*ов*, Степан*ов*, а вовсе не Иван*ин*, Петр*ин*, Степан*ин*.

Сообразно этому простому правилу русской ономастики город, названный по имени князя Мала, должен был бы называться Мал*ов*. Однако же он называется Мал*ин*.

Так по кому же он тогда назван? Разгадка здесь,

очевидно, в том, что он, хотя, похоже, и заложен Малом, но назван в честь княгини или княжны Малы. Но ведь мы такой княгини или княжны не знаем. Кто же она? Я пришел к неожиданному выводу, что мы ее хорошо знаем. Это — Малуша! Малин назван в честь *нее!*

Малуша? Нет, Мала! Вспомним, что Прозоровский датировал ее вероятное рождение между 940 и 944 годами. Это как раз канун восстания 945 года. И рождение дочери князя — превосходный и вполне благовидный повод для закладки города в ее честь (разумеется, в месте, важном для Мала стратегически и подходящем для него политически).

Но тогда почему город называется не Малушин? А, видимо, потому, что хотя имя сестры Добрыни привычно нам как «Малуша» (так именуют ее вслед за летописью все историки и писатели), но при рождении она получила имя «Мала», и оно было ее настоящим именем.

Почему же тогда летопись именует ее Малушей? Потому что это ложится в ее версию, где информация тщательно взвешена. Потому что летопись говорит только о Малуше-ключнице, то есть рабыне, старательно обходя молчанием периоды, когда она была свободной женщиной. А в годы рабства ее, вероятно, действительно звали Малушей, точнее, переименовали из Малы в Малушу (точная параллель превращению Мала в Малко). Получив же свободу, она, очевидно, снова стала Малой. Впрочем, чтобы не сбивать читателя с толку, я привычное имя «Малуша» оставлю в моем рассказе и в дальнейшем. К тому же на сегодняшний слух оно красивее и звучит ласково.

Но вряд ли форма «Малуша» была ласкательной в X веке, раз она означала рабство. И жену Святослава и великую княгиню всея Руси официально величали Малой Древлянской. Кстати, похоже, это одна из причин того, что город Малин тщательно замалчивается в летописях, хотя имя князя Мала там не замалчивается. То есть само упоминание города, названного в честь Малуши, выдавало древлянский брак Святослава, который позднейшие князья всеми силами старались вычеркнуть из истории.

В этой связи возникает еще вопрос: а не мог ли Малин заложить уже Святослав — в честь жены? Нет, местоположение города исключает такой вариант. От

кого Святославу нужно было бы защищать подступы к Коростеню со стороны Киева? От самого себя? Ведь он был одновременно и государем всей державы с резиденцией в Киеве, и князем Древлянским (в результате брака с Малушей). Да и сам Коростень был уже развенчан.

Вот какую обильную информацию дал нам маленький городок на Ирше.

Граница на Ирпене. Как видим на примере уже четырех древлянских городов X века, сведения исторической географии о них чрезвычайно содержательны. Следует сказать, что историческая география — вообще один из ценнейших источников, освещающих действительное положение вещей в далекие эпохи.

Еще показательней, чем данные о четырех ее городах, общее географическое положение Древлянской земли. Из края в край она протянулась на несколько сот километров. Земли подобных размеров на Западе нередко именовались королевствами.

Очень существенно, где и с кем Древлянская земля граничила. На севере она соприкасалась в бассейне Припяти с Дреговичской землей (семантика названия последней — «Болотный край»), на западе — с Волынской (тогда в состав Русской державы не входившей, присоединенной только Владимиром). До сих пор не установлено, как пролегала здесь граница.

Но в данной связи небезынтересно, что́ лежало за Волынской землей. В более поздние времена — Польша, но в X веке — Чехия. Та самая Чехия, о которой я уже имел случай говорить, когда рассказывал о важности древлянско-чешских, а затем и русско-чешских династических браков и связей именно в X веке.

Северная и западная границы Древлянской земли не стали пока предметом исследования, зато ученые исследовали восточную ее границу. Как уже говорилось, на востоке Древлянская земля соседствовала с Полянской (чья земельная столица Киев была также столицей всей державы), отчего именно эта граница представляет особый интерес, ведь военные действия 945—946 годов связаны именно с ней. Где же проходила древлянско-полянская граница? Не под Малином ли?

Ведь логично подумать, что Малин как важный юго-восточный форпост Коростеня был пограничным городом, а граница Древлянской земли проходила по

Ирше или вблизи от нее. В свете летописной версии, превозносящей киевских князей и умаляющей коростеньских, следует ожидать, что домен киевских государей, Полянская земля, подступал близко к древлянской столице и что земельная граница при любой ее конкретной трассе будет проходить гораздо ближе к Коростеню, чем к Киеву, быть крайне выгодной для Полянской земли и невыгодной для Древлянской. Граница где-то под Малином кажется поэтому вполне логичной — вдвое дальше от стольного Киева, чем от вассального Коростеня.

Но нет, Малин лежал в глубине Древлянской земли. И если мои читатели не знают этого заранее, они вряд ли догадаются, где древлянско-полянская граница проходила на самом деле. Как это ни покажется странным и даже невероятным... под самым Киевом! По Ирпеню — первому водному рубежу западней Киева.

Я смотрю на Ирпень с крутого правого берега, из села Белогородки. Это восточный берег (Ирпень течет на север). Сейчас Ирпень — узенькая речушка. Но в X веке он был могучей рекой, в километр шириной, не меньше. Это установили киевские археологи, но это видно и сейчас по далеким холмам его поймы на том берегу. Да, то был внушительный пограничный водный рубеж, охранявший владения Даждьбога и его «внуков», князей Древлянских. С горсточкой воинов форсировать такую преграду невозможно — только с крупной армией.

На том, западном, берегу Ирпеня сейчас видны поля, перелески, села, а во времена Мала и Добрыни — сплошной стеной стояли древлянские леса.

Итак, древлянско-полянская граница (она же граница между доменами Даждьбога и его сюзерена Перуна) проходила по Ирпеню. Отнюдь не в 100 километрах от Киева. Тогда, быть может, километрах в 60 или 50? Тоже нет. Всего в *20 километрах* от Киева. Но в 130 от Коростеня.

Граница на Ирпене означает, что в случае военного конфликта между двумя землями под ударом был постоянно отнюдь не Коростень, а, напротив, Киев! Древлянская земля буквально нависала над ним. Историческая география говорит о незаурядном могуществе Древлянской земли внутри державы. И она позволяет нагляднеи представить обстановку в Киеве, когда туда

дошли вести о разгроме и казни Игоря. Послы Мала плыли в Киев водой. Но в это же время войска, сбереженные им в 944 году, а теперь победоносные, после Шатрища снова выходили к Ирпеню...

И это еще не все. Немного севернее Вышгорода, где Ирпень впадает в Днепр, весь правый, западный, берег Днепра между устьями Ирпеня и Припяти был древлянским. «Земля дуралеев» на деле контролировала главную водную магистраль Русской державы возле самой ее столицы. И имела свободную связь по Днепру с землями Севера.

Но и это еще не все. В более ранние времена (по сравнению с X веком) Древлянская земля владела, вероятно, и крупным плацдармом в... Левобережье Днепра! По мнению Шахматова и Рыбакова, *Любеч и Чернигов* были первоначально *древлянскими* городами, еще в VI—VII веках (затем они стали полянскими). Действительно, оба города лежат в *лесной* полосе. Вытеснить древлян за Днепр Полянской земле удалось лишь в результате упорной многовековой борьбы, но оттеснить от Днепра оказалось вообще не под силу.

Белгород. Итак, список древлянских городов вырос до шести известных поименно. Впрочем, оставим Чернигов и Любеч в стороне, потому что ко временам Добрыни они давным-давно были уже полянскими. Но и без них — разве ж это мало! — четыре древлянских города X века, известных по имени?

Но на цифре четыре рано ставить точку. Мы знаем и пятый древлянский город X века — Белгород, земельную столицу Святослава Древлянского, сына Владимира и Малфреды Чешской, о которой уже бегло шла речь выше.

Правда, летопись скрывает этот ранг Белгорода, ради чего в статье 988 года, где речь идет о раздаче Владимиром княжений сыновьям, упоминает земельные столицы, куда посажены все сыновья, кроме Святослава. О нем же уклончиво сказано, что он посажен отцом в Древлянской земле. Но Рыбакову удалось разгадать, что Святослав Древлянский княжил именно в Белгороде.

Но ведь это же так далеко от Коростеня! Сегодня имя «Белгород» немедленно вызывает в памяти знаменитую битву на Курской дуге, где довелось сражаться и мне. Она гремит в XX веке, боевая слава Белгорода. Но и в X веке слава летописного Белгорода гремела

на всю Русь. Он был крупнейшей из богатырских застав Владимира Красно Солнышко, знаменитой крепостью, выдержавшей не одну осаду печенежских полчищ. Они накатывались с юга, из причерноморских степей, раз за разом. И всякий раз оказывалось, что Белгород выстоял. И это позволяло русским полкам переходить в контрнаступление на более дальних рубежах.

Но летописный Белгород и сегодняшний Белгород, областной центр РСФСР, — два разных города. Нынешний город в X веке вообще не существовал. А летописный Белгород, чью боевую славу унаследовал спустя тысячелетие Белгород современный — где он находился? Западней Киева.

Правда, на современной карте возле Киева нигде не найдешь города по имени Белгород. И тем не менее я сейчас стою в нем и смотрю на Ирпень с валов древнего Белгорода. Я не случайно оказался в селе Белогородке. Подобно Любечу, древний Белгород стал за века селом. Здания древлянского города X века давно рухнули. Но валы Белгорода стоят и сегодня! С самого X века!

Валы древлянского Белгорода. Галина Георгиевна Мезенцева, начальник Белгородской археологической экспедиции Киевского университета, ведет меня по валам древнего Белгорода. Валы огромные, метров в 60 и более высотой, такие широкие, что по верху их шла когда-то дорога. Самый мощный и крутой вал детинца (то есть кремля) — с южной стороны. Скос здесь очень крут. С валов открывается величественная панорама — вон та древняя дорога на запад уводила когда-то в Чехию, а вон оттуда, с юга, приходили печенеги. А под стенами детинца течет, как и встарь, Ирпень.

Валами опоясаны, однако, не только детинец Белгорода, но и посад. Внутри посадских валов найдены деревянные срубы, туго набитые сырцом. Они не давали валу оплывать, не давали и врагам пробить в нем брешь. Так основательно выстроены даже посадские валы, а ведь валы детинца куда могущественней. Когда осматриваешь древний город, безо всяких разрезов видно, что здесь выстроена грандиозная система укреплений, с эскарпами, рвами, террасами, местами в две-три линии обороны. А на валах еще стояли деревянные стены, «заборолы», высотой метра в четыре.

Колоссальный по масштабам X века город, площадью более 110 гектаров, был обнесен валами — все они стоят и сегодня почти целехоньки!

Размеры Белгорода были тогда из ряда вон выходящими. Что там Любеч или Малин!.. Важнейшая крепость-порт Воинь, заложенная Владимиром в устье Сулы, не занимала и 30 гектаров.

Мы ходим по Белгородке. Мезенцева показывает мне место, где найдены руины монументального собора XII века (упадок Белгорода начался лишь в XIII веке, после того как его разрушил татарский хан Батый, сжегший и сам Киев). А вон колодцы, найденные археологами. Они глубокие: крепость имела на случай осад надежное водоснабжение. Вероятно, это те самые колодцы, которые породили красочную легенду о «белгородском киселе», известную по летописи.

Однажды печенеги явились к стенам Белгорода, когда Владимир ушел за свежим войском в Новгород. Осада была долгой и тяжелой, запасы продовольствия подходили к концу. И тогда горожане по совету одного из старейшин прибегли к хитрости. Замесив из остатков муки кисель, они вылили его в колодцы и, пригласив печенежского парламентера, предложили ему самолично убедиться в том, что земля их сама кормит. А потому, сколько ни осаждай Белгород, взять его измором — дело безнадежное. Печенежин зачерпнул ведро из одного колодца, зачерпнул из другого — о чудо!

И, пораженные чудом, печенеги сняли осаду.

Это предание о военной хитрости и смекалке русского горожанина. Так ли все было на самом деле, в общем-то неизвестно, но колодцы, как видим, в Белгороде найдены. И обычно печенегов заставляли отступить от стен Белгорода (причем не раз и без всякого чуда) просто мощь русского оружия, мужество русских богатырей. Во времена Владимира Красно Солнышко имя Белгорода неоднократно встречается на страницах летописи.

По узкой, глубокой лощине (где когда-то были потайные ворота крепости) спускаемся вниз к Ирпеню. У дороги, уже внизу, бьет чистый ключ. Прикидываю — да, он на одной линии с теми колодцами. Его-то исток и перехватывали в древности глубоко под землей знаменитые белгородские колодцы.

Необычайная крепость. Пятый древлянский город

с именем преподнес нам сюрприз, притом сюрприз необычайного размаха. Что это, собственно, означает — такая грандиозная система укреплений, уцелевшая с X века?

Во-первых, это *единственная древлянская крепость X века,* сохранившаяся до наших дней почти полностью, с валами. Во-вторых, это *единственная русская крепость X века* подобной сохранности. То есть крепостей той эпохи такой сохранности нет больше ни одной на всей территории Киевской Руси, от крайнего ее севера и до дальнего юга. В-третьих, это *самая крупная* из сохранившихся русских крепостей той эпохи. Показательно, что размеры так называемого «города Владимира» в Киеве, то есть построенной Владимиром I киевской крепости, составляли (даже вместе с крепостями его предшественников) максимум 11 гектаров. А ведь то был стольный Киев. Тем не менее укрепления Белгорода занимают, как уже сказано, свыше 110 гектаров.

Словом, в селе Белогородке (в отличие от Любеча Белгород, став селом, не сохранил в неизменности своего имени) перед нами уцелевшее, пусть и пострадавшее от времени подлинное чудо русской фортификации X века. Скос его валов был слишком крут для печенежской конницы, тщетно не раз его штурмовавшей. И валы Белгорода были столь прочны, что выдержали все печенежские осады. В сущности, это чудо давно следует сделать заповедником — и восстанавливать Белгород в первозданном виде как объект туризма всесоюзного и мирового класса.

Но если в Древлянской земле возникло в X веке подобное чудо, то каково же было назначение крепости? Пограничная крепость на земельной границе (то есть передовой страж от Киева)? Но ведь несравненно меньший Малин намеренно закладывался Малом в почтительном отдалении от Киева. Или это крепость против печенегов? Но ведь их владения лежали от Древлянской земли далеко на юге. И почему самая восточная крепость Древлянской земли выстроена возле самого Киева именно против печенегов? Загадки, загадки...

По данным археологии, крепость, несомненно, X века. Кто же ее построил? Мал? Кто-либо из его предков? Тогда почему Белгород не помешал Игорю дойти до Коростеня? Какова дата и каковы обстоятельства

закладки Белгорода? Известны ли они? Что говорит об этом летопись и что историческая география?

Нет, Белгород построен не Малом и не его предками. А его потомками. Летопись говорит, что он заложен Владимиром, датирует закладку 991 годом. Еще она сообщает, что Владимир особенно любил Белгород (так и не объясняя, за что именно), что в его гарнизон он поставил и воинов северных земель, в том числе, конечно, новгородцев. От пяти знаменитых поясов крепостей против печенегов, богатырских застав Владимира, летопись в своем повествовании Белгород искусственно отрывает, поскольку об их закладке говорится в статье 988 года, а о закладке Белгорода — отдельно, в 991-м. Между тем Белгород все же определенно в эту систему укреплений входил, что видно из летописной информации об упорных попытках печенегов взять его. А размеры Белгорода делают его главной богатырской заставой Владимира Красно Солнышко.

Из летописной информации (не зная, что Владимир I был Владимиром Древлянским) можно, пожалуй, заключить, что Владимир выстроил Белгород как главную крепость против печенегов в глубоком тылу за пятью поясами крепостей, чтобы держать там свой главный резерв, откуда питались гарнизоны всех передовых крепостей, — за что и любил свое детище Белгород.

Третья древлянская столица. Но данные исторической географии резко меняют эту картину и вносят в нее ясность. Прежде всего бросается в глаза, что все пять поясов крепостей Владимира лежат в Полянской земле, но самая крупная его крепость, Белгород, почему-то в Древлянской. Далее, меняется сразу цель построения Белгорода. Он строится с самого начала не как пограничная крепость Древлянской земли на полянской границе (не строил же ее Владимир против себя самого) и даже не как крепость против печенегов. Белгород *заложен* сразу как новая земельная столица княжества Древлянского. Это отчасти объясняет его гигантские размеры и особую любовь Владимира. Но объясняет только отчасти.

Весьма показательна динамика движения древлянских земельных столиц в X веке. До 946 года стабильной и, видимо, исконной древлянской столицей является Коростень. После поражения Мала Коростень, как мы знаем, подобно Малу, был «развенчан», и второй

древлянской столицей стал вместо него Овруч, лежавший почти на сотню километров дальше от Киева. Такое отодвигание древлянской столицы от Киева было предметной демонстрацией поражения древлян.

Вторая древлянская столица, Овруч, была отодвинута от Киева. Но всего через несколько десятилетий после этого события третья древлянская столица придвинута Владимиром в противоположную сторону, к Киеву. Она не возвращена снова в Коростень, придвинута даже не под Малин, а, что называется, к самым воротам Киева. И это было такой же предметной ответной демонстрацией полного реванша Древлянского дома, полной его победы в 980 году.

Но и это не все. В местоположении Белгорода есть еще одна особенность, совершенно ускользающая при чтении летописи и даже исторических трудов, где разбираются те или иные страницы русской истории, связанные с Белгородом, но которая разом бросается в глаза, когда осматриваешь Белогородку. Это топография Белгорода.

Дело в том, что Ирпень течет не под восточными валами Белгородского детинца (как можно было ожидать от крайнего восточного древлянского города), а под северо-западной стороной детинца. То есть Белгород выстроен не на левом, древлянском, берегу Ирпеня, как полагалось бы, а на правом. Не на западном, а на восточном.

Иными словами, новая, третья *древлянская* столица поставлена Владимиром на *полянском* берегу Ирпеня. Точнее, *экс-полянском* — на территории, отрезанной от Полянской земли и переданной Древлянской.

Во времена Мала гигантской крепости на Ирпене еще не было. Мезенцева нашла здесь более раннюю крепость, она была много меньше одного лишь детинца, выстроенного здесь Владимиром. Она явно была пограничной полянской крепостью против древлян и стояла на правом, полянском, берегу Ирпеня, что вполне естественно.

В результате победы Добрыни 980 года на месте той самой крепости, которая была полянским форпостом против древлян, возникла исполинская твердыня Владимира. Это означает, что Древлянская земля шагнула при Владимире через Ирпень и между ней и Киевом не осталось ни единой водной преграды — и ни одной крепости. Ее новая столица была поставлена так близ-

ко от Киева, что превратилась фактически в его двойника. За день можно было несколько раз съездить верхом туда и обратно.

Твердыня древлянской Победы. О, Владимир недаром любил Белгород. Крепость, расположенная подобным образом, практически диктовала полянскому Киеву волю Древлянской земли. Она и была выстроена как оплот власти Владимира Древлянского в Киеве. Фактически древлянский Белгород держал Владимира Древлянского на троне в Киеве.

Белгород играл бы роль надежного оплота власти Владимира в Киеве и в том случае, если бы размеры белгородского и киевского детинцев были равны и даже если бы укрепления Белгорода были несколько меньше киевских. Но в системе «двойной звезды» Киев-Белгород сильней оказался отнюдь не Киев. Самым показательным является сравнение не общей территории городов, а размеров их крепостей. В Киеве посад тогда не был укреплен, но в Белгороде был. То есть крепость Белгорода была при Владимире *вдесятеро* (!) сильнее киевской.

В какой-то мере Белгород был истинной столицей Владимира. Яростные и упорные попытки печенегов взять именно Белгород — свидетельство тому, что печенеги прекрасно понимали его стратегическое и политическое значение.

Необходимость в таком оплоте власти Владимира действительно была, ибо в Киеве кроме преданного Владимиру народа имелось и враждебное ему полянское боярство, поладившее когда-то с Варяжским домом и помогавшее (вместе со жречеством Перуна) варяжским князьям-волкам душить Русь. То самое полянское боярство, которое сорвало в 945 году ошеломляющий успех Мала, а назавтра после смерти Владимира оказалось опорой государя-предателя Святополка.

Могучая древлянская твердыня на восточном берегу Ирпеня гарантировала прочность трона Владимира Красно Солнышко в Киеве и незыблемость его прогрессивной, патриотической, пользовавшейся поддержкой народа политики. Валы древнего Белгорода возвышаются над Ирпенем как монумент, увековечивший блистательную победу Древлянского дома в 980 году, победу, преобразившую лицо всей Руси.

Почему ж это веское доказательство не использовал

как добавочный аргумент Прозоровский? Ведь тогда он, может быть, понял бы истинный масштаб собственного открытия? Просто потому, что учесть значение валов Белгорода он вообще не мог, ибо Белогородка оставалась еще не обследованной археологами. Да если б ее и обследовали тогда археологи, Прозоровский вряд ли догадался бы, что эта крепость древлянская. Разгадано это было Рыбаковым лишь через столетие.

Но вернемся в X век. Валы Белгорода и его местоположение подтверждают, что сын Владимира, княживший в Белгороде, был явным соправителем отца и престолонаследником. То есть речь идет о закреплении при Владимире соправительства Полянской и Древлянской земель в державе, наглядным выражением которого была и сама «двойная звезда» Киев-Белгород. Действительно, две земельные столицы, придвинутые друг к другу почти вплотную, политически сливались воедино. А так как по реальному соотношению сил это была фактически «двойная звезда» Белгород-Киев, то в какой-то мере Белгород был, как уже сказано, истинной столицей Владимира, а юридически — не только земельной, но, очевидно, и младшей столицей Руси.

В этой связи вряд ли случайно и само имя Белгорода. Все укрепления его земляные (были и деревянные). И сколько ни ходи по Белогородке, ни залежей белого камня, ни меловых холмов здесь не увидишь. Откуда же название?

Дело в том, что «белый» имело в Древней Руси и символическое значение — «свободный». Еще много позже, «белые» и «черные» слободы различались своими правами. Точно так же имя Белоруссии, Белой Руси, означало, что ее земли, попав под литовскую корону, сумели добиться от князей Литовских политического полноправия, закрепить свои привилегии.

В свете сказанного можно полагать, что имя «Белгород» старая полянская крепость, расположенная на этом месте, не носила, что оно было дано Владимиром именно новой древлянской столице. Имя подчеркивало уже не земельное, а всенародное значение победы 980 года. В переводе на современный язык тогдашнее «Белгород» означает, видимо, «Свободоград». Имя должно было закрепить навеки память о героической борьбе Древлянского дома за свободу всего русского народа.

Строитель Белгорода — Добрыня! Но если военное, стратегическое значение Белгорода таково, то можно ли доверять летописной дате его закладки? Ведь она приводится, как мы убедились, с явной целью скрыть, что древлянский Белгород входит в единую систему с пятью линиями полянских крепостей и что он третья древлянская столица. Так, может, город заложен в 988 году? Нет, против этого есть веские аргументы.

Правдоподобна ли столь поздняя закладка Белгорода? Решительно нет. Как с политической, так и с военной точки зрения Белгород должен был быть основан немедленно после победы. То есть в 980 году (когда было учреждено Шестибожие) или по крайней мере в 981-м.

Политически наглядную демонстрацию реванша Древлянской земли — передвижку ее третьей столицы под самый Киев откладывать на столь долгий срок после победы, до ничем не примечательного 991 года (или даже до 988-го), нелепо. Где в этом политическая логика, столь характерная для русского X века?

Еще важней военный аспект: без Белгорода трон Владимира в Киеве шаток из-за опасности полянского переворота, тогда как наличие Белгорода позволяет мгновенно подавить любой заговор или мятеж полянского боярства в Киеве, бросив против него из Белгорода стоящую наготове надежную армию. По обоим мотивам закладка Белгорода немедленно после победы 980 года повелительно необходима. Более того, в глазах Владимира и Добрыни строительство Белгорода в тот момент, очевидно, представляется более срочным, чем укрепление Киева («города Владимира» в 980 году еще нет! И вряд ли он выстроен в самые первые годы княжения Владимира).

Военный аспект постройки Белгорода имеет и другие грани. Победа была завоевана в 980 году после долгой и трудной гражданской войны в первую голову новгородской армией Добрыни, прорвавшейся на Киев. Эта армия так и осталась на Юге, гарантом победы (ее уход был бы для трона Владимира роковым). Для размещения такой крупной армии на постоянные квартиры требовалась сильная крепость, и ее надо было срочно строить либо в Киеве, либо вблизи него. Ясно, что возведение чисто древлянской крепости для размещения в ней армии Севера Руси Добрыня и Владимир должны были предпочесть как первооче-

редное. (В дальнейшем воины Севера окажутся и в гарнизонах прочих богатырских застав Владимира.)

Но Белгород как главная база размещения *армии Севера* играл и еще одну политическую роль, диктуя полянскому Киеву не только волю соседней Древлянской земли, но и волю далекого *княжества Новгородского!* (Вспомним в этой связи установление в 980 году *новгородско*-древлянской гегемонии в державе и роль в ней в тот момент Хорса Новгородского.)

Одним словом, летопись просто лукавит, скрывая истинную дату закладки Белгорода, точно так же, как и его политическое значение и наличие Древлянской династии. Белгород определенно заложен назавтра после победы 980 года, образуя один комплекс с учреждением Шестибожия и превращением княжества Новгородского в домен Добрыни.

Но если Белгород заложен назавтра после победы Добрыни. Если Белгород демонстрирует победу династии, главой которой в тот момент является Добрыня. Если Белгород — главный оплот гегемонии Новгорода, а властитель и обладатель Новгорода отныне Добрыня. Если Белгород держит на престоле державы Владимира, возведенного на трон тем же Добрыней. И если истинный верховный правитель державы в это время — Добрыня (летопись, хотя и старается умалить его роль, вынуждена признать, что Владимир, и став государем, слушается Добрыню даже в 985 году)...

То при всех этих «если», кто же тогда истинный строитель Белгорода, этого ключевого камня, закрепляющего свод всего политического здания, возведенного Добрыней, главным архитектором победы Древлянского дома? Неужто все здание возводил Добрыня, а замок свода поставил один Владимир?

Да, летопись приписывает закладку Белгорода одному Владимиру. Но чего только не скрывает летопись! От фактов поистине гомерического масштаба (скрыта целая династия!) и до мелочей. Долго ли в придачу замолчать и имя истинного строителя Белгорода?

Нет, конечно, имя Владимира при закладке Белгорода забыто не было. Раз Владимир на троне, то все решения оглашались, разумеется, от его имени. Но сам-то Владимир прекрасно знал, кому обязан решительно всем, и был с Добрыней заодно, они делали одно общее древлянское дело. И вплоть до 985 года

(это по летописи, а на самом деле наверняка и еще много позже) каждое решение, обнародованное от имени Владимира, оставалось, как и в 970 году, решением Добрыни. Так что есть все основания считать, что истинный строитель Белгорода — Добрыня.

Киевские парадоксы. Чем больше мы знакомимся с Древлянской землей, тем красочней становится ее облик и тем более вырастает она в глазах читателей. И кажется, после Белгорода нас удивить уже невозможно. Однако нас ждет новый сюрприз исторической географии — на сей раз не X века, а времени значительно более раннего. Но и он имеет, видимо, самое прямое отношение к борьбе и победе Добрыни. Новый сюрприз связан... с Киевом.

Зачем же нам, спросит читатель, полянский Киев? Но ведь он был так нужен Малу, Добрыне и Владимиру. Поэтому бросим беглый взгляд на Киев, точнее, на Киевские горы, на которых он расположен.

В летописи Киев — исконная полянская столица, а Киевские горы — исконная полянская территория. Но в той же летописи имя полян произведено от «поля» (то есть безлесной степи). И наука давно подметила, что характер местности, на которой расположена полянская столица, резко противоречит летописной этимологии. Рыбаков пишет о ней так: «Это место вызвало многочисленные комментарии, так как находится в явном противоречии с природой окрестностей Киева и ее описанием в летописи»[1].

Процитирую несколько таких комментариев ученых. Начну с мнения Середонина, создателя первого русского курса исторической географии: «Странно то, что хазары нашли *полян,* живущими на *горах* (киевских), в *лесах*... Таким образом, *поляне* жили в *лесу* на *высоком* берегу Днепра... Откуда же у них название полян и могли ли они называться тогда полянами? Конечно, нет»[2] (курсив в этой цитате везде не мой, а самого Середонина. — *А. Ч.*).

С этим парадоксом гармонировала другая странность, тоже давно подмеченная наукой: периферийное положение Киева в Полянской земле. Так, известный историк прошлого века Забелин писал: «О Полянах он

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. «Советская этнография», VI—VII. М.-Л., 1947, с. 84.

[2] С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, с. 143.

(летописец. — *А. Ч.*) сказал, что они сидели в *полях* (курсив Забелина. — *А. Ч.*), и средоточие их указал в Киеве. Но Киев не был серединным местом Полянских земель... По всему вероятию, в давние времена их середину занимало течение Роси; от того же они и прозывались Русью»[1].

Еще один историк, Грушевский, пытаясь объяснить двойной парадокс, предложил следующее решение: «Поляне назывались так потому, что сидели в «поле», то есть безлесной равнине; но окрестности Киева... трудно назвать «полем»... Действительно, окрестности Киева к северу от Стугны еще и в настоящее время богаты лесом, а в старину были чисто лесным краем. Простейшим объяснением этого противоречия будет, по-видимому, то, что прежде, перед натиском степных орд... главные обиталища поляи находились к югу от Стугны, в бассейне Роси, где было больше равнины, «чистого поля»[2].

Отмечая убедительность гипотезы, что имя полян не связано с районом Киева, Рыбаков пишет: «М. С. Грушевский полагал, что поляне лишь впоследствии, в результате натиска кочевников, продвинулись из своих южных полей в северные киевские леса»[3]. Действительно, гипотеза убедительна, ибо и прочую территорию Полянской земли занимает отнюдь не степь, а лесостепь — и стало быть, они первоначально жили южнее.

Как легко заметить даже из этих нескольких цитат, вопрос о Киевских горах есть лишь часть более широкого вопроса об ареале Полянской земли вообще и о эволюции в истории. В этой связи хочу также бегло заметить, что мне представляется убедительной и точка зрения, согласно которой второе имя полян — «русь» (также засвидетельствованное в летописи) связано с именем реки Рось, правобережного притока Днепра, протекающей южнее Стугны.

Как видим, летопись, несмотря на ее явную пророполянскую тенденцию, лукавит, сообщая различные сведения вовсе не об одних древлянах, но и о самих полянах. И «полянский вопрос» оказался поэтому для науки не менее запутанным, чем древлянский.

---

[1] И. Е. Забелин. История русской жизни, т. 2. М., 1879, с. 96.
[2] М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I. СПб., 1911, с. 224—225.
[3] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, с. 85.

Но мы не будем доискиваться, где лежали первоначальные полянские столицы, когда именно и как поляне передвинулись к северу, каковы прочие границы Полянской земли. Для нас гораздо важнее другой вопрос: если Киевские горы не «поле», а лесной край (что бесспорно) и являются сравнительно поздним приобретением Полянской земли, то чьей территорией они были первоначально?

Древлянский Киев. Ясный ответ на этот вопрос был найден еще в 1879 году Забелиным. Он писал: «Пограничным расположением Киева объясняется даже и особая вражда к нему ближайших его соседей, древлян... Вражда необходимо возникала от тесноты, от захвата мест и угодьев»[1]. И продолжал это рассуждение так: «Вольный город раскидывал свое поселение в их (древлян. — *А. Ч.*) земле или очень близко от их рубежа... Быть может, вся местность Киева в древности принадлежала Древлянской области... это заставляет предполагать, что Киев... народился... в земле Древлянской»[2].

Вывод кажется парадоксальным, но он в точности соответствует физической географии: Киевские горы и район между Киевом и устьем Ирпеня действительно не поле, а органичная часть лесного края, т. е. Древлянской земли. И тот же Забелин указал, что природная граница лесного края лежит вовсе не на Ирпене, а на Днепре и Стугне[3].

Академик Рыбаков решал вопрос слегка иначе: «Киев стоял на самой границе двух ландшафтных зон: на юг шла черноземная лесостепь с островами дубрав, а на север и северо-запад простиралась значительная область песчаных почв, покрытых сосновым лесом. Это была земля летописных древлян, названных так «зане седоша в лесах»[4]. И на своей карте для времени до VII века провел древлянско-полянскую границу не по Ирпеню, а прямо по Киеву, относя все междуречье Ирпеня и Днепра северней города к Древлянской земле.

Итак, природа и имена племен показывают, что Киев был основан вовсе не на полянской, а на исконной древлянской территории. Кем же и как?

---

[1] И. Е. Забелин. История русской жизни, с. 96.
[2] И. Е. Забелин. Там же, с. 96—97.
[3] Там же, с. 97.
[4] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, с. 102.

Рыбаков на той же карте сам Киев поместил все же в Полянской земле — то есть видел в нем первоначально пограничную крепость против древлян (видимо, основанную на отбитом у древлян клочке лесистых гор).

Но Забелин представлял себе дело несколько сложнее, недаром в вышеприведенной цитате он называл Киев вольным городом. Он писал: «Имя Полян в коренном смысле обозначает земледельцев-степняков, которые с течением времени, как видно, забирались по течению Днепра все выше и выше и прежде всего захватывали, конечно, вольные берега. Точно так же и промышленность севера, спускаясь все ниже по Днепру, могла указать выгоднейшее место для поселения города, хотя и на Древлянской земле, но в области владычества Полян, то есть на самом течении Днепра. Все это заставляет предполагать, что Киев с самого начала не был городом какого-либо одного племени, а, напротив, народился в чужой земле Древлянской, из сборища всяких племен, из прилива вольных промышленников и торговцев от всех окрестных городов и земель»[1].

То есть, по Забелину, Киев основан в Древлянской земле. Это первоначально автономный поселок пришельцев, которому Древлянская земля разрешила возникнуть на своем пустом берегу. Территория Киева и верховная власть над ним, безусловно, принадлежат Древлянской земле, пришельцы знают, что построились в чужой земле. Живут же в Киеве не древляне, а разноплеменная вольница, которой верховодят поляне-выходцы, поскольку могут опереться на поддержку своего соседнего княжества, чего выходцы, скажем, из Смоленской или Полоцкой земли за дальностью не могут.

Естественно, такая ситуация чревата конфликтом. Любой повод мог привести к тому, что в один прекрасный день вольный город мог отказать Древлянской земле в повиновении (или, скажем, в уплате традиционной дани). В ходе конфликта естественно было обращение к помощи и покровительству Полянской земли и формальное присоединение к ней.

«Модель», предложенная Забелиным, не лишена логичности. Но в ней одно крайне уязвимое звено:

---

[1] И. Е. Забелин. История русской жизни, с. 97.

он изображает днепровские берега Древлянской земли «вольными», то есть незаселенными или незащищаемыми. Они потому и стали легкой добычей пришельцев, что Древлянская земля ими, в общем, мало дорожит. Иначе построение города и даже поселка сборной вольницей в чужой земле вообще невозможно.

Но именно с этой предпосылкой закладки Киева согласиться нельзя. Пустого берега здесь быть не могло. Ибо Киевские горы были природным бастионом совершенно исключительного значения.

Вот что пишет об этом Толочко: «Причины возвышения Киева среди других пунктов Среднего Поднепровья кроются в исключительно выгодных микрогеографических условиях киевской территории... Находясь в средней части днепровского водного пути, киевская территория как бы на ключ запирала широкоразветвленную систему речных дорог верхней части днепровского бассейна. На протяжении сотен километров с севера на юг оба днепровских берега низменны, и только в районе Киева правый берег резко возвышается. Эта возвышенность представляет собой северовосточную окраину всего правобережного плато, к которому, от устья Ирпеня на севере и до устья Стугны на юге, только в трех местах подходит Днепр. Из трех господствующих выступов (вышгородский, киевский и трипольский) только киевский занимает командное положение. Он лежит неподалеку от впадения в Днепр последнего крупного притока, Десны, но не выше этого места, как вышгородский, и не на таком отдалении, как трипольский»[1].

Это уже достаточно красноречиво. Но еще не все. Толочко продолжает: «Не имеет равных киевская территория во всем Приднепровье и в топографическом отношении. Со всех сторон ее окружают естественные рубежи. Нет нужды доказывать степень неприступности Киева со стороны Днепра. Но кроме Днепра неоценимое значение для Киева имели его небольшие речки — Лыбедь (являвшаяся первой, естественной, линией обороны Киева со стороны поля), Крещатик, Клов, Глубочица, Киянка, Юрковица и др. Вместе с многочисленными оврагами они образовывали такое количество естественно укрепленных гор (Старокиев-

[1] П. П. Толочко. Роль Киева в образовании Древнерусского государства. — В сб.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 127.

ская, Киселевская, Детинка, Щекавица, Лысая и др.), какого нет ни в одном другом районе Среднего Приднепровья. Киевская территория, как никакая другая, способна была принять и выгодно расселить большое число людей. И наконец, она располагала первоклассной речной гаванью, какой была река Почайна, впадавшая в Днепр у подножия Старокиевской горы»[1].

Стратегическая позиция столь невероятной важности и выгоды никак не могла рассматриваться Древлянской землей как ненужная окраина и оставаться неосвоенной и бесхозяйной. Здесь не могло быть «вольного берега», предполагавшегося Забелиным, и потому никакая пришлая вольница не могла бы обосноваться здесь без форменной войны с владелицей Киевских гор. Да и Полянская земля могла бы отнять природный бастион Киевских гор у Древлянской только в результате войны.

В этом месте город не мог быть заложен в чужой земле, а только в своей. Заложить будущий Киев мог только князь Древлянский. И Древлянской земле явно была нужна здесь пограничная крепость против Полянской.

Но ведь Киев означает «крепость, заложенная Кием», то есть князем Кием Полянским, да и летопись утверждает это. Однако раскопки 1971 года (Гончарова и Толочко) показали иное. На высшей точке Старокиевской горы, возле нынешнего Исторического музея, возле храма Перуна (погребенного сейчас у входа в Исторический музей, но раскапывавшегося еще до революции видным археологом Хвойкой) и княжеского дворца VIII века был найден на материке культурный слой VI века с печью, полной керамики — *древлянского* типа. Керамика была так называемой пражско-корчакской культуры (Корчак — село на древней территории Древлянской земли, а Прага — нынешняя столица ЧССР). С этой свежей находкой меня знакомил в сентябре 1971 года в Киеве сам Петр Петрович Толочко, причем подчеркивал, что керамика древлянская. А в дальнейшем я узнал, что это крайняя восточная находка керамики пражско-корчакского типа.

Макушка Старокиевской горы входит в так называемый «город Кия», крепость, упомянутую в летописи

---

[1] П. П. Толочко. Роль Киева в образовании Древнерусского государства, с. 128.

и давно обнаруженную археологами (размером в 2 гектара). В таком близком соседстве с главным храмом Перуна Полянского (пусть тогда еще главным храмом не державы, а одной Полянской земли) и полянским княжеским дворцом простолюдины, не только древляне, но и поляне, жить не могли. Стало быть, в VI веке здесь храма Перуна, княжеского дворца и даже полянской крепости еще не было.

Но вспомним слова Толочко об обилии здесь различных гор. И любопытно, что Старокиевская гора вовсе не контролирует ни Днепр, ни Почайну. К ним выходят три другие горы, отделенные от «города Кия» и друг от друга глубокими ярами и древним Боричевым взвозом, нынешним Андреевским спуском.

Это отдельно стоящая Замковая гора, она же — Киселевка (останец площадью около 10 гектаров, высотой около 80 метров, чуть ниже «горы Кия»). И это две тянущиеся к ней с разных сторон от Старокиевской горы острые шпоры — Детинка и Воздыхальница (около 1 гектара каждая). Именно эти горы и выступают здесь ближе всего и к Днепру и к Почайне. Именно они (а не Старокиевская гора) контролируют обе реки сверху и доступ на «гору Кия» снизу. Гора Кия лежит в их тылу, под их защитой.

Само имя Детинки (от «детинца») говорит о наличии здесь древней крепости. Наличие еще в глубокой древности крепостей и на Замковой горе и на Воздыхальнице сомнений у археологов не вызывает.

В 1982 году Киев торжественно отмечал свое 1500-летие, — его праздновали вся страна и весь мир. Это, конечно, означает, что 482 год — не летописная дата основания города, а установленная археологами в раскопках уже после 1971 года дата наличия на Киевских горах славянского поселения, еще не города. В будущем эта дата может оказаться еще более древней. Но пока что мы имеем уже не VI, а V век.

В связи с юбилеем высказывались разные точки зрения на основание Киева, и научные споры еще продолжаются. Я здесь в дебри этого вопроса углубляться не стану, замечу только, что, по византийским сведениям X века, киевская крепость носила загадочное для нас название Самбатас (русские имена в византийском источнике сильно искажены, и, как звучало «Самбатас» по-русски, мы не знаем). Имя «Самбатас» называли даже труднейшим сфинксом русской истори-

ческой географии, и ему посвящена обширная литература. На мой взгляд, вряд ли оно могло относиться к «городу Кия», который, разрастаясь, стал именем всего города. Гораздо естественней, что оно относилось к какой-то более древней крепости, какой могла быть одна из «выносных» крепостей, в тылу которых возвышалась Старокиевская гора.

Наиболее логичным решением загадки представляется мне построение в глубокой древности древлянских пограничных крепостей, контролировавших Днепр и Почайну, на Замковой горе с Детинкой и Воздыхальницей (имя последней считают произошедшим от позднейшего кладбища). Самая высокая гора лежала под их защитой, в их тылу, укреплять ее древлянам было незачем.

Яблоко раздора. Но если первые древлянские крепости здесь не носили имени Киева, то как же он стал Киевом? Полагаю справедливым следующее замечание Рыбакова: «Киев, расположенный на крайнем севере Полянской земли, на самой границе древлянских лесов, по всей вероятности, обязан своим возвышением борьбе полян с древлянами»[1].

В VI веке мы все еще застаем в будущем «городе Кия» древлянское поселение. Иными словами, будущий Киев еще принадлежит Древлянской земле. Однако, по-видимому, где-то в VII веке обстановка круто изменилась. Князю Кию Полянскому как-то (ударом из-за Днепра в другом месте?) удалось завладеть этим важнейшим стратегическим плацдармом, не имевшим равных во всем Среднем Поднепровье. Ему потребовалась крепость уже против древлян, на командной высоте, глядевшей на запад. Он и выстроил ее выше старых древлянских крепостей и дал ей, естественно, свое имя.

Постройка «города Кия» выше старых древлянских крепостей была для Кия естественной как символически, на высшей точке рельефа, так и для новой задачи: развивать успех в глубь Правобережья Днепра (основная территория Полянской земли, как выяснил Рыбаков, лежала в Левобережье). Притом захват плацдарма Киевских гор был чрезвычайно важен для Кия не просто из-за высот. Он выводил устье Десны (полянской реки) из-под контроля древлян. Более того, он

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, с. 104.

впервые давал полянам возможность контролировать *оба* берега Днепра, и притом в месте, запиравшем выход с верховьев Днепра, с Березины, Сожа и Припяти.

Поэтому такой важный, можно сказать бесценный, плацдарм Кий стремился удержать любой ценой — и сюда была вскоре даже перенесена из-за Днепра столица Полянской земли. Удержать плацдарм удержали, но расширить его удалось только до Ирпеня. То, что новая крепость, а затем и новая полянская столица получила имя самого князя Полянского, захватившего этот бастион, показывает первостепенную стратегическую и политическую важность крепости.

Что являлось наиболее естественным средством для удержания правобережного плацдарма из Левобережья? Очевидно, военное снабжение Киевских гор по прямой линии через Днепр. То есть устройство здесь постоянного военного перевоза. Это и есть, видимо, отмечаемый летописью «Киев перевоз» (который в угоду Варяжскому дому в летописи пытались перетолковать как названный по перевозчику Кию, чье имя крепость носить ни в коем случае не могла). Нестор отводит подобную версию как неверную и подчеркивает, что Кий был князем, а не перевозчиком. Но имя Киева перевоза бытовало в Киеве и спустя века — и при таком развитии событий получает наконец разумное объяснение.

Борьба за киевский плацдарм была серьезной — это видно уже из того, что полянам не удалось ни расширить плацдарм за Ирпень, ни захватить правый днепровский берег к северу от устья Ирпеня. Древляне оказывали ожесточенное сопротивление полянским захватчикам и обе эти линии сумели удержать. Но вернуть Киевские горы, в свою очередь, не смогли. Древлянская земля осталась нависать над Киевом, но владела Киевом отныне Полянская земля. Полагаю, что захвату и удержанию киевского плацдарма полянами косвенно содействовало то, что Полянская земля входила тогда в Хазарскую державу (на правах федеральной земли), а Древлянская нет. Из-за этого (общеизвестного в науке) обстоятельства древляне смогли, оправившись от внезапного полянского удара, удержать свои позиции очень близко от Киева, на Ирпене и ниже его устья на Днепре, но вести наступательные операции против Полянской земли, означавшие вызов могучей Хазарии, оказались не в состоянии.

Все это означает, что ко времени Мала, Добрыни и Владимира древлянско-полянская дуэль из-за обладания Киевом и контролем над ним имела по меньшей мере четырехвековую давность. Это делает понятным и то, что Мал не желал свою столицу переносить в отнятый когда-то у древлян Киев, а захотел перенести столицу державы в древлянский Коростень, не запятнанный ничьим захватом. Это делает понятным и то, что его сын и внук, решив завладеть Киевом, оставляя его столицей державы, придавали немалое престижное и символическое значение контролю над Киевом древлянского Белгорода.

В 980 году был в какой-то мере взят реванш и в давней древлянско-полянской дуэли за захват Киевских гор Кием. Киев, это яблоко раздора между двумя землями, не был возвращен Древлянской земле, это Добрыня и Владимир сочли нецелесообразным (возможно, потому, что Киев был к тому времени традиционной, стабильной столицей державы, и перенос Малом этой столицы в Коростень не был поддержан другими землями державы и послужил одной из причин его неудачи). Зато в 980 году Киев оказался прочно в руках Древлянского дома, теперь уже в качестве *его* державной столицы, — и вдобавок оказался под прочным, обеспеченным Белгородом, контролем Древлянской земли.

Коростень, Овруч, Олевск, Малин, Чернигов, Любеч, Белгород, наконец Киев... Вот что такое была Древлянская земля, подарившая Руси в X веке Добрыню.

Добрыня Нискинич. Но сам Древлянский дом — с какого же времени он правил? На этот вопрос ответить с уверенностью нельзя: летописные сведения крайне скупы, а былины о предках Мала не упоминают. Это могла быть исконная Древлянская династия, но точно так же могла быть и вторая и даже какая-нибудь пятая или десятая.

А вот на вопрос, каково имя Древлянского дома, ответить можно. Ключом к имени династии служит былинное отчество Добрыни. Относительно него ошибочную гипотезу высказал в свое время академик Шахматов. Приняв, как мы знаем, Добрыню за сына Мистиши Свенельдича, он счел, что былина запомнила, исказив отчество, исторического Добрыню Мистишича.

Но никакого исторического Добрыни Мистишича никогда не было. Свенельд же был знатным варягом,

занимавшим высокие посты последовательно при Игоре, Ольге, Святославе, Ярополке, и возведение его в деды Добрыни полностью ошибочно. Но в данной связи речь пойдет не о Свенельде. Сейчас важно другое — проверка шахматовской гипотезы о былинном отчестве Добрыни в лингвистическом отношении. Попробуем расположить эти два отчества одно под другим, выделив совпадающие звуки:

М*и*с*т*и*ш*и*ч*
Н*и* к*и*т*и*ч*

Мы убеждаемся, что (кроме форманта отчества «ич») в них совпадают лишь одни гласные. Очевидно, фонетически «Мистишич» как исходная форма для отчества Добрыни не подходит (не говоря уже о том, что Мистиша Свенельдич вовсе не был отцом Добрыни).

Но почему все-таки Добрыня в былине не Малович, а Никитич?

Думается, ключом может послужить отчество Мала, сохранившееся в некоторых летописях, — Нискинич. В других упоминается древлянский князь Нискиня. О его фигуре трудно сказать что-либо определенное (нельзя даже сказать, был ли он Нискиней I или, скажем, Нискиней XII), но само имя примечательно. Это еще одно имя в Древлянском доме, причем скрываемое более тщательно, чем имя Мала. Почему же?

Нискинич... Это ведь не только отчество, это и имя династии! (Вспомним противника Мала Игоря Рюриковича — «Рюрикович» для него и отчество, и династическое имя.) Но если так, то его вправе был носить и Добрыня[1].

Добрыня Нискинич... Созвучно с привычным нам Добрыня Никитич. Попробуем повторить сравнение отчеств:

Нискинич
Ни китич

На сей раз совпадает 6 звуков (фонем) из 7 — и притом точно в том же порядке (выпадение «с» и замена «н» на «т» легко объяснимы последующим длительным воздействием сходного по звучанию христианского имени Никита).

[1] Эта мысль была впервые высказана в 1871 году Буслаевым в развитие открытия Прозоровского (см.: Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, с. 266—267).

Но и политическое вероятие не меньше фонетического. Ведь когда в результате победы феодальной реакции где-то в XI веке стало запретным слово «Древлянский», вместе с ним должно было стать запретным и слово «Нискиничи». Раз эту династию велено было выбросить из летописи, считать несуществующей, ее нельзя было открыто упоминать и в былине под любым из ее официальных имен.

Но христианское имя Никита давало хорошую возможность снабдить Добрыню в былине «безупречным» христианским отчеством (при языческом имени), близким по звучанию к его фамильному имени, то есть имени династии Нискиничей. Для слушателей XI века былинное «отчество» Добрыни служило абсолютно прозрачным псевдонимом, заменявшим ставшие запретными слова «Добрыня Древлянский».

Словом, Никитич стоит в том же ряду, что Залешанин, Заолешанин и Красно Солнышко. Все это псевдонимы, служившие былине для безошибочного тогда обозначения принадлежности Мала, Добрыни и Владимира к Древлянскому дому, к династии Нискиничей.

Изяслав и Всеслав. Когда же понадобились былинные псевдонимы, целая их система? Иными словами, когда была вычеркнута из летописи Древлянская династия? Конечно, это произошло не во времена Добрыни. Видимо, в княжение Изяслава I, недостойного внука Владимира I.

Изяслав I — фигура черная. Его свергло и изгнало из Киева и Руси знаменитое восстание 1068 года. За рубежом он открыто торговал Русью, выпрашивая иноземную интервенцию, чтобы вернуть трон. Германскому императору он за это обещал стать его вассалом, а римскому папе — обратить Русь в католичество, но оба они сочли его затеи слишком рискованными. Зато Изяслав дважды приводил на Русь польских интервентов. На его счету кровавые расправы с восставшими киевлянами, с жителями других русских городов. Это был глава лагеря жестокой феодальной реакции. Естественно, такой человек не мог провозглашать себя князем Древлянского дома: его устраивала деспотическая традиция Варяжского дома. В былине Изяслав, разумеется, тоже не мог быть назван открыто, он также выступает под псевдонимом. Былины, где князю Владимиру приписывается отрицательная роль (например,

когда он притесняет Илью Муромца), повествуют на самом деле о черных делах Изяслава I и не принадлежат к Владимирову циклу.

Главным противником Изяслава I выступал его соперник Всеслав Полоцкий (тот самый, кого восстание 1068 года возвело на Киевский трон, откуда его в следующем году сбросила польская интервенция). В летописи Всеслав изображен смутьяном. Но расчет по династическому праву показывает, что он-то как раз и имел законные права на Киев, так как представлял *старшую линию* потомков Владимира I. Иными словами, Изяслав был и *узурпатором*, что существенно для той эпохи.

Всеслав вел долгую и упорную борьбу за престол — с 1064 по 1071 год. При этом он провозглашал себя князем Древлянского дома и возглавлял всенародную борьбу за возврат к демократической политике Владимира и Добрыни, попранной Изяславом. Всеслав был любимцем былины: он воспет во Всеславовом цикле былин, следующем за Владимировым. Но Всеславов цикл сохранился лишь фрагментарно, и имя Всеслава там тоже скрыто псевдонимами (Волх Всеславич, Василий или Илья Муромец).

Долгая гражданская война в державе кончилась, к несчастью, поражением народной партии и ее контргосударя Всеслава (сохранившего лишь свое княжество Полоцкое). Результатом этого и явились, с одной стороны, система былинных псевдонимов, заменивших ставшие запретными имена, а с другой — подтасованная летопись. *Если бы в гражданской войне 1064—1071 годов победил Всеслав, никакой варяжской теории в русской летописи не было бы.* Не было бы и всех ее последствий.

Соправителями Изяслава I были его братья Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. В науке они известны как «Триумвиры-Ярославичи».

Валы, остановившие гуннов. Казалось бы, мы узнали о Древлянской земле предостаточно. Но нет, сюрпризы ее еще не кончились — у нее есть и южная граница. И она не менее информативна, чем восточная. Ее информация содержится не в летописи, и она молчала многие века. Но в последнее время, уже в наши дни, она заговорила.

...Вал огромен. Я особенно ясно ощущаю это, проехав сквозь разрез его и взобравшись затем на вал с наружной, «напольной», стороны. Высота его 8—9 метров, толщи-

на — не менее 20 у подножия. А длина? В обе стороны вал уходит на километры и конца его не видно.

Вал зарос травой. Сверху открывается обширная панорама. На севере, под защитой вала, ровное поле. На юге, куда смотрит напольная сторона, долина реки Виты. Перед валом глубокий когда-то ров, откуда и брали землю для насыпки вала. Сейчас за рвом змеится вдоль него дорога. Сам же ров — то глубже, то мельче, а местами и вовсе пропадает. Но сверху видна вся его трасса (включая и засыпанные со временем участки), видно и то, что он составлял единую систему с валом.

Гигантское сооружение, несомненно фортификационное, воздвигнутое фронтом на юг.

— Это один из наилучше сохранившихся Змиевых валов, — говорит Аркадий Сильвестрович Бугай, киевский ученый, исследующий валы. — Длина данного участка вала больше 8 километров. А северней, за его надежным прикрытием, мы нашли следы поселений, там был, видимо, резервный военный лагерь. Вита с Бобрицей — первая линия дальней обороны Киева с юга. Вал этот уцелел отчасти потому, что он не песчаный: грунт твердый — глина, чернозем. Однако для прочности в вал закладывали и деревянные конструкции, порой обжигая их. Мы берем из валов пробы дерева и угля на радиокарбонный анализ, чтобы определить возраст валов. Помогает в датировке и сопутствующая керамика, метод палеомагнетизма и тому подобное.

Так что же показал радиокарбон в данном случае? Даты поразили многих. Вито-Бобрицкая линия относится к 370-му году нашей эры! Вал выстроен круглым счетом 1600 лет назад.

Это IV век, время, когда гунны, ворвавшись в Восточную Европу, разгромили в Крыму Боспорское царство, а в степях Приазовья и Причерноморья — царства аланов и готов. Затем гунны двинулись на Запад. Гуннская гроза продолжала бушевать и в V веке. Царь гуннов Аттила побеждал императоров Царьграда и Рима, облагая их данью, покорил королей многих германских племен, наконец двинулся на самый Рим. И папа римский, выйдя ему навстречу, с великим трудом вымолил древнему городу пощаду. На западе Аттила был остановлен в 451 году в кровопролитной битве на Марне, то есть в нынешней северной Франции, менее чем в 200 километрах от Парижа. Вот докуда докатился грозный вал гуннского нашествия!

А начиналось все где-то около 370 года на юге нынешней Украины. Там, куда смотрит напольная сторона вала, на котором я стою с Бугаем. Нет, не здесь, рядом с Витой, а далеко на юге. Но валы стоят фронтом на юг! И люди, которые начали воздвигать их около 370 года, явно знали, что́ творится на дальнем Юге и против кого нужно строить эти валы.

И валы Вито-Бобрицкой линии сослужили свою службу. Гунны, разгромившие и покорившие десятки царств, заставлявшие трепетать Константинополь, Рим, Лютецию (будущий Париж), сюда, в земли приднепровских славян, не прошли! Ни в конце четвертого века, ни в пятом. Не прошли потому, что им заблаговременно преградили дорогу вот эти самые валы.

Змиевы валы. Исследования Бугая заняли два с половиной десятилетия и показали не только то, что несколько южней Вито-Бобрицкой линии стоит такая же Стугнинская линия валов, выстроенная против гуннов, но на сей раз надстраивавшаяся в VII веке против аваров (летописных обров). Они показали также наличие западней Киева (то есть преимущественно в Древлянской земле) многих сотен километров так называемых Змиевых валов разной сохранности, составлявших единую систему обороны.

Змиевы валы были до Бугая плохо изучены. Достаточно сказать, что на карте 1912 года их было нанесено всего 70 километров, а на карте Бугая, опубликованной им в Украинской Советской Энциклопедии, их теперь около 1000 километров!

Датировка валов до Бугая также была совершенно гадательной: их приписывали то Владимиру Красно Солнышко, то скифам. Бугай прошел по каждому валу на всю его длину и стал брать из них пробы на радиокарбон. Валы оказались разновременными и строились в продолжение целого тысячелетия. Конкретно со II века до нашей эры и по VII век нашей эры. Как правило, фронтом на юг. То есть последовательно против сарматов, готов, гуннов и, наконец, аваров.

Почему, собственно, валы называются Змиевыми? В своей брошюре «Змиевы валы — летопись земли Киевской» Бугай отмечает, что это народное название, основанное на легендах о древнем русском богатыре, победившем гигантского Змея-людоеда и запрягшем его в огромный плуг. Богатырь заставил Змея пропахать борозду, разумеется тоже сверхъестественных размеров. Отвал богатырского плуга и образовал при этом Змиевы валы

(а бороздой был, стало быть, ров). Змей же, надорвавшись, издох.

«Змей, очевидно, аллегория, — пишет Бугай, — под которой кроется теперь полностью забытый, а когда-то реальный образ грозных кочевников»[1]. Действительно, такая символика свойственна народному эпосу. Гунны, авары и другие кочевники вполне могли слиться в сказочно-эпический образ Змея.

Зерном поэтического образа богатырской пахоты со змеевой запряжкой также могли послужить реальные события. Использование славянами в той обстановке труда военнопленных гуннов и аваров на строительстве валов очень вероятно. Вместе с тем строили их в основном явно сами славяне, их руководящая рука ощутима в замысле фортификационной системы.

Так обстоит дело с названием Змиевых валов. Его фольклорный характер был, положим, науке ясен уже давно. Но связать его именно с гуннской и аварской эпохами удалось лишь в результате исследований Бугая.

За подробностями о Змиевых валах отошлю читателей к моему очерку «Валы, остановившие гуннов» в туристском альманахе «Ветер странствий» (вып. 11. М., 1976, с. 40—49).

Недавно в Киеве на территории музея-заповедника «Киево-Печерская лавра» открыт специальный музей Змиевых валов. Там можно не только увидеть в экспозиции карты-схемы и фото, но и получить консультацию, как добраться до различных участков этих валов разных веков. Из них более 600 километров лежат на древлянской территории.

Великая Древлянская стена. Легко заметить, что 900-летний период строительства Змиевых валов лежал задолго до времени Добрыни. Однако он далеко не безразличен для понимания деятельности Древлянского дома и лично Добрыни. Змиевы валы показывают, что *он унаследовал традицию русского патриотизма и мастерства обороны,* которая уже тогда насчитывала более тысячи лет. Нельзя считать случайностью, что именно Древлянская земля, целую тысячу лет (по VII век) сдерживавшая и отражавшая агрессию сарматов, готов, гуннов и аваров, в IX—X веках оказалась в авангарде общерусского Сопротивления новым захватчикам и угнетателям — варягам.

---

[1] А. С. Бугай. Змиевы валы — летопись земли Киевской (на украинском языке). Киев, 1971, с. 20.

Дело в том, что из обследованных Бугаем систем валов самой мощной оказалась именно древлянская. Шоссе Киев — Житомир (Коростень и Малин лежат северней его) пересекает целых четыре полосы древлянских валов. На этих участках они по большей части плохо сохранились, их остатки сейчас невысоки. Южней проходит пятая линия — прямой вал длиной 120 километров от Фастова почти до Житомира. Еще южней лежат другие древлянские линии. Короче говоря, княжество Древлянское было опоясано с юга подлинной Великой Древлянской стеной!

Она строилась в течение 900 лет. Ее разрушенные временем валы были первоначально 12-метровой высоты. Линии валов ставились фронтом на юг и неуклонно продвигались все дальше в том же направлении. Новая угроза вызывала необходимость в новых, выдвинутых еще дальше вперед линиях валов. За девять веков оборонительные валы Древлянской земли прошагали таким образом на юг 200 километров. И столь методическое продвижение в одном направлении подтверждает, что все эти 900 лет здесь жил один и тот же народ, был один хозяин.

На 58-м километре Житомирского шоссе Бугай показывает мне вал 450 года. Он здесь еле заметен. Но возле него я вижу обелиск с орденом Великой Отечественной войны. По древлянскому валу, остановившему полчища Аттилы, проходил в 1941 году передний край дальней обороны Киева... Да, строители Змиевых валов великолепно знали, где выбирать рубежи для обороны родной земли.

Генеральная идея этой глубоко эшелонированной фортификационной системы состояла в том, чтобы останавливать конницу кочевников (их главную боевую силу), заставляя их спешиваться. И система оказалась успешной.

Гунны в Коростене. Стоя на русских валах, остановивших гуннов, я неожиданно вспоминаю «площадку казней» в Коростене. Ту самую, о которой местное предание гласит, что с нее бросали людей в Уж во времена злого царя Аттилы.

Узнав эту легенду в Коростене, я быстро отвел имя и время Аттилы как анахронизм, обычный в устном фольклоре, и стал искать, кого могли здесь сбрасывать в Уж в X веке. Но похоже, что я с этим выводом поторопился. Отсюда могли бросать людей в Уж и во времена Аттилы!

Я тогда спросил себя, а был ли Коростень, была ли вообще Древлянская земля во времена Аттилы? Но те-

перь-то мы знаем — была. А стало быть, казни могли совершаться здесь и при Аттиле, и даже до него. Русских пленников гунны уводили в Степь. Гуннских пленников древляне уводили в свою землю. Что же с ними делали? Кого-то, возможно, выменивали на пленных древлян. Основную массу, очевидно, использовали как рабов (я уже говорил, что они могли работать и на строительстве валов). Но кого-то из них могли доставлять как боевой трофей в главный храм Даждьбога и торжественно казнить там.

Когда я вспомнил легенду, то решил, что лютовать в Коростене должен сам Аттила. А это было географически неправдоподобно. Я отвел возможность того, что Аттила казнил древлян и, как показали Змиевы валы, отвел справедливо. У Аттилы для этого оказались руки коротки. И у его предков IV века тоже.

Но гунны все-таки в Коростень попадали как пленные. И обратной возможности, публичной казни в Коростене кого-то из гуннских опричников злого царя Аттилы (или его предков), осмелившегося посягнуть на свободу Древлянской земли, — я не учел. А такая казнь вероятна, она была вполне в нравах эпохи.

И на русских валах, остановивших гуннов, мне вспоминается поэтому не только местное коростеньское предание, но и меткое замечание Полевого о том, что Древлянская земля оказалась для Игоря страшней Царьграда. Не был ли Коростень орешком покрепче Царьграда и во времена аваров и гуннов?

Древнерусские «государства-крепости». Выявленная Бугаем система Змиевых валов показала, что Древлянская и Полянская земли не были новообразованиями, возникшими сравнительно незадолго до времен Добрыни, а были уже тогда стабильными политическими единицами многовековой давности. Короче говоря, прочными государствами.

Не слишком ли это смелое слово для IV—VII веков — государства? Нет, Бугай приводит веские аргументы: «Шутка сказать, прямой вал от Фастова почти до Житомира тянется на 120 километров! Как же прикажете называть хозяина такого строительства? Сооружения подобного размаха под силу только государствам».

Но не в одном размахе работ дело. Карта показывает, что о бессистемности валов и речи быть не может, ибо на большой территории они строились по единому плану. Хорошим примером служит долина Здвижа, реки, текущей

внутри Древлянской земли (считая от Киева, это второй водный рубеж, следующий за Ирпенем; Ирша, на которой стоит Малин, — четвертый). Несколько линий валов идут здесь, точно продолжаясь по обе стороны Здвижа. Такая планировка свидетельствует, что валы тут строило одно государство. В Левобережье Днепра Бугай обнаружил самостоятельные системы валов, спланированные иначе, — там явно было другое славянское государство. (Как читатель помнит, Рыбаков выяснил, что там была основная территория Полянской земли.)

Возникает вопрос, признает ли летопись существование этих государств? С одной стороны, летопись признает, что у каждого племени было издавна (без дат, даты в летописи появляются только в канун приглашения на Русь Варяжского дома) по собственному княжению. С другой же стороны, летопись пытается создать впечатление, будто эти княжения никакой роли в сложении державы не играли и были всего лишь отсталыми племенами. Так, их населению (не одним древлянам, но чуть ли не всем, кроме полян) приписывается «зверинский» образ жизни. Так, признавая наличие примерно дюжины русских «племенных» княжеств, летопись старательно замалчивает (как будто бы несущественные) имена всех их династий и почти всех князей. Так, она приписывает активную положительную роль в создании державы и в руководстве ею одному Варяжскому дому, а прочие земли рисует то смутьянами, то пассивным материалом в руках Варяжского дома. Короче говоря, летопись намеренно создает впечатление, будто русские земли — не настоящие княжества, а только территории обитания племен, хотя и с князьями.

Но система Змиевых валов показывает, что русские земли еще за столетия до IX века были государствами, что термин «земля» означает не территорию, а именно государство. И что все попытки летописной информации доказать обратное являются искусственной конструкцией, хорошо продуманной ложной версией.

В широкой полосе бассейна среднего течения Днепра летопись знает, кроме Полянской и Древлянской, еще ряд русских земель — Северскую, Радимичскую, Уличскую, Дреговичскую, Волынскую. Часть из них, лежа северней, прикрыта от Степи полянской и древлянской территориями, их Змиевыми валами (то есть не нуждалась в мощной системе собственных). Но ясно, что в IX—X веках все эти земли не просто места расселения племен,

а стабильные вековые княжества со своими органами государственной власти.

Каковы же были эти органы власти? Мы их знаем на примере княжества Древлянского — своя княжеская династия, свой небесный князь, бог-гарант нерушимости княжества, его жреческая коллегия, земельная дума с широкими полномочиями. Прибавим сюда народные собрания более низкого уровня — городские веча (они зафиксированы в летописи в ряде земель в XI веке, но явно восходят к гораздо более раннему времени). Известно и наличие сословий, например бояр, волхвов (то есть языческого духовенства), вольных вечников.

Есть все основания считать, что такая модель государственности типична (по крайней мере, до подчинения власти Варяжского дома) для всех русских княжеств, а вовсе не была исключительно «древлянской аномалией». Не будучи государствами уже в IV веке, они просто не могли бы тогда строить системы Змиевых валов.

Но если русские княжества были государствами еще в глубокой древности, то какой же формации? Рабовладельческими? Феодальными? Или еще какими-нибудь? На этот вопрос ответить можно.

Большинство населения исконных русских княжеств было свободным. Рабство было редким исключением, а феодального закрепощения и гнета еще не существовало. Основой народных вольностей, которые мы видели во всем блеске на примере восстания Мала, служили право и долг каждого свободного мужчины носить оружие и участвовать в вече (или посылать своих выборных представителей в земельную думу). Это же право было основой военной силы княжеств. Такие дофеодальные государства в науке именуются «варварскими». Термин этот не означает никакого «дикарства». Он возник от «варваров», опрокинувших рабовладельческую Римскую империю как раз благодаря своему гораздо более свободному общественному строю.

Летописная информация не раз принималась историками на веру, и отсюда делался вывод, что племена-де жили родовым строем, а государство на Руси возникло из разложения этого родового строя лишь в IX веке, и притом сразу в виде державы. Но в свете Змиевых валов становится ясно, что держава, Киевская Русь, возникла вовсе не из разложения родового строя, а на прочной основе вековой русской земельной государственности, выросла из русских княжеств, сохранившихся и внутри

державы и бывших на деле основой ее могущества. И действительно, если бы русская государственность родилась в процессе феодализации из разложения родового строя, результатом должно было бы стать создание раздельных княжеств, а вовсе не великой державы, состоящей из дюжины княжеств.

Между тем то, что земли старше державы, признает и летопись, но, когда возникли сами русские земли, не указывает: упоминание об исконных земельных княжениях содержится в недатированной части летописи (то есть до середины IX века). О времени создания земель, княжеств оставалось лишь гадать — и в науке высказывались об этом самые разные мнения. Теперь же для приднепровской группы земель Юга «выложен на стол» такой серьезный признак государственности, как многие сотни километров мощных пограничных укреплений с датами с IV по VII век.

Не зря Бугай говорит: «Такой огромный памятник до сих пор не работал на науку, а ведь он несет колоссальную информацию».

Она не ограничивается одной трассой валов. Так, удалось выявить около десятка различных конструкций валов, применявшихся в зависимости от условий местности, грунта и т. п. Удалось также проследить признаки городищ (крепостей) позади линии валов через каждые 6—8 километров. При такой системе на самих валах достаточно было выставлять дозоры: по тревоге можно было подбросить резервы к любому угрожаемому пункту в течение часа, просто сбежаться. А на конях и еще скорее.

Такая система опять-таки исключает рабовладение как строй, а предполагает свободное и вооруженное население (нечто вроде казачества). Система обороны оказалась очень разумной: ведь, чтобы выставить постоянный гарнизон на валах на протяжении всех их сотен километров, потребовались бы несметные силы, каких княжество не имело. А так все решалось. Линия пограничных валов превращала каждое древнерусское государство Юга в грандиозную крепость. И обойти ее через территорию соседа было нельзя, ибо линии Змиевых валов соседних русских княжеств были «состыкованы».

Первое тысячелетие русской истории. Таким образом, *Древлянский дом был наследником более чем тысячелетней традиции русской государственности* (полное отличие от Варяжского дома). Система Змиевых валов

буквально вынуждала княжества Среднего Приднепровья прн любом нх соперничестве н взанмных счетах к федерацин, чтобы устоять против грозных кочевников. И сама Киевская Русь вовсе не была создана прншлым Варяжскнм домом, а выросла постепенно нз такнх земельных союзов как федерация земель, как могучая федератнвная нмперня.

В этой связн прнмечательно, что еще Середоннн, создатель первого русского курса исторической географнн, задолго до того, как началось исследование древлянскнх Змиевых валов, обратнл особенное вннманне на Древлянскую землю н высказал мненне, что узел русской нсторнн завязался нменно в Древлянской земле.

Середонин отметнл, напрнмер, что в ней гидроннмия (то есть названня рек н других водных объектов) вся славянская, тогда как в лежащей к северу от нее Дреговичской земле много «балтнзмов», а в Левобережье Днепра н Прнчерноморье хватает другнх языковых пластов. Он пнсал:

«Это была прароднна славянских племен, на этом пространстве мы не моглн подметнть прнсутствня какого-либо нного народа... Славяне, жившие к западу от Днепра, от Кнева, не зналн над собой чуждой властн, у нннх былн свон князья, о которых упоминает еще Прокопнй (византнйскнй нсторнк VI века. — *А. Ч.*), былн у них свон лучшне мужн н города; онн, представляется мне, должны были быть значнтельно сильнее, более дорожнть своей свободой, чем разрозненные славянскне выходцы»[1].

Такнм образом, Середоннн прароднной русского народа считал Древлянскую землю, откуда «разрозненные выходцы», то есть древляне, заселялн другне террнторнн на севере и востоке да н на юге, создавая постепенно новые славянские земли. Указанне же на Прокопня ставило Древлянскую землю в прямую связь с могущественным Антским союзом (так н не покоренным аварами, но распавшнмся, ослабнув в войнах с ннмн). Мненне же Середоннна о большей силе н свободолюбни Древлянской земли по сравненню с другнми русскими землями очень гармонирует с той ролью, в которой мы застаем Древлянскую землю во времена Добрынн, с тем, что именно она н ее княжеский дом оказалнсь в X веке в состоянии оказать нанболее сильное сопротнвленне деспотнзму Варяжского дома.

---

[1] С. М. Середонин. Историческая география, с. 148.

Середонина интересовали, однако, не столько отдельные события и их точные даты, сколько выяснение исторической арены, то есть районов, занятых различными племенами и народами, и путями их передвижения. Это и побудило его обратить пристальное внимание на Древлянскую землю, на исконность и стабильность ее славянского населения. Но мы теперь, благодаря исследованиям Бугая, можем окинуть взглядом и довольно связную картину событий.

Да, русская история насчитывает не одно, а два тысячелетия! Но непрерывная историческая преемственность связывает русских (а также украинцев и белорусов, таких же потомков древнерусской народности) вовсе не с сарматскими кочевниками — роксоланами, как ошибочно полагал Иловайский, а со славянскими земледельцами лесного Приднепровского края и лесостепи, как считал Середонин. Начавшаяся расшифровка исторического свидетельства Змиевых валов неожиданно наполнила первое тысячелетие русской истории событиями. Ведь валы говорят не просто о высоком мастерстве строительства укреплений (что само по себе немаловажно), а именно о событиях — они дают картину древнерусской обороны, указывая, когда и против кого она создавалась.

Общая картина такова: на протяжении этого тысячелетия лицом к лицу стоят две силы — беспокойная Степь и славянский Лесной край. На дальнем Юге, в степях Причерноморья и Приазовья, возникают и рушатся одна за другой империи различных пришлых народов, а в славянском Приднепровье все это время прочно стоит обращенная фронтом на юг стена, надежно защищающая его независимость от беспокойного Юга. Стена, поставленная впервые во II веке до нашей эры, так ни разу и не прорвана. Она методически продвигается все дальше на юг, вплоть до VII века, что подводит нас почти вплотную к кануну той эпохи, когда мы застаем Древлянскую землю в авангарде общерусской борьбы против Варяжского дома (династии, которую сама летопись, всячески превознося ее, определенно рисует как династию иноземную, появляющуюся внезапно и лишенную корней в истории самой Руси). *Первое тысячелетие русской истории заполнено успешной борьбой против сарматской, готской, гуннской и аварской агрессии.*

Великая Древлянская стена подтверждает важность указания Середонина на роль Древлянской земли в этот период, проясняет и документирует активное участие ее

в этой борьбе. Расширение исследований Змиевых валов на полянское левобережье Днепра поможет прояснить также роль ее соседки — Полянской земли. А распространение исследований валов на территории других южнорусских земель обещает дать ценнейшие сведения и об их древнейшей истории.

Но уже сейчас Змиевы валы поставили крест на целой группе «степных» теорий — роксоланской, готской, скифской (скифы будто бы ограждались ими от «дикарей» северных лесов). Многие ученые ошибочно видели в южных степях арену и движущую силу начала русской истории. Но на поверку оказалось, что «дикари» жили вовсе не на север от степей и что Змиевы валы искони защищали не Степь от Лесного края, а Лесной край от Степи! Змиевы валы показали, что славянский Лесной край не мог входить ни в сарматскую империю, ни в готскую, ни в роксоланские владения, ни в державы гуннов и аваров! Стена валов подобной силы, обращенная фронтом на юг, не могла стоять *внутри* никакой южной державы. Змиевы валы показали, что славянский Лесной край целое тысячелетие видел в Степи не благодетелей, а перманентно враждебную силу — и сумел держать ее на расстоянии.

Для такого взгляда славяне имели веские основания: каждая новая волна переселения народов в южных степях приводила к разгрому городов, крушению культуры, смене столиц, запустению целых областей. Сарматы уничтожили столицу Скифии в нынешней Каменке на нижнем Днепре — и она (площадью в 12 квадратных километров) навсегда осталась лежать в развалинах. А свою ставку сарматы разбили в нынешнем Новочеркасске — и от нее тоже в дальнейшем ничего не осталось, так как готы, в свою очередь, громили чужие столицы. О хозяйничании гуннов и аваров и говорить не приходится. Очередные пришельцы ничуть не считали себя преемниками покоренных, изгнанных или истребленных народов, они чувствовали себя лишь завоевателями.

А в Лесном крае картина была диаметрально противоположной. Здесь не наблюдается никакой смены населения, никаких погромов цивилизации. Здесь очевидна непрерывная преемственность обороны и ее методов. Стена валов выстроена, поддерживается и совершенствуется одним и тем же народом. И система Змиевых валов дает убедительный ответ на вопрос (который, к сожалению, задавался слишком редко): что же помешало всем

хозяевам причерноморских степей захватить славянский Лесной край? И сердцем его, очевидно, и была Древлянская земля с ее могучей многолинейной системой Змиевых валов.

Да, сооружение такой грандиозной системы пограничных укреплений могло быть под силу отнюдь не отсталому племени (и вообще не племени), а только государству. Становится ясно, что Древлянский дом, любимец былины, не возник внезапно из небытия. Ко времени Добрыни у Древлянской земли (и ее династии, какой бы по счету эта династия ни была) стояла за плечами *более чем тысячелетняя* традиция государственности и обороны родной земли! Ее наследниками и знаменосцами выступают, вполне сознавая это, Мал, Добрыня и Владимир. Им не нужны были экспедиции, чтобы знать, где проходят все линии древлянских валов.

Надо удивляться прозорливости Середонина, сумевшего разгадать историческую роль Древлянской земли в первое тысячелетие русской истории, совершенно не подозревая ни о ее мощной системе Змиевых валов, ни о роли Древлянского дома в X веке. Но следует сказать и о том, что мнение Середонина было преувеличенным: «государствами-крепостями» были в глубокой древности, очевидно, и другие русские земли — Полянская, Северская и так далее.

Узел русской истории завязался в широкой полосе Среднего Поднепровья — и исследования стали показывать, что линии валов соседних княжеств были согласованы, состыкованы. Без этого степная конница легко обошла бы валы любой земли, прорвавшись через соседнюю. Княжества лесной и лесостепной полосы при любых счетах между собой могли выстоять, уцелеть перед лицом грозных врагов на Юге, только создав соединенными усилиями *сплошную* стену, без зияющих просветов, открытых для конницы степняков. Характерно, что древлянско-полянская дуэль за природный бастион Киевских гор, при всей своей ожесточенности, не помешала их совместной борьбе против Степи и объединению в дальнейшем обеих земель в федеративную державу с центром в Киеве. Второе тысячелетие русской истории органически вырастало из первого.

Почему же летопись молчит о Змиевых валах? Бугай этот вопрос ставит: «Неясно, почему в «Повести временных лет» подробно рассказывается о том, как авары притесняли дулебов, но ничего не сказано про ту титани-

ческую работу, которую выполнило для своей защиты население Киевщины? Почему?»[1]

Вопрос поставлен применительно к аварам, но он шире — ведь валы против аваров были лишь самой внешней линией системы, они венчали целое тысячелетие строительства валов. А замолчана не только оборона самой Руси от аваров (обров, по летописи), но и все тысячелетие успешной русской обороны от Степи.

Может ли это объясняться неосведомленностью летописца? О заграничных дулебах случайно услышал, а вот о собственных Змиевых валах столь же случайно ничегошеньки и не слыхивал... Нет, такое стечение обстоятельств абсолютно исключено. Если бы Змиевы валы стояли где-нибудь на северной окраине Новгородской земли, это можно было бы допустить. Но ведь колоссальная система валов находится в радиусе всего 60 километров от Киева. Не заметить их в XI веке, когда в Киеве составлялась летопись, было положительно невозможно. Тем не менее летопись о них молчит. Вернее — она их намеренно замалчивает.

Перед нами фальшивка совершенно гомерического масштаба: история Руси начинается в летописи на целое тысячелетие позже, чем она началась на самом деле. А более раннее время занято лишь перечислением «племен», да к тому же «отсталых».

Словом, придворная летопись узурпаторского Варяжского дома старательно создавала впечатление, будто до прихода Рюрика на Русь был политический и культурный вакуум, будто русские не умели наводить порядок в своем доме.

Если бы в летописи было воздано должное той многовековой великолепной системе укреплений против Степи, которую создали русские за века до появления Варяжской династии, то у читателя ее неминуемо возник бы вопрос: зачем при столь развитой государственности русским могла понадобиться Варяжская династия?

Фактически ради династического мифа Варяжского дома первое тысячелетие русской истории было сознательно выброшено из официальной хроники. Варяжский дом Рюрика и его приспешники учинили в русской истории чудовищный погром. Змиевы валы наглядно показывают масштабы этого погрома, когда из хроники вычеркивались целые столетия и лучшая, патриотическая слава Руси.

---

[1] А. С. Бугай. Змиевы валы — летопись земли Киевской, с. 11.

Остается еще заметить, что, поскольку вся система Змиевых валов была выстроена против Степи, она не могла оградить Русь от броска варяжских узурпаторов из Новгорода на русский Юг.

Я стою на Детинке. Расставаясь с юностью Добрыни, я бросаю прощальный взгляд на Киев. Я стою на узкой незастроенной «шпоре» горы Детинки — там, где возвышалась когда-то одна из древлянских крепостей, выстроенных на Киевских горах далекими предками Добрыни.

Под горой, внизу, древние ремесленные слободы Гончары и Кожемяки. Прямо передо мной — отдельно стоящая Замковая гора, правей нее — изогнутая «шпора» горы Воздыхальницы. Древлянские крепости стояли на обеих горах. А между ними идет с Подола Андреевский спуск — древний Боричев взвоз, фланкируемый когда-то со всех сторон этими крепостями. Им поднимались в 945 году в великокняжеский дворец послы Мала Древлянского, чтобы требовать переезда Ольги и Святослава в Коростень. Им же поднимались на Гору после веча на Торговой площади восставшие киевляне в 1068 году, чтобы освободить и возвести на трон Всеслава.

Пройдя между Замковой горой и Воздыхальницей, Андреевский спуск делает крутой поворот и идет дальше вверх между Воздыхальницей и Старокиевской горой. Вот и она сама, Старокиевская гора, тоже прекрасно видная с Детинки. Здание Исторического музея ясно указывает место в городе Кия, где стояли первопрестольный дворец Руси (здесь прошла часть долгой рабской службы Добрыни) и храм Перуна Полянского (варяжского Змея Горыныча, чей жертвенник Добрыня с Владимиром погасили в 980 году).

Вот она, днепровская твердыня, комплекс четырех крепостей доваряжского Киева! Крепости давно исчезли, но горы целы, и система обороны здесь ясно читается и сегодня. Я любуюсь с Детинки дивной панорамой и думаю, что все здесь связано с судьбой Добрыни, с его родом и с миром русской былины.

И дорога к собственным подвигам Добрыни, запомнившимся и былине и летописи, открылась тоже здесь, в 970 году. Я гляжу с Детинки. Вон там, в древнем княжеском дворце Киевичей, Святослав вручил в том году Добрыне и Владимиру правление Новгородской землей. Вон там, по Боричеву взвозу, они спустились со свитой к ладьям. Вон там, по Днепру, Добрыня поплыл с мальчиком Владимиром на Север, в Новгород.

970 год. Ладьи плывут вверх по Днепру. Годы рабства и все невзгоды Добрыни остались далеко позади. На Север едет шурин Святослава, брат великой княгини всея Руси Малуши, нет, Малы Древлянской, регент княжества Новгородского. И над его флотилией гордо реют в согласии знамя дома Рюрика и знамя Древлянского дома, с которого глядит лик Даждьбога Древлянского, Красно Солнышко русской свободы.

Добрыня едет на Север среди глубокого мира в державе и в зените почестей. Но он не знает, какие тяжкие испытания ждут его впереди, не знает еще, какие подвиги ему предстоит совершить самому, не знает, что они затмят подвиги Мала и завершат отцовское дело. Добрыня едет править Новгородом. Но вскоре на него, Добрыню, будут обращены с надеждой взоры всей Руси.

И вы, читатели, зная уже, что в 980 году Добрыня придет в Киев с победой, возведет Владимира на престол, воздвигнет у самых ворот Киева могучий древлянский Белгород, не знаете еще ни того, как была завоевана Добрыней эта победа, ни того, как после благодетельных реформ Ольги вообще могла вспыхнуть в державе новая гражданская война.

А она все-таки вспыхнула...

Книга вторая
Господин Великого Новгорода

Глава 6
Новгород

Добрыня и Рюрик. На знаменитом памятнике «Тысячелетие России» в Новгородском кремле — статуя Рюрика, держащего щит с датой «862 год». Она — одна из нескольких выделенных масштабно и композиционно. От IX века и до петровских времен таких фигур всего шесть. Конечно, это шесть монархов. Уже отсюда видно, сколь большое значение придавалось Рюрику в замысле монумента.

Памятник был воздвигнут в 1862 году — ровно через тысячу лет со времени приглашения Рюрика в Новгород. Отсюда и название. Официальная версия связывала «призвание варяжских князей» с созданием русской государственности и началом русской истории. А отбор фигур для памятника решался лично царем Александром II.

Фигуры Добрыни на новгородском памятнике нет. А между тем в 970 году Добрыня приехал править в этот город. Тогда же вместе с малолетним племянником Владимиром он поселился в Новгороде, во дворце самого Рюрика. С этого времени Новгородское княжество надолго становится оплотом могущества Добрыни.

Так неужто в Новгороде не сохранилось никакой памяти о Добрыне?

Есть! Она не бросается в глаза, но она в Новгороде жива. Надо только уметь ее увидеть.

София Новгородская. Невдалеке от монумента «Тысячелетие России» высится в Детинце Софийский собор, воздвигнутый в 1045—1050 годах. София Новгородская входит сейчас в пятерку древнейших уцелевших памятников русской архитектуры. Новгородцы любили говорить: «Где святая София, там и Новгород». В соборе проис-

ходили видные государственные церемонии, хранились важные документы. Словом, политическая роль его была чрезвычайно велика.

Однако нынешний каменный собор не самый древний. У каменной Софии была предшественница — дубовая 13-главая София Новгородская. Заложенная в 989 году, она была завершена и освящена уже в следующем, 990-м. Эта дата приходится на второй новгородский период Добрыни, начавшийся в 980 году, когда он, возведя Владимира на трон державы в Киеве, стал посадником Новгородским, то есть полновластным хозяином Новгородской земли. Но дело не только в датах — София стала небесным патроном Новгородской земли *именно при Добрыне*.

Причина малой известности дубовой Софии Новгородской двоякая. Во-первых, она сгорела в XI веке, когда уже строилась каменная. А во-вторых, она упоминается только в новгородских летописях, но не в киевской. О причинах этого академик Рыбаков пишет так: «Киевский летописец мог вполне обдуманно «забыть» о новгородском соборе Софии, построенном на полвека раньше, чем в Киеве (и послужившем образцом для киевского собора)»[1].

Наблюдение Рыбакова очень меткое. Бросается в глаза, что София Киевская, построенная в XI веке, одноименна Софии Новгородской X века (политически это означает — киевский собор посвящен небесному патрону Новгорода!) и к тому же повторяет ее тринадцатиглавие. София Киевская впервые засвидетельствована (как русскими, так и иностранными источниками) в 1017—1018 годах, то есть вскоре после освобождения Киева от польско-печенежских марионеток оружием Новгорода.

Все это означает, что София Новгородская была воздвигнута как монумент освобождения Киева и спасения Руси в начале XI века оружием Новгорода — потому-то и брала за образец главный новгородский храм! Так что прославленная София Киевская всего лишь «дочь» Софии Новгородской (хотя киевская летопись и выдает ее за «мать» Софии Новгородской). Разумеется, умолчание о Софии Новгородской не случайность. В нем были заинтересованы создатели династических мифов узурпаторов — Изяслава I и его братьев-триумвиров.

Даты постройки самой Софии Новгородской примечательны. Во-первых, они чрезвычайно близки к официальной дате крещения Руси — 988 году. Сама эта дата в

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 194.

науке, правда, оспаривается. Ряд ученых предпочитает датировать крещение Руси 986 годом, более доверяя сведениям XI века некоего монаха Иакова.

В его краткой биографии Владимира говорится, что Владимир крестился вовсе не во взятом им византийском городе Корсуни (Херсонесе), а еще за два года до похода на Корсунь, и притом крестился вообще не из рук Византии, а по вдохновению свыше. Эта версия внушает гораздо больше доверия, чем «благочестивый» летописный рассказ, который в науке давно именуется не иначе как «корсунской легендой» (легко сообразить, что, если бы русские языческие боги одержали Корсунскую победу над Византией, Владимир не имел бы никаких оснований креститься сам да и не смог бы крестить Русь в веру побежденного Христа Царьградского). Но и к 986 году 989-й очень близок.

По летописям, храмы, заложенные в 989 году, свидетельствуют лишь о смене веры. С поправкой же на крещение Владимира и Руси в 986 году такая закладка храмов выглядит и как прославление блистательной победы русского оружия над могущественной надменной Византийской империей.

В любом случае важным становится вопрос, сколько же соборов на Руси заложено в 989 году? Из летописей известно — их только два. В Киеве — Десятинная церковь (посвященная богородице; разрушена ханом Батыем). И в Новгороде. Больше нигде. Это достаточно многозначительно само по себе.

Но еще знаменательней дата завершения дубовой Софии Новгородской. Заложенная одновременно с ней киевская Десятинная церковь закончена и торжественно освящена (о чем подробно повествуется в летописи) только в 996 году. То есть на целых шесть лет позже, чем в Новгороде. Это означает, что дубовая София Новгородская — первый собор, воздвигнутый и освященный на Руси после крещения страны. И после Корсунской победы тоже.

Обычно на это не обращают внимания: само собой разумеется, что деревянный храм можно выстроить скорей, чем каменный. Между тем шестилетняя разница дат завершения имеет важное политическое значение. Она указывает, что *первый на Руси собор освящен, против всяких ожиданий, не в стольном Киеве, а на далеком Севере, в Новгороде.*

Неизбежен вопрос: как мог допустить Владимир такое

унижение столицы державы? Ведь картина становится предельно ясна — София Новгородская заложена в X веке не просто как главный храм Новгородского княжества, а как собор *общедержавного значения*! И Владимира это, как ни странно, вполне устраивает.

Почему? Да потому, что Владимир Новгородский и Древлянский был возведен на престол державы в Киеве прежде всего оружием Новгорода и мудростью Добрыни.

Казалось бы, София Новгородская — памятник хрестоматийный. Но, как видим, впечатление это обманчиво. При внимательном рассмотрении она может рассказать о неожиданных вещах. И о том, что крещение Руси было на самом деле вовсе не даром «передовой» Византии «отсталой» Руси, а следствием победы Древлянского дома! И о том, что крещение Руси было делом рук вовсе не Варяжской династии Рюрика, а славянского Древлянского дома! И о том, что в 980 году в державе была надолго установлена *новгородская гегемония*, оказавшаяся благодетельной для всей страны.

Загадки дубовой Софии. Где в точности стояла в Детинце дубовая София, неизвестно по сей день. Прицельных поисков ее путем раскопок не велось. Случайно ее тоже не находили, ибо в Детинце велись небольшие раскопки, связанные с исследованием отдельных каменных зданий. Когда я прошу показать мне ее предполагаемое место, новгородские ученые называют их целых четыре — все гадательные. Ясность в этот вопрос внесут лишь будущие раскопки.

Точно так же неизвестны план и внешний вид дубовой Софии. Есть некоторое вероятие того, что она была по композиции «прапрабабушкой» знаменитой Преображенской церкви в Кижах. Но есть и другие гипотезы.

Неизвестен и характер ее росписей, которые могли оказать серьезное влияние на росписи ее «дочерей» — Софии Киевской и каменной Софии Новгородской, а через них и на более позднюю русскую живопись.

Но если о росписях дубовой Софии (как и о ее иконах) мы практически не знаем ничего, то в том, что дубовую Софию строили в Новгороде именно русские мастера, не сомневался никто. Хорошо известно, что ее тринадцатиглавие — черта абсолютно не византийская. И в науке оно давно ставилось в связь с *традициями русского деревянного зодчества языческой эпохи*. В том числе и культового (русские *крытые* языческие храмы известны из скандинавских саг).

В свете политического значения дубовой Софии, ее воздвижение русскими мастерами и в традиционном тогда русском стиле было, несомненно, демонстрацией национального самосознания свободолюбивой Руси Добрыни и Владимира.

В летописной версии узурпаторов XI века с проваряжским династическим мифом сопряжен и антирусский «богословский миф» — на сей раз провизантийский. Он выставляет Русь темной страной, куда свет истины и культуры был принесен лишь Византией и ее правоверной церковью (в точности как государство — Варяжским домом Рюрика!). Оба мифа строго параллельны и взаимосвязаны.

На самом же деле языческая Русь была высококультурной страной! Былины того времени (абсолютно не византийский жанр) по форме и содержанию ярко самобытны. Летописи велись задолго до крещения Руси (как самые ранние Рыбаков выделил фрагменты хроники Аскольда, еще IX века, сохранившиеся в составе Никоновской летописи). Совершенство древнего фортификационного искусства на Руси нам уже знакомо. Самобытным оставалось и русское зодчество.

Словом, дубовая София Новгородская играла не последнюю роль в утверждении самобытности русской культуры. К ее загадкам наука будет обращаться еще не раз. И обнаружение в земле ее остатков, пусть обгоревших, может пролить неожиданный свет на многое.

Новгород X века. Сейчас из памятников старины в Новгороде преобладают каменные церкви. Но в 970 году здесь не было ни одного каменного здания. Новгород Добрыни был деревянным. Не было в нем и ни одной церкви, ведь дубовая София появилась лишь спустя 20 лет.

Раскопки позволили установить, каким был тогда Детинец. После того как выяснилось, что северная часть Детинца прирезана к нему лишь в 1044 году (а южная еще позже, в 1116-м), стал ясен и его первоначальный размер — 5—6 гектаров. Это больше «города Кия», занимавшего всего 2 гектара (но, разумеется, меньше площади всего комплекса киевских крепостей).

Детинец в X веке был окружен со всех сторон природными водными преградами. По мнению местных археологов, он был еще окружен земляными валами до 2 метров высоты, а на них были деревянные стены — «заборолы». Прибавим их общую высоту к глубине окружавших Дети-

нец рукавов речки (она была глубиной 8—9 метров) и получим цифру не менее 12—13 метров.

Да, Добрыне была вручена Святославом первоклассная крепость, одна из сильнейших во всей державе. Но уже тогда Новгород не ограничивался Детинцем, он имел и ремесленный посад.

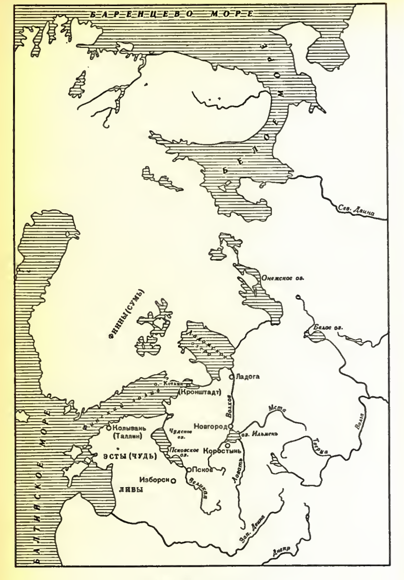
Чем занимались горожане? Ответ можно получить в музее, расположенном сразу за памятником «Тысячелетие России». В экспозиции множество новгородских изделий X века. Кожаная обувь и ткани. Разнообразные металлические изделия от хозяйственных до ювелирных. Изделия из дерева, кости, камня (нередко украшенные превосходной резьбой), гончарные изделия. Здесь и домашняя утварь, и орудия производства, и гребешки, и прялки, и принадлежности купца, и предметы роскоши, и всякое оружие...

Словом, все разнообразное ремесленное производство, которым Новгород славился много позже, уже имелось в X веке во вполне сложившемся виде. В том числе и оружейное производство. То есть в 970 году Новгород был внушительным по тем временам многолюдным городом, одним из крупнейших ремесленных центров Руси.

А каково происхождение названия города? Долго его считали «новым городом» и гадали — по отношению к чему? «Старые города» предлагались от близкой Ладоги и до дальнего Киева. Но для IX—X веков «нов-город» означает, собственно, «новый замок», «новая крепость» — совсем неподалеку от старой (есть ряд параллельных примеров). Разгадала загадку в 20-х годах Е. А. Рыдзевская, выяснившая, что стабильное скандинавское имя Новгорода — Хольмгард (его бессмысленная семантика «островной сад» долго приводила ученых в смущение) есть всего лишь искаженное русское название Холмград!

Первоначальным городом на Волхове возле Ильменя был именно Холмград, или просто Холм, — на правом, восточном, берегу Волхова, а «новгородом», новой крепостью по отношению к Холмграду, был просто Детинец на левом берегу Волхова. Со временем оба города слились воедино, причем название закрепилось уже не Холм, а Новгород. (В наши дни появилась, впрочем, и другая версия — В. Л. Янина и М. Х. Алешковского. Согласно ей Новгород возник из слияния поселков разных народов.)

Новгородская земля. Добрыня получил от Святослава не только один город на Волхове — он стал регентом

Княжество Новгородское

всего княжества Новгородского. Чем же была в то время Новгородская земля?

В IX—X веках в Новгородской земле известны по летописным данным примерно еще три города — Ладога, Изборск и Псков. Для X века упоминание стольких городов в одной земле — немало. Фактически городов здесь было, конечно, больше.

Расположенная на крайнем северо-западе Руси, Новгородская земля граничила тогда с двумя землями державы: Смоленской на юге и Ростовской на востоке. Стратегическую важность имела новгородско-смоленская граница, ибо как раз через Смоленскую землю проходил по рекам и волокам путь на Киев и вообще на юг державы. Хотя этот путь по летописной традиции более известен как «путь из Варяг в Греки», но его внутрирусское значение было много больше транзитного международного. В предстоявших Добрыне событиях новгородско-смоленской границе суждено было сыграть немалую роль.

На юго-западе Новгородская земля граничила еще с одной русской землей — Полоцкой. Это было независимое княжество с собственной варяжской династией. Утраченная Русью, видимо в невзгодах конца IX века, Полоцкая земля только в 980 году была возвращена Добрыней и Владимиром.

На западе граница Новгородской земли служила и государственной границей Русской державы — с независимыми землями финнов, эстов и латгалов. На севере же и северо-востоке лежали земли ряда угро-финских и других племен (корелы, печоры, югры и др.). Племена эти были данниками Новгорода, отчего политическая граница княжества Новгородского на севере и северо-востоке не совпадала с границей его основного ядра (проходившей тогда примерно по Свири), а включала обширные территории вплоть до Ледовитого океана.

Особую важность играл в исторической географии Новгородской земли еще один фактор: она одна во всей державе имела морское побережье на Балтике. Ее «морской балкон» был на протяжении многих веков для всей Руси «окном в Европу». Эти несколько сот километров побережья Балтики Новгород прочно держал в руках. Стратегическая важность морских границ Новгорода делала его великой державой Европейского Севера. А хозяина Новгорода — фактически могучим государем на Балтике. С 970 года Новгород оказался в руках Древлянского дома.

Вот какова была Новгородская земля Добрыни и Владимира. Обладая колоссальной территорией, выгодным стратегическим положением, огромным для той эпохи экономическим и военным потенциалом, политическим весом, Новгород мог выступить и в роли спасителя Юга.

Однако до появления здесь Добрыни Новгород не был таким, ибо не имел ни политических лидеров, ни прав, ни оружия. Это видно из летописного рассказа. В 946 году Ольга спешно урегулировала общедержавные налоги Древлянской земли, то есть фактически подтвердила ее права и вольности. А уже в 947-м отправилась в Новгородскую землю — упорядочивать там те же «Уставы и уроки». Поездка Ольги показывает, что Новгородская земля при Игоре не только не имела высоких привилегий, полагающихся первой коронной земле династии, но была, оказывается, попросту бесправной и управлялась, по-видимому, варяжским наместником да еще с варяжским гарнизоном.

Спешная поездка Ольги указывает ещё и на то, что во время восстания Мала, очевидно, нарастало в Новгороде сильное брожение. Новгород надо было успокоить одним из первых. Своими вольностями и привилегиями он был обязан фактически Малу и древлянам. А это, в свою очередь, послужило одной из причин горячей поддержки, оказанной потом новгородцами Добрыне и Владимиру.

Во время восстания Мала Новгород был бессилен (ибо политически обезглавлен) и безоружен. Но теперь Новгород имел и права, и оружие, и политических лидеров общедержавного масштаба в лице Добрыни и Владимира. В случае кризиса Новгород мог теперь стать одной из решающих сил в державе.

Мы уже знаем, что меч Новгорода не остался в ножнах и что в 980 году победа Древлянского дома была равнозначна победе Новгородской земли и ее гегемонии в державе.

Коростынь. Можно ручаться, что Добрыня объездил всю Новгородскую землю. «Нет ли, — думал я, — в окрестностях Новгорода какого-либо места, где особенно ярко сохранилась память о Добрыне? И внимание мое привлекло на карте Новгородской области село Коростынь на южном берегу Ильменя. Название села необычайно напоминает Коростень — родной город Добрыни.

Не связано ли это название с нашим героем? Может быть, Добрыня сам дал такое название? А не стоял ли здесь его дальний загородный дворец? У здешних

археологов никаких гипотез на этот счет пока нет. Еду смотреть Коростынь.

Дорога идет в обход Ильмень-озера. Это древняя дорога на Юг, а также на Тверь, Ростов, Суздаль (там, где нынешняя прямая трасса на Москву, лежали веками непроходимые болота). От самого Новгорода более полусотни километров дорога идет все время в нескольких километрах от озера, так что его и не видно. Но внезапно дорога подходит к озеру вплотную, а уходя дальше на восток, снова удаляется от озера. Таким образом, Коростынь контролирует одновременно и озеро, и древнюю дорогу. Это важный стратегический пункт, созданный самой природой.

Но стратегическое значение Коростыни этим не ограничивается. По обе стороны дороги от самого Новгорода все плоско как блин. Берега же озера на всем его протяжении низкие, заболоченные. Только в одном месте берег поднимается, образуя высокий каменный уступ. И это опять-таки Коростынь. Только отсюда есть широкий обзор озера сверху. И так как обрыв (местами двухъярусный) высотой до 20 метров, то вид на озеро прекрасный. А кромка воды песчаная или плотной породы, не болотистая — стало быть, хороший причал.

Словом, место для дальней загородной резиденции Добрыни здесь идеальное. Любой гонец с Днепра или Волги не минет Коростыни, и с Новгородом тоже хорошая связь и сушей и водой, да и местность к тому же очень красивая.

Но и это еще не все. Сам уступ из белого известняка, хотя здесь полно и валунов. Они лежат у воды, и в воде, и выше. Их много и на окрестных полях. Это гранит, принесенный ледником из Скандинавии. Встречается и красный гранит, как в древлянской столице.

Во всем этом низменном болотистом крае одно-единственное место с высоким обрывом и красными гранитными валунами могло хоть чем-то напомнить Добрыне родной Коростень — и как раз это место называется Коростынь.

Притом случайное совпадение названий маловероятно, ибо гранитных валунов много и в полях, и в низменных местах — практически повсюду. То есть гранит сам по себе не признак, отличающий Коростынь от других сел и урочищ округи. Если древлянский Коростень действительно «Гранитоград», то здесь «деревней Гранитной» (топоним «Коростынь» оказался женского рода) является

вовсе не одна Коростынь, а в такой же мере десятки других деревень.

Короче говоря, название перенесено из Древлянской земли по максимально возможному сходству места — и логичней всего связывается этот перенос, конечно, с Добрыней Древлянским.

Потомки Добрыни. Кто подумает, что Коростынью следы Добрыни в Новгородской земле кончаются, тот глубоко ошибется. Их еще очень много.

После смерти Добрыни в Новгороде остались править его потомки — Добрыничи. Эта династия сыграла крупную роль как в русской истории, так и в русском летописании. Подробный рассказ о Добрыничах завел бы нас слишком далеко, но несколько слов о них сказать необходимо.

Двое потомков Добрыни также были посадниками Новгородскими. Константин, несомненно, сын Добрыни. Остромира же обычно считают сыном Константина. Однако наблюдательный Рыбаков отмечает, что Остромир вполне может быть и другим его близким родственником. Многое говорит за то, что Остромир — младший сын Добрыни от брака со шведской принцессой (известного по шведским сведениям; там имени Добрыни нет, но «вицекоролем» Руси при «Вальдемаре», то есть соправителем Владимира мог быть тогда только Добрыня).

Как Константин Добрынич, так и Остромир были летописцами, и притом весьма крупными. Рыбакову удалось установить, что среди новгородских летописей имеется обширная Остромирова летопись, составленная им в 1055—1060 годах, когда он правил Новгородской землей, а в составе летописи Остромира есть еще повесть посадника Константина о событиях десятых годов XI века[1]. Обе эти даты более ранние, чем дата киевского летописного свода триумвиров (1072), не говоря уже о его более поздних переработках, в которых он дошел до нас.

Летописи Константина и Остромира содержат много сведений, отсутствующих в других источниках, и служат яркими образцами древнерусской политической публицистики. Они проникнуты духом борьбы против самовластия и антиваряжскими мотивами. Стоит отметить и то, что в них большое внимание уделено могучей фигуре Добрыни. Это открытие Рыбакова показало, насколько превратен стандартный предрассудок, будто русские летописи

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, главка «Новгородская боярская летопись XI в.», с. 193—206.

являются церковной и чуть ли не византийской литературой и составлялись одними монахами.

Раз уж речь зашла о летописях, следует сказать, что Добрыничи оказали серьезное влияние и на киевское летописание: знаменитый Нестор Летописец (рубеж XI и XII веков) прямо указывает, что многие сведения внес в летопись со слов своего друга, боярина Яня Вышатича, внука Остромира (биография Яня развертывалась не в Новгороде, а на Юге). Еще Прозоровский предположил наличие у Яня Вышатича фамильной хроники Добрыничей, к мысли этой склонялись потом не раз и другие ученые.

Некоторые патриотические поправки, внесенные в проваряжскую и антирусскую летописную версию, явно восходят к сведениям Яня Вышатича, то есть к династии Добрыничей.

Старейшая дошедшая до нас русская рукописная книга была собственностью Остромира. Это — Остромирово евангелие (по его образцу писались потом книги по княжескому заказу). На нем есть надпись, «приписка», сделанная одним из дьяков Остромира. И в приписке развернута целая политическая теория, согласно которой Остромир (и Новгород) стоит выше всех князей (и земель), кроме государя державы (и Киева). Это побудило еще Прозоровского прийти к выводу, что боярин Остромир был в Новгороде «в качестве князя»[1], хотя и не носил этого титула. Что пост посадника Новгородского считался при нем не только княжеским по полномочиям, но и в ранге, равном княжескому. Прозоровский объяснил такой парадокс особыми привилегиями рода Добрыни (вытекавшими еще из древлянского брака Святослава).

Парадокс обнаруживается — на сей раз даже в Киевской летописи — и в положении Константина Добрынича. В 1018 году он один (с новгородским вечем, но без земельных князей) берет в свои руки право войны и мира для всей державы. Узнав о захвате Киева поляками, он отказывается признать поставленного ими в марионеточные государи русского князя и принимает решение продолжать войну. Против другого недостойного государя (по чьей вине разгромлена армия Юга Руси и захвачен Киев) он пускает в ход оружие, чтобы не дать ему дезертировать за рубеж. Константин вводит в Новгороде чрезвычайный военный налог, собирает новую

[1] Д. И. Прозоровский. О родстве св. Владимира по матери, с. 22.

армию и приводит ее с победой в Киев. Константин Добрынич в Смутное время 1015—1018 годов — как бы Минин и Пожарский в одном лице, истинный спаситель Руси от польско-печенежских захватчиков.

Но самое примечательное в этой ситуации то, что, хотя в стране есть в упомянутый момент еще не менее пяти земельных князей, ни один из них не указывает Константину, что тот поступает не по рангу. Ни один не говорит, что быть войне или миру подобает решать не новгородскому вечу, а князьям. Нет, все владетельные князья беспрекословно повинуются сыну Добрыни — всего лишь новгородскому посаднику. Более того, они явно признают его право ставить и низлагать государей. Киевская летопись недвусмысленно зафиксировала тот непреложный факт, что в 1018 году все владетельные князья державы ходят под высокой рукой боярина Константина Добрынича, но ничем его не объясняет.

Что же было источником невероятных полномочий Константина? Конечно, его положение *главы Древлянского дома* по старшинству линии, лет и поколения: он был тогда главой правящей династии, в которой все князья (сыновья и внуки Владимира) были лишь младшими ее членами. А источником привилегий Новгорода была победа 980 года!

Правление в Новгороде трех посадников (Добрыни, Константина, Остромира), которые, не будучи князьями, имели ранг, равный княжескому, подготовило переход в дальнейшем от Новгорода княжеского к Новгороду республиканскому. От правления посадников наследственных к правлению посадников выборных. И в этой связи примечательно, что в списках последующих посадников встречаются несколько раз имена Добрыня и Константин. Они могут быть династическими — ведь мы не знаем всех Добрыничей поименно.

В «приписке» к Остромирову евангелию Остромир рассматривается и как бесспорный законный наследник князя Владимира Ярославича Новгородского и его привилегий. Это возможно только в том случае, если Владимир Ярославич, строитель расширенного Детинца 1044 года и каменной Софии, тоже Добрынич! Владимир Ярославич, внук Владимира Красно Солнышко, мог быть Добрыничем только по матери. Кстати говоря, его сын Ростислав Владимирович был возведен на Новгородский стол самими новгородцами (то есть против воли триумвиров) и оказался затем в войне с триумвирами как союзник Всеслава.

Новгородские былины. Прочной связью Добрыни с Новгородом является и само наличие былин. В представлении читателей сочетание слов «Новгород» и «былины» вызывает обычно в памяти лишь фигуры Садко и Василия Буслаева, то есть былины, где речь идет о новгородцах (о них здесь речи не будет, ибо это былины значительно более поздние). Но новгородцами были и Владимир с Добрыней! А главное, весь основной ареал бытования былин в XIX и XX веках оказался связанным с Новгородом.

Открыт этот ареал в 1858 году П. Н. Рыбниковым — и открытие произвело сенсацию. Массовое бытование былин было обнаружено в Олонецкой и Архангельской губерниях, то есть в сегодняшних Мурманской и Архангельской областях и Карельской АССР.

Но это же не Новгород? Бесспорно. Однако это как раз те дальние окраины Новгородской земли, о которых говорилось выше. Постепенно они были заселены русскими из Новгорода. На самой же коренной Новгородчине былин удалось записать очень немного. Причиной тому, видимо, царские расправы с новгородцами в XV—XVI веках, а также сильное изменение состава населения в результате основания и роста Петербурга.

Русский Север оказался не просто главным очагом бытования былин. Он дал науке и культуре во много раз больше былин, чем все остальные территории страны. «Если в Архангельской и Олонецкой губерниях число записей былин достигает 676, — пишет исследовательница С. И. Дмитриева, — то во всех остальных оно не превышает 105 номеров, включая 43 казачьих песни на былинные сюжеты, которые... лишь условно можно считать былинами»[1].

Почему же былины сохранились именно на Севере? Долгое время причину видели в разных особенностях северного быта. И так как с XIV—XV веков в последующую Архангельскую губернию направлялся поток переселенцев и из прежней Ростовской земли (разбившейся к тому времени на множество княжеств), считалось, что былины занесены на Север в равной мере из Ростовской и Новгородской земель. Дмитриева показывает, что былины бытовали не повсеместно на Севере, а исключительно среди потомков новгородских поселенцев.

[1] С. И. Дмитриева. Географическое распространение русских былин. М., 1976, с. 21.

Таким образом, *сохранением главного пласта русской былины мы обязаны Новгороду.* Это, несомненно, связано с запретностью былин там, где княжили потомки триумвиров. Но еще и с тем, что среди новгородцев осталась жить неистребимая память о временах новгородской гегемонии в державе и борьбы за нее. Потому-то на далеких окраинах Новгородской земли (как когда-то по всей этой земле) продолжали столетиями бытовать былины о далеких X и XI веках.

Интересы, за которые сражались тогда Новгород и его союзники, были не областническими, а общенародными. И Новгородская земля сохранила для потомков не отдельный новгородский, а *общерусский эпос.* В том числе и древлянско-киевский (хотя и сама, конечно, принимала участие в сложении Владимирова цикла былин). Благодаря Добрыне.

София Добрыни. Но если София Новгородская возникла в Новгороде при Добрыне, то кем она заложена? Киевская летопись о ней вообще молчит. А из большой группы новгородских имя ее основателя называет только одна, приписывая постройку церкви первому епископу Новгородскому Иоакиму, что, однако, сомнительно, ведь новгородские летописи побывали в руках триумвиров. Кроме того, главные соборы земель в те времена закладывали вовсе не епископы, а хозяева земель, князья! Десятинную церковь в Киеве заложил сам Владимир, в ней он и погребен. Спас Черниговский заложен его сыном, Мстиславом, хозяином княжества Черниговского. В этом соборе Мстислав и похоронен. Каменную Софию Новгородскую заложил внук Владимира I, хозяин княжества Новгородского Владимир Ярославич, и в ней он покоится. Таких примеров можно привести и больше. Закономерность ясна.

По-видимому, и полновластный хозяин Новгородской земли также основал свою церковь. А из этого следует, что *дубовая София Новгородская заложена Добрыней.* Будущие раскопки, возможно, обнаружат саркофаг, в который был положен некогда прах Добрыни. Естественно, подобающее участие в строительстве принимал и Иоаким.

Тринадцать верхов дубовой Софии Новгородской иной раз трактовались как символ Христа и 12 апостолов. Это предлагалось на основе византийского толкования Софии — Премудрости Божьей. В Византии она отождествлялась с Христом (в позднем же московском толковании — с Богоматерью). Увы, объяснение не выдержало критики. Если б так, то мир должен был бы кишеть

тринадцатиглавыми церквами. Между тем тринадцатиглавие оказалось явлением совершенно исключительным, оно ограничивается двумя Софиями — дубовой Новгородской и Киевской. «Других культовых храмов о тринадцати верхах, — отмечает искусствовед Кресальный, — архитектурная наука не знает»[1].

Как же тогда расшифровывается тринадцатиглавие дубовой Софии Новгородской? В свете развертывающейся постепенно подлинной картины той эпохи символика эта была, вероятно, политической: 12 федеральных земель Руси вокруг тринадцатой, центральной главы — Древлянского дома, объединившего их в борьбе и в свободе. Двенадцать плюс одна (кстати, у Десятинной церкви было 25 глав — дважды 12 плюс одна). Таким образом, дубовая София Новгородская наглядно воплощала важные политические идеи эпохи — единство Русской державы, ее федеральный строй, оплот единства (это он позволил Руси свергнуть столетнее варяжское иго) и власть патриотической и свободолюбивой династии.

Здесь, в Новгороде, воздвиг Добрыня это замечательное здание. Здесь, в Новгороде, Добрыня правил многие годы. Его оружием он, господин Великого Новгорода, добился победы.

Бесконечно многое в городе и древней Новгородской земле связано с его именем, говорит о его делах, хранит его память. Новгород — вторая родина Добрыни. И конную статую в Новгороде Добрыня заслужил не менее, чем в Коростене.

Глава 7
Что произошло в Киеве?

Система умолчаний. Возникшая перед нами панорама русского Севера X века поистине величественна. Но при этом бросается в глаза, что в державе явно произошли после 970 года непредвиденные события. Святослав, вручая Добрыне регентство Новгородской земли, безусловно, не давал ему мандата ни на установление новгородской гегемонии в державе, ни на смену веры и, видимо, ни на многое другое. В 970 году Добрыня был, казалось, после тяжких испытаний в зените славы и почета, а в державе ничто не предвещало новой гражданской войны. Можно

[1] Н. И. Кресальный. Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1960, с. 232.

ручаться, что Добрыня, уезжая в Новгород, не имел ни малейших замыслов идти походом на Киев или свергать Святослава. Напротив, регентство сына Мала в Новгороде было одной из прочнейших опор трона Святослава, а брак Святослава с Малушей — залогом могущества Добрыни и Владимира.

Лишь чрезвычайные обстоятельства могли побудить Добрыню к походу на Киев. И действительно, произошли именно такие события. Какова же была в них роль Новгорода?

Если мы обратимся к летописям, то обнаружим странную вещь: в течение целого десятилетия, с 970 по 980 год, ни Новгород, ни Добрыня, ни Владимир не принимают в исторических событиях никакого серьезного участия. С 970 по 977 год их имена вообще не упоминаются. А на Юге тем временем гибнет Святослав, вспыхивает усобица между его старшими сыновьями. Однако все эти и другие события оставляют Новгород и его правителей совершенно безучастными.

Только в 977 году их имена стали появляться на арене, да и то в недостойной роли. Владимира в том году обуял де страх, он «убоялся» брата Ярополка и, бросив Новгород на произвол судьбы, бежал с Добрыней за море. Лишь в 980 году, то есть через три года, он возвращается в Новгород и вслед за тем в том же году берет сначала Полоцк, а затем и Киев.

Однако правдоподобно ли полное бездействие Добрыни и Владимира до самого 977 года? Новгород был слишком крупной силой в державе, а Добрыня слишком капитальной фигурой, чтобы стоять в стороне. Все, что бы ни случилось на Юге, прямо касалось и первой коронной земли династии и шурина Святослава! Столь же странно приписывание Владимиру с Добрыней трусости.

Насколько же полна в летописи информация о Добрыне? Один важный пробел нам давно известен — летопись скрывает его древлянское происхождение. А как обстоит дело с его поздней биографией? Оказывается, немногим лучше. Летопись не сообщает ни даты смерти Добрыни, ни места ее, ни обстоятельств кончины, ни места погребения.

Всего этого нет не только в киевской летописи, но и в новгородских. Дело в том, что в период глубочайшего унижения Новгорода (в 60—70-х годах XI века) там хозяйничали карательные экспедиции триумвиров. И новгородские летописи тогда побывали в их руках. Сведе-

ния о конце жизни Добрыни явно принадлежали к числу самых неприемлемых для узурпаторов. Систематическое устранение множества сведений о Добрыне из летописи, конечно, дело их рук. По их милости мы даже не знаем, умер ли Добрыня уже в XI веке или еще в X.

Устранение сведений проведено системно: оно подчинено проваряжским и антидревлянским мотивам, всякое упоминание триумфа Древлянского дома было запретным, ибо противоречило интересам узурпаторов, произведших реставрацию Варяжского дома. Стало быть, разумно предположить, что неучастие Новгорода в событиях с 970 по 977 год также очередной династический миф триумвиров. И что умолчания будут касаться не только роли Новгорода, но и самих событий на Юге. Вместе с тем, не поняв, что́ произошло в те годы на Юге, нельзя понять и того, почему Добрыня и Владимир в 980 году пришли с победой в Киев.

«Семейная ссора». Династические хроники триумвиров следующим образом излагают события: в 971 году Святослав, отличавшийся одновременно храбростью и безрассудством, попал по собственной вине (не послушав здравого совета опытного воеводы Свенельда) в печенежское окружение за Днепровскими порогами и в 972-м погиб там. В Киеве стал государем его старший сын Ярополк и воеводой при нем — Свенельд. Несколько лет все было тихо.

Но в 975 году Лют Свенельдич заехал охотиться во владения Олега Древлянского (среднего сына Святослава) и был за то убит последним. Тогда Свенельд, мстя за гибель сына, стал натравливать Ярополка на брата, побуждая отнять у него Древлянскую землю. В конце концов происки Свенельда увенчались успехом: Ярополк пошел на брата войной, и в 977 году Олег погиб при обороне своей столицы Овруча. Погиб случайно — в панике его свои же столкнули в ров, окружавший крепость. Чтобы найти тело князя, трупы пришлось выгребать с утра до полудня. Ярополк оплакал Олега и упрекнул Свенельда за его смерть. Но Владимир не поверил в раскаяние Ярополка, счел его братоубийцей и, опасаясь за свою жизнь, бежал за рубеж, откуда вернулся через три года и сверг Ярополка.

Перед нами картина случайной семейной ссоры в княжеском роду. Мотивировки событий внутри нее более или менее согласованы. Но могла ли семейная ссора стать причиной таких грандиозных последствий,

которые выразились в строительстве богатырских застав, смене веры, установлении новгородской гегемонии или сложении главного русского цикла былин?

Только одна яркая деталь выдает истинный характер событий — ров, из которого трупы выгребали с утра до полудня. Если такая бойня произошла в Овруче, то что же делалось в 977 году по всей Древлянской земле? Она явно была залита кровью.

Нет, война между Ярополком и Олегом — вовсе не семейная ссора, а гражданская война в державе. Сама по себе она уже означает войну между Полянской и Древлянской землями, то есть ни много ни мало как возобновление событий 945—946 годов! И разве это, в свою очередь, не означает, что после гибели Святослава реформы Ольги каким-то образом были перечеркнуты и почетный порядок земель 970 года полностью поломан?

В самом деле, третья по рангу земля в державе была раздавлена военной силой. И сразу же после этого вторая по рангу земля в державе, Новгородская, также была покорена Ярополком. Как Древлянская земля, так и Древлянский дом потеряли в 977 году все привилегии, бывшие следствием древлянского брака Святослава. И разве не очевидна взаимосвязь сдачи Новгорода с падением Овруча? Она означает не трусость Владимира и не страх его за свою жизнь. На исторической карте эта взаимосвязь означает *наличие новгородско-древлянской земельной коалиции*, ее согласованные военные действия против Ярополка задолго до 977 года и ее тяжелое поражение в 977 году.

Южный и Северный фронты. В новом древлянско-полянском конфликте Древлянская земля имела после 970 года (в отличие от 945—946-го!) естественную союзницу в лице Новгородской. На Юге театр военных действий в новой гражданской войне оставался тот же, что при Мале, и отдельного рассмотрения не требует. Но стратегические последствия существования новгородско-древлянской коалиции рассмотреть необходимо.

Горячее желание Добрыни спасти родную Древлянскую землю от кровавой расправы понятно. Тем не менее падение Овруча показывает, что до 977 года включительно войска Новгорода так и не были переброшены в Древлянскую землю. Почему? Ответ подсказывает историческая география.

Чтобы выйти по днепровскому пути в Древлянскую

землю (или к Киеву), новгородское войско должно было пройти сначала Смоленскую землю, затем Радимичскую (ее столицей был Гомий, нынешний Гомель). Другого пути здесь не было. Гибель Олега показывает, что днепровский путь был прочно заблокирован Ярополком задолго до 977 года.

Где же мог стоять заслон Ярополка? На полянско-радимичской земельной границе? (Она проходила немного северней Любеча.) Вряд ли. Ибо это было слишком близко к Южному театру военных действий. Отсюда Добрыня легко прорвался бы на выручку Древлянской земли.

Видимо, заслон должен был быть выдвинут дальше на север. Не на радимичско-смоленскую ли границу? Нет, такой вариант тоже был бы слишком опасен для Ярополка, ведь он оставлял Смоленскую землю без защиты, делал ее легкой добычей Добрыни и позволял ему продвинуть без труда новгородские войска до полпути на Юг. А если бы Смоленская земля оказалась в руках Владимира и Добрыни и между ними и Полянской землей лежала одна Радимичская, это сразу сделало бы военное положение Ярополка шатким.

Стало быть, Ярополку следовало выдвигать заслон как можно дальше на север? Да, только это гарантировало, что с Олегом можно будет в конце концов расправиться в одиночку. Историческая карта показывает, что вероятнее всего заслон был выдвинут не на радимичско-смоленскую границу, а на смоленско-новгородскую.

Таким образом, вырисовывается начальная дислокация войск перед войной: сильная Северная армия Ярополка стоит на границе с Новгородской землей, имея в тылу опорную крепость Смоленск. Задача Северной армии — не допустить войско Новгорода на Юг, где действует другая армия Ярополка, задача которой — раздавить Древлянскую землю.

При этом Смоленская и Радимичская земли были прочно в руках Ярополка, из чего видно, что первым военным ходом Ярополка было как раз выдвижение войск далеко на север, благодаря которому эти две земли не могли перейти в руки Добрыни, когда начнется гражданская война. А это, в свою очередь, показывает, что гражданская война в державе была затеяна Ярополком, и притом в очень благоприятной для него обстановке: он мог подготовить позиции для нее

заранее, задолго до ссоры Олега с Лютом. Стало быть, уже в 974 году гражданская война находилась в стадии открытой подготовки.

Почему Ярополк не мог начинать войны против Олега до выставления сильного заслона на севере? А потому, что само существование новгородско-древлянской коалиции вынуждало его вести войну на два фронта. И хотя коалиция воевала на двух разобщенных фронтах, у них было отличное взаимодействие. Не имея возможности привести свои войска в Овруч, Добрыня, однако, связывал Северную армию Ярополка. Если бы Северный фронт соединился с Южным, Ярополка постигла бы катастрофа. И первая стратегическая задача Ярополка состояла в том, чтобы не допустить не только соединения, но даже сближения Северного фронта с Южным. Только после этого можно было надеяться победить Олега.

Заслон Ярополку удалось выставить далеко на севере. И Добрыне пришлось начать бой в тяжелой для себя обстановке. Но, вынудив Ярополка вести войну на два фронта, Добрыня уберег Древлянскую землю от быстрого разгрома, не дал противнику сосредоточить войска для решающего удара ни на одном направлении.

Если бы Ярополк снял свою Северную армию с новгородской границы, чтобы бросить ее против Олега, Владимир и Добрыня немедленно начали бы наступление на Смоленск и вскоре оказались бы у ворот Киева! А если бы Ярополк решил сначала расправиться с Новгородом, бросив против него и свою Южную армию, Олег немедленно взял бы Киев коротким прямым ударом через Ирпень.

О взаимодействии фронтов говорят и последующие события: падение Овруча имело немедленным следствием и падение Новгорода. Какой-то неизвестный фактор (наиболее вероятна печенежская интервенция) обеспечил Ярополку победу над Олегом, и Южный фронт перестал существовать. Только после этого Ярополк смог сразу бросить все силы на Новгород. И Добрыне с Владимиром (и конечно, с новгородской армией да и флотом) пришлось уходить за рубеж. Так вырисовывается постепенно общая стратегическая картина. Причины же и политический характер войны остаются пока не ясны.

Но мысль о преемственности древлянской програм-

мы направшивается сама собой. А Ярополк? Почему он начал войну? Почему порвал с политикой отца? Какие силы представлял?

Не знает ли былина что-нибудь о союзниках и противниках Добрыни? Да, знает. Ее сведения обильны и значительно дополняют картину.

Четвертый древлянский богатырь. Мы встречаем в былине несколько участников интересующих нас событий. И прежде всего одного из самых известных былинных богатырей — Вольгу Святославича. Он, как выяснила наука, не кто иной, как князь Олег Древлянский.

Это чрезвычайно важно само по себе, ибо перед нами уже четвертый *древлянский* богатырь. Вслед за Владимиром, Добрыней и Малом Древлянским (в былине он, как мы помним, носит имя Никиты Залешанина) мы видим среди героев былины теперь и брата Владимира — Олега Древлянского. Это новое доказательство того, что Владимиров цикл былин, жемчужина русского эпоса, насквозь пронизан древлянскими мотивами. Но это важно еще и потому, что в числе героев былины оказался как раз тот человек, из-за спора которого с Лютом, по летописной версии, и произошли последующие драматические перемены в жизни страны, в частности в судьбах Владимира и Добрыни.

Расшифровка фигуры Вольги потребовала от науки более чем столетних трудов. К какому только времени не относили былины о нем — к XVI веку, к IX, к XI... С кем только Вольгу не отождествляли — с мифическим оборотнем, с князем-варягом Олегом Вещим, с Всеславом Полоцким, даже с княгиней Ольгой... Несколько раз ученые нападали на след, но тут же теряли его.

Так, еще в комментариях к сборнику Рыбникова в 1861 году П. А. Бессоновым было подмечено близкое совпадение некоторых эпизодов былин о Вольге с летописными сведениями об Олеге Древлянском. Но это было сочтено лишь частностью, анахронизмом, а главным прототипом Вольги сочтен Олег Вещий. Так, фольклорист Н. И. Коробка подметил, что Крестьяновец (один из былинных городов, которыми владеет Вольга) есть просто искаженное название Коростеня, а Гурчевец — Овруча. Но, верно локализовав место действия в Древлянской земле, Коробка пошел по ложно-

му следу, решив, что речь идет о подавлении восстания Мала (зато Коробка первым обратил внимание на обильные предания о X веке, сохранившиеся на территории древней Древлянской земли). Окончательно разгадать лицо Вольги-богатыря удалось лишь Рыбакову.

Вольга Святославич. Одним из ключей к расшифровке служило само имя героя. Науке давно было известно, что «Вольга» просто одна из форм произношения имени Олег (такие разночтения имени были зафиксированы, например, в летописях XII века). Поэтому давно начались поиски: какой же Олег изображен в былинах о Вольге. И так как князей Олегов было много с IX по XV век, датировки былины предлагались от IX до XVI века (не стану всех их перебирать).

Рыбаков обратил, однако, пристальное внимание не только на имя, но и на былинное *отчество* — и сделал вывод: «Нам надо предпринять поиски русского князя Олега Святославича»[1]. Отведя несколько летописных Олегов Святославичей из-за отсутствия всяких совпадений прочих признаков, он вскоре обнаружил, что в случае Олега Древлянского совпадений множество. Остановлюсь на некоторых из них.

Проверка Рыбаковым «городов Вольги» подтвердила расшифровку и локализацию Коробки. Былинный Ореховец оказался древлянским Олевском, Туринск — Туровым, столицей Дреговичской земли (северной соседки Древлянской). А совсем уж загадочный Вольга-город, куда едет Вольга в одной из былин, Рыбаков сумел расшифровать как «город Ольги» — Вышгород (под Киевом).

Итак, из пяти городов, связанных с былинным Вольгой, три древлянских, а два расположены по соседству с Древлянской землей. Когда же Рыбаков перешел к сравнению отдельных былинных эпизодов с летописными, оказалось, что сходство все возрастает. Так, Вольга стал распоряжаться дружиной в десятилетнем возрасте, а Олег получил от отца Древлянскую землю в 10—12 лет. Нашлись и другие совпадения. Сомнения отпадали одно за другим: былинный герой (хотя элемент фантастики в былинах о нем исследователю был отлично известен) оказался историческим Олегом Древлянским. И былины о нем датировались

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 55.

коротким промежутком с 970 по 977 год, а отдельные эпизоды — *с точностью до года.*

Итак, Олега Древлянского былина знает. А знает ли она его противника, Ярополка?

«Царица». Нет, имени Ярополка в былине нет. Противники окажутся другие. Былина сохранила следующий многозначительный эпизод:

Поезжал Вольга́ в Вольгугород,
Видела царица нехороший сон:
Бьется соко́л да с черны́м вороно́м,
Перебил соко́л да черна́ ворона́.
Ясный тот сокол — Вольга богатырь,
Черный тот ворон — то сам Сантал[1].

То, что Вольга назван ясным соколом, показывает, что былина видела в Олеге Древлянском крупного деятеля, защитника народных интересов. Интересы его противника, судя по эпитету «черный ворон», были явно антинародными. Былина славила предстоящий поединок Олега и надеялась на его победу над «черным вороном». Но эта самая перспектива чрезвычайно встревожила некую «царицу». Кто же она?

Конечно, этот титул не точен, он более поздний. Но, став тогда привычным, он естественно проник и в былину. Потому и расшифровать его легко. Он соответствует для X века положению великой княгини Киевской — жены государя всея Руси. Этот титул вполне подошел бы Ольге или Малуше, но контекст исключает обеих (кроме того, Ольга умерла еще в 969 году).

Кто же может быть «царицей» в это время? Ситуация указывает на жену нового государя — Ярополка. Так, может быть, загадочный Сантал и есть Ярополк? Может быть, перед нами просто пример сдвига имен, какие при устном бытовании былин не исключены? Ведь адрес поездки Вольги также указывает на встречу с Ярополком. Вышгород находится уже в Полянской земле. Высокий княжеский ранг Олега плюс его положение владетельного князя ясно говорят за то, что в чужую землю он мог ехать только к равному себе по рождению, к владетельному князю. Таким был в Полянской земле тогда один Ярополк. География и ранг отлично согласуются с наличием в былине фигуры «царицы».

Итак, Олег Древлянский поехал в полянский Вышгород, вероятно, для какого-то важного свидания с

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 55.

Ярополком, которое предвещало гражданскую войну (что делает вполне естественной тревогу жены Ярополка). Это датирует эпизод 973—974 годами (после смерти Святослава, но до первой пролитой крови, до насильственной смерти Люта). Так, может быть, Сантал действительно просто былинный псевдоним Ярополка?

Нет, Сантал не Ярополк, а другой человек. Ярополк в былине фигурирует лишь как бледная тень. Былина знает, что он государь, но считает его тем не менее фигурой незначительной, не заслуживающей даже поименного упоминания. Даже «царица» важней его самого! Иными словами, былина считает Ярополка чьей-то марионеткой. Видимо, марионеткой таинственного Сантала.

«Черный ворон». Подлинное имя Сантала было разгадано все тем же Рыбаковым. Имя было действительно искажено, но не до неузнаваемости — под ним скрывался летописный враг Олега Древлянского Свенельд. Кстати, в летописи и начало войны между братьями, и гибель Олега приписаны зловещему влиянию Свенельда на Ярополка.

Таким образом, летописные и былинные фигуры совпадают. Но версии резко расходятся. Летопись вообще не знает никакой вышгородской поездки Олега, а Свенельд стал его врагом только мстя за сына. В былине же Олег считает своим главным врагом вовсе не Люта (которого, в свою очередь, нет в былине), а самого Свенельда, бросает ему вызов своей поездкой и, судя по «вещему сну царицы», сам собирается вступить с ним в бой. В летописи цель Олега — оборона своей земли от Ярополка, подстрекаемого Свенельдом. В былине же цель Олега с самого начала, еще до стычки с Лютом, — свержение Свенельда (очевидно, за его политику, за которую он заслужил в народе эпитет «черный ворон»).

Эта дополнительная информация первостепенной важности, несомненно, отвечает положению Олега как союзника Добрыни и Владимира. Она позволяет предположить, что *Добрыня и его союзники с самого начала стремились вырвать инициативу у Ярополка.* Естественно, возникает желание узнать продолжение былинной версии: может быть, там все-таки найдутся и Лют, и подробности поединка «ясного сокола» Вольги с «черным вороном» Санталом.

Увы, как раз это и невозможно: на словах «то сам

Сантал» былина обрывается. Просто потому, что продолжение ее до нас не дошло, забылось (кто знает когда!). «Можно думать, что бой «сокола» с «черным вороном» был в свое время разработан подробнее, — заключает Рыбаков, — так как до нас, несомненно, дошли лишь незначительные фрагменты описания борьбы с Санталом»[1].

Не дошедшие до нас былины вряд ли ограничивались недвусмысленным эпитетом «черный ворон», они, видимо, содержали и перечень его злых дел. Но коль скоро перечень этот прочесть невозможно, остается присмотреться к самой фигуре Свенельда. Кем он вообще был, если мог оказывать столь сильное влияние на Ярополка?

Человеком весьма могущественным. Воеводой Святослава, оставшимся воеводой и при новом государе — Ярополке. Пост воеводы был одним из самых высоких в державе. Достаточно напомнить, что Свенельд подписывал вслед за Святославом мирный договор с императором Византии. Воевода здесь не просто полководец. Выражаясь современным языком, это что-то вроде военного министра или начальника генштаба. Будучи правой рукой государя в управлении войском, воевода, разумеется, оказывал большое влияние и на другие государственные дела.

Наследственный враг Добрыни. Но Свенельд был не только влиятельным человеком при дворе, но еще и человеком, имеющим самое прямое отношение к Добрыне. Рисуя Свенельда как врага Олега, летопись тщательно скрывает, что он был также врагом Добрыни и Владимира, старается создать впечатление, будто в борьбе против них он не участвовал. Между тем суть дела была как раз в том, что Свенельд видел своего главного врага не в Олеге, а именно в Добрыне.

Свенельд был варяг. И фигура его нам уже знакома! Во-первых, это тот самый Свенельд, которого академик Шахматов по недоразумению превратил безо всякого основания в деда Добрыни, построив свою «свенельдичскую версию». А во-вторых, что еще важнее, — это тот самый варяг Свенельд, который в 946 году командовал войском Ольги против Мала! Это он принудил Мала сначала к отступлению, а затем к капитуляции и (как я уже отмечал), вероятно, при-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 58.

нимал эту капитуляцию рядом с Ольгой и шестилетним Святославом. Возможно, он же конвоировал пленного Мала из сданного Коростеня в Любечский замок. Он был и давним врагом Добрыни, который лично Свенельду был «обязан» десятилетним рабством своим и сестры.

И вот теперь мы видим эту фигуру 40-х годов X века в 70-х годах. Свенельд не только жив, но и продолжает играть активную роль в политике, стоя у трона Святослава и Ярополка. Радоваться союзу Ольги с тем самым Древлянским домом, который он сумел победить в 946 году, Свенельд не мог. При новом возвышении Древлянского дома он должен был стать его заклятым врагом. При жизни Ольги и Святослава, возможно, тайным. Но при Ярополке — открытым.

Чрезвычайно многозначительно, что у Олега Древлянского тот же враг, что у Мала Древлянского и Добрыни Древлянского. Итак, в 70-х годах у Древлянской земли снова тот же противник, что в 946 году, — Свенельд (летопись это признает). Но и у Древлянского дома тот же противник — Свенельд (летопись это скрывает). И у Свенельда те же противники (хотя в новой комбинации) — Древлянская земля и Древлянский дом!

Снова варяжский вопрос. Но если прямая преемственность конфликта спустя тридцать лет очевидна, то это должно означать, что Древлянский дом и Древлянская земля в 70-х годах снова сражались под *антиваряжским* знаменем.

Летопись, правда, рисует «войну из-за Люта Свенельдича» как семейную ссору и чистую случайность: не было бы злополучной охоты Люта, не было бы и самой войны между братьями-князьями. Но Рыбаков категорически отказывается принять на веру летописную мотивировку: истинные причины вражды и войны крылись в остром политическом конфликте между русскими и их притеснителями — варягами.

Ученый пишет: «После гибели Святослава Свенельд стал крупнейшей фигурой в Киеве, так как князь Ярополк был очень юн. Властный воевода-варяг, окруженный собственной богатой дружиной (вероятно, тоже варяжского происхождения), был своего рода киевским мажордомом и олицетворял собой варяжское начало в управлении Русью». «Историю былины... можно представить себе так: юный князь Олег стал известен на-

роду тогда, когда он поднял руку на сына самого могущественного человека — Свенельда — и наказал нарушителя «ловищ и становищ», убив его собственной рукой. Это был смелый вызов мажордому-варягу, десятки лет стоявшему у кормила власти; с этого поединка началась решительная и успешная борьба с варягами внутри Руси»[1].

Исходя из этого, Рыбаков расценил былины о Вольге как «древлянско-киевский антиваряжский эпос»[2], время их первоначального сложения датировал 975—977 годами и отвел им место как бы заставки, открывающей Владимиров цикл былин.

Киевский мажордом. Термин «киевский мажордом» Рыбаков употребляет не в привычном современном значении — глава штата слуг в особняке богатого человека, а в историческом. Во Франции этот титул некогда принадлежал высокознатным людям при дворе династии Меровингов. Мажордомы Каролинги одновременно имели важные придворные права и командовали войском Франции (и в конце концов узурпировали трон).

Термином «киевский мажордом» ученый подчеркивает, что Свенельд был не просто в большой силе при дворе Ярополка, чего, конечно, не было ни при Ольге, ни при Святославе. Ученый верно подчеркивает причину этого — молодость Ярополка. В самом деле, Святослав погиб в 972 году всего 32 лет отроду, а потому Ярополк вряд ли был намного старше Владимира.

Юность трех братьев-князей в 970 году, когда они получали княжения от отца, и в первые последующие годы — фактор чрезвычайной важности. Числясь владетельными князьями, они сами править реально еще не могли. За всех трех Святославичей долго правили другие люди. Малолетство Владимира, как мы уже знаем, сделало реальным хозяином Новгородской земли Добрыню. В случае Олега реальная власть оказалась, судя по всему, в руках лидеров Древлянской земельной думы (это видно из того, что Олег оказался во вражде с Ярополком, хотя они были сыновьями одной матери, а не союзником Ярополка против Владимира, как могла подсказать солидарность по рождению). У Ярополка в 970 году имелся, видимо, какой-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 55, 58.
[2] Там же, с. 61.

то регент (или, по крайней мере, группа советников) из высшей полянской знати. Свенельд регентом быть не мог, ибо ушел со Святославом в поход в Болгарию. Но в 971 году Свенельд вернулся в Киев и вскоре стал «киевским мажордомом», оттеснив от трона Ярополка всех возможных соперников. Обстоятельств борьбы за главное место у трона мы не знаем.

Но в этой связи привлекают внимание две фигуры — «царица» и Лют Свенельдич. Прекрасным средством максимально упрочить свое положение возле трона могла быть для Свенельда женитьба Ярополка на его дочери (или племяннице, или внучке). Наличие у Ярополка других жен этому нимало не мешало, а положение «царского» тестя давало бы Свенельду огромные права (вспомним, какие права давало Добрыне положение шурина Святослава).

Пост воеводы формально зависел от милости князя, но права тестя государя были значительно прочней. Они делали Свенельда не фаворитом-временщиком, а полноправным регентом при юном государе (сравним регентство Ольги). Подозрение о таком браке Ярополка очень велико. Кстати, его жена, как орудие воли Свенельда, могла быть в этом случае более заметной политической фигурой, чем сам юный князь.

Что до Люта, то, как справедливо отмечает Рыбаков, его охота во владениях Олега была не шалостью, а серьезной провокацией. Если же учесть, что такую провокацию совершает сын «мажордома», то перед нами, в сущности, претендент на пост *наследственного мажордома,* бравирующий тем, что уже вправе оскорблять принцев крови, владетельных князей! Ведь по рангу мальчик Олег в тот момент — второе лицо в державе после Ярополка.

К тому же охота Люта во владениях Олега Древлянского означала не просто нарушение чужих охотничьих угодий, но очевидное вторжение в Древлянскую землю. Да еще в обстановке, когда отношения между Олегом и Ярополком (и их землями!) уже стали напряженными и, видимо, как раз из-за роли Свенельда.

В свете сказанного поведение Люта Свенельдича обнаруживает вещь неожиданную: династия Свенельдичей вскоре после смерти Святослава стала сильней династии Рюриковичей! Это грозило ни много ни мало скорым воцарением Свенельдичей. Сообразить это со-

временникам было нетрудно, тем более что история воцарения Каролингов была на Руси известна (в летописи есть термин «корлязи», расшифрованный учеными как «каролинги»).

Одним словом, Свенельд, как верно подметил Рыбаков, стал при Ярополке не вторым, а *первым человеком в Киеве,* фактическим хозяином Киева. Его сын Лют был явным наследником отца. И фигурой чрезвычайно зловещей. К 977 году, когда Олег оказался в могиле, а Владимир в изгнании, единственным Рюриковичем остался на Руси молодой Ярополк. Что случилось бы, если б он внезапно умер? Хозяин Киева, Свенельд, вероятно, захватил бы трон. И если бы Лют не был убит в 975 году, он наследовал бы трон от отца. Вместо воспетого былинами славного княжения Владимира Красно Солнышко вполне реальной перспективой для Руси было на рубеже X и XI веков княжение Люта Свенельдича. Не видеть этой угрозы русские той эпохи не могли.

Таким образом, сразу же после смерти Святослава (а возможно, еще при его жизни, но в его отсутствие в 971 году, когда он попал в печенежское окружение) верховная власть в державе оказалась фактически захваченной Свенельдом, а юный Ярополк стал лишь его марионеткой. И это означало нечто большее, чем просто власть одного временщика или даже одного знатного рода Свенельдичей.

Глава варяжской партии. Академик Рыбаков точно приметил, что Свенельд олицетворял варяжское начало в управлении Русью и был окружен собственной варяжской гвардией. Он был значительной фигурой еще при Ольге, и дать ему отставку она не могла, ибо Свенельд был спасителем трона Святослава (и ее самой) в дни восстания Мала. Долг Святослава и Ольги перед ним был слишком велик, и столь же велико было ответное доверие Святослава к Свенельду. А столь высокое положение Свенельда делало его естественным главой варяжской партии в державе.

Партия эта продолжала существовать и после смены Ольгой варяжской политики Игоря на славянскую. Приветствовать эту смену политики варяжская партия никак не могла. Ольге и Святославу приходилось теперь покупать ее верность престолу милостями и щедротами. Но такое положение имело собственную логику, и варяжская партия должна была мечтать о

большем — о политическом реванше, о восстановлении власти варягов над русскими. И возлагать отныне главные надежды уже не на дом Рюрика, пошедший на «постыдный» и «предательский» союз с Древлянским домом, а на дом Свенельда.

Смерть Святослава создала вакуум власти на престоле, и малолетство Ярополка дало мечтам варяжской партии шанс осуществиться. У власти встал в лице Свенельда не одинокий честолюбец. В его лице у власти теперь стояла снова варяжская партия, что было фактически равнозначно *варяжскому перевороту в Киеве*.

Это, несомненно, означало, что варяжская партия взяла реванш за свое политическое поражение при Ольге и что она имела открытое намерение уничтожить все реформы Ольги в масштабе державы, подчинить возрожденному варяжскому деспотизму все земли Руси до единой. Ошибиться в этом оношении не мог никто — ни варяги, ни русские. И менее всех Добрыня.

Глава 8
Добрыня начинает борьбу

Глава славянской партии. Мы не знаем ни точной даты варяжского переворота в Киеве (972 или 971 год?), ни его обстоятельств. Но былинный эпитет «черный ворон» становится порукой тому, что их, несомненно, знала вся страна. Для варяжской партии вновь пробил час торжества. Но для Руси приход Свенельда к власти означал катастрофу. Обстановка требовала от славянской партии немедленных решительных действий.

Кто же должен был этими действиями руководить? Очевидно, глава славянской партии. Такой пост, правда, в летописи не фигурирует. Но в политической реальности державы он затмевал многие другие. Так, во времена Игоря главой славянской партии в державе был, как мы знаем, Мал. Затем главой славянской партии (а не варяжской) предпочла стать Ольга. А из того, как были разделены земли в 970 году между сыновьями Святослава, видно, что ту же славянскую партию предпочел и сам Святослав.

Но новый государь, Ярополк, оказался в руках варяжской партии. Кому же предстояло теперь возглавить славянскую партию? Что вообще для этого требовалось? Во-первых, сообразно понятиям времени,

высокая знатность. Во-вторых, реальная власть (как показывает пример Мала) по крайней мере над одной землей. Это позволяло главе славянской партии пустить против варяжской партии в ход военную силу. И, в-третьих, очень важный психологический фактор — принципиальность и способность снискать в народе доверие и любовь. Без этого знатность не стоила и ломаного гроша.

Кто же теперь отвечал таким условиям? Наибольшей знатностью обладали два принца крови, два молодых Святославича — Олег и Владимир. Оба они были в лагере славянской партии, что было для нее, конечно, козырем. Так не мог ли один из них возглавить славянскую партию?

Нет, не мог. Владимиру в 971 году было всего 11 лет. Олегу — 11—12. В таком возрасте они еще не могли править сами. Княжить могли, но возглавлять борьбу — нет. А в подобной ситуации возглавить славянскую партию означало не просто занять почетный пост, а вступить в смертный бой. Это мог сделать лишь человек, способный принимать стратегические решения. Момент был критический, и потому зрелый возраст и политический опыт претендента на пост главы славянской партии были гораздо важнее княжеского ранга.

Единственным и неоспоримым претендентом на этот пост был только один человек во всей державе — Добрыня. И как сын Мала, наследник его политики. И как близкий родственник князей. Как глава Древлянского дома. Как хозяин Новгорода, обладатель огромной реальной силы. Но и как человек, уже закаленный жестокой школой испытаний еще в юности (былина не зря запомнила годы его рабства).

Поэтому, как только в Киеве произошел варяжский переворот, взоры всех русских естественно обратились к Добрыне. Возглавив славянскую партию, он проявил себя достойным политическим наследником и Мала и Ольги.

Свенельд наступает. Как же надлежало действовать в той обстановке? Проще всего, видимо, было бы немедленно двинуть армию Новгорода для спасения Киева. Но это удалось сделать только спустя 8—9 лет.

Такой срок «промедления» наглядно показывает, что армии, достаточной для освобождения Киева, у Добрыни вначале не было. Почему же Добрыне, не-

смотря на все могущество Новгородской земли, пришлось начать борьбу без сильной армии?

Потому, что Святослав потерпел в дальнем походе полную военную катастрофу: не только сложил на чужбине голову, но и погубил там целиком свою армию в 60 тысяч русских воинов (цифра известна по византийским источникам).

А Свенельд, разумеется, не терял времени. Захватив власть в Киеве, он стал хозяином Полянской земли. Теперь на его пути к захвату власти во всей державе стояли ее федеральные земли. Это было серьезное препятствие: они имели права и оружие. Но часть их Свенельд, увы, мог быстро прибрать к рукам без боя, ибо мог от имени Ярополка сменить неугодных ему бояр-наместников в землях.

Как показывает ход гражданской войны, Свенельд именно это и сделал, начав, очевидно, со Смоленской земли, чем заблокировал Добрыне путь на Киев. Не подчиниться земли не могли (и сами земельные посадники тоже), ибо Ярополк был старшим сыном Святослава и оспорить его право на престол было сразу невозможно: варяжский переворот в Киеве был замаскирован мантией легитимной монархии Ярополка. Это позволило Свенельду в короткий срок подчинить своей власти почти всю державу.

Добрыня организует сопротивление. Но Олег и Владимир были такие же Святославичи, как и Ярополк. Землями они владели по тому же мандату отца, что и сам Ярополк. Княжеский ранг делал их несменяемыми волей Ярополка. Если эти земли возражали против власти Свенельда, сломить их противодействие можно было только военной силой. Княжеские права Олега и Владимира были для славянской партии таким же бесценным козырем, как права Ярополка для варяжской.

Первым ответом Добрыни на захват Свенельдом власти в Киеве было создание новгородско-древлянской коалиции, которая стала осуществлять согласованные действия, сначала политические, а затем и военные.

Несмотря на тяжелое поражение в 977 году, коалиция, выдержав все испытания трагических 70-х годов, одержала в 980-м победу, преобразившую лицо Руси и навсегда покончившую с варяжским игом.

Для начала эти две земли, признавая Ярополка

государем, могли отказаться выполнять приказы Свенельда, власть которого простиралась на ряд земель. Но она кончалась в двух шагах от Киева — на Ирпене. А какую опасность представляла для власти варягов в Киеве граница на Ирпене, мы уже хорошо знаем по более ранним событиям. Этот фактор сказался в полной мере и на сей раз.

Свенельд был хозяином в Киеве. Но грозная сила Господина Великого Новгорода нависала над Свенельдом на Ирпене.

Стратегическая обстановка в державе. По-видимому, именно так Добрыней были сразу же созданы исходные позиции для будущей гражданской войны в державе, которую варяжский переворот сделал неизбежной. Стратегически позиции эти значительно отличались от предшествовавших варяжско-русских войн внутри державы. Такой расстановки сил земель еще не было ни разу (что легко проверяется при сравнении). И то, что впервые за сто лет в антиваряжском лагере оказалась одна из земель русского Севера, в конечном счете решило исход борьбы.

«Морской балкон» всей Руси на Балтике лежал, как мы помним, в пределах самой Новгородской земли. Утверждаясь в Новгородской земле, и Хрёрекр, и Хельги, и Ингвар могли свободно вербовать пиратских наемников со всей Балтики (и шире, со всей Скандинавии). Но на этот раз Свенельд был лишен такой возможности. Все пути на Север были отрезаны Добрыней.

Оставался, правда, один путь — через Полоцкую землю и дальше вниз по Западной Двине. Но Полоцк в тот момент был вне державы и до самого 980 года предпочитал нейтралитет в русских событиях, что исключало массовую вербовку варяжских пиратов через полоцкую территорию.

Блокируя Свенельду выход к Балтике, Новгород создал сильный военный флот, нейтрализовавший варяжских пиратов и позволивший Новгороду вести прямую торговлю с крепнущими скандинавскими королевствами (они были не в ладах с пиратами-викингами) и другими государствами Балтики и даже Северного моря.

Другой примечательной чертой Новгородской земли было то, что ее главный город находился в глубине ее территории и был вне прямого удара армии Свенельда. Киев же от Ирпеня был всего в 20 километрах. То есть

Добрыня имел плацдарм на Юге для прямого давления на захваченный варягами Киев.

Как видим, стратегическая обстановка была для Добрыни несравненно выгодней, чем для его предшественников. И он мастерски ее использовал.

Вышгород. Об одном из первых важных политических шагов Добрыни после создания им новгородско-древлянской коалиции рассказала былина. Это вышгородская поездка Олега Древлянского. Но былинные сведения о поездке очень скудны, а летописные вовсе отсутствуют.

Где же находился Вышгород? На современной карте его нет. Тем не менее я осматриваю его — в Киеве. В наши дни он вошел в городскую черту Киева, став его дальним районом возле плотины, перегородившей Днепр. Но на карте X века Вышгород был отдельным городом, важной крепостью — северным форпостом столицы. П. П. Толочко так характеризует эту древнюю крепость.

«Из ближайших к Киеву городов наибольшее значение имел Вышгород, впервые упомянутый летописью под 946 годом. Возник древний Вышгород в 15—16 км выше Киева на правом высоком (до 80 м) выступе днепровского берега, у переправы через Днепр... С самого начала он строился как город-крепость; мощные земляные валы и глубокие рвы опоясывали центральную часть, защищали посад. Детинец занимал наиболее возвышенное место днепровского берега и имел размеры 350×250 м. Вокруг Вышгорода имелась система наблюдательных пунктов, дававших возможность контролировать подступы к Киеву»[1].

Название «Вышгород» означает «дозорная крепость на высоком холме». Однако Вышгород был не только дозорной крепостью, но также одной из великокняжеских загородных резиденций. Как мы помним, у него был эпитет «Вольгигорода», то есть «города Ольги». По летописным сведениям, он принадлежал княгине и был ее личным владением. Сейчас Вышгородский холм пустынен. Но земляные валы Вышгорода частично уцелели и производят внушительное впечатление.

Вышгородская встреча. Олег покинул Древлянскую землю и поехал в Полянскую — к брату в Вышгород. Для встречи с братом Олег покидает свою территорию.

---

[1] Древнерусские княжества X—XIII вв. Сборник. М., 1975, с. 23—24.

Но хотя до Киева рукой подать, он не едет в Киев. Брат должен поехать к нему навстречу. Почему?

Это читается очень ясно: здесь и соблюдение протокола, и напряженность, и взаимное недоверие, и борьба за престиж (ведь за встречей явно следят и обе земли, и вся страна).

Олег делает шаг за свою границу, но только один шаг, не больше. Он едет в полянский город, но только в ближайший к себе полянский город, не дальше. Да, Олег признает брата государем, но ясно демонстрирует, что едет к нему не на поклон и что обстановку в Киеве считает неприемлемой.

Ярополк — старший брат и государь. И все же он принужден пойти на уступки, поэтому он покидает для переговоров свою столицу и едет навстречу брату почти до самой его границы. Олег едет по чужой территории только 10 километров. Ярополк едет по своей, но вынужден проехать 15 километров, в полтора раза больше. Это, несомненно, демонстрация силы со стороны Олега.

При столь тщательном взвешивании вопросов протокола и престижа становится ясно, что о поездке на встречу со Свенельдом для Олега вообще не могло быть речи: он едет только на свидание между князьями да еще диктует старшему брату место встречи. Вместе с тем поездка эта, по былине, предвещает бой со Свенельдом и победу над ним. Мы видим, таким образом, что славянская партия разыгрывает свой козырь княжеских прав Олега, но что поездка направлена прямо против Свенельда. (То, что запомнилась именно Вышгородская встреча, показывает, что она сама по себе была приметным, переломным событием в назревании войны; памяти о предшествующих ей переговорах, а они, очевидно, были, былина не сохранила.)

Что встреча князей в подобной обстановке действительно предвещала бой, убедиться нетрудно. Она выглядит как поединок, пока мирный, пока в сфере протокола и престижа. Как дуэль между братьями? О нет, как дуэль между двумя партиями — славянской и варяжской. Она знаменует переход славянской партии в политическое контрнаступление.

Уж если обстановка встречи такова, то ясно, что Олег едет не просто на родственное свидание и даже не для выяснения семейной ссоры, а с какими-то серьезными требованиями к государю. Княжеский

ранг Олега не дает возможности Ярополку уклониться от встречи. Олег едет, конечно, не один, а окруженный подобающей его рангу (и, следует думать, хорошо вооруженной) свитой, и он, несомненно, дает на Вышгородской встрече понять, что готов подкрепить свои требования силой оружия обеих союзных земель.

Если Ярополк вынужден выехать из Киева навстречу брату, роняя свой престиж, то это означает, что вся поездка Олега задумана для личного вручения «на княжеском уровне» какого-то требования Ярополку.

Никаких сведений о характере и ходе вышгородских переговоров между братьями-князьями не сохранилось. Но в другой былине Вольга говорит своему противнику (на сей раз с именем Салтан, но это явно все тот же Сантал):

Не бывать тебе на Святой Руси,
Не владеть тебе градом-Киевом[1].

Вряд ли эта былина относится именно к Вышгородской встрече, зато цитированная формула хорошо определяет общую цель будущей войны — свержение Свенельда.

А нельзя ли было добиться той же цели без войны? Формально, да. Потребовав от Ярополка отставки Свенельда. И в случае согласия Ярополка (реально, конечно, весьма маловероятном) конфликт был бы выигран без боя. Но и в случае отказа Ярополка такое требование не было пустой тратой времени: оно имело большой политический резонанс.

Не было ли требование отставки Свенельда вручено Ярополку Олегом как раз в Вышгороде? Не оно ли сделало эту встречу событием, запомнившимся былине? Весьма вероятно.

Мы не знаем, была ли Вышгородская встреча князей единственной. Не знаем и перипетий переговоров. Зато мы знаем, что в конечном счете переговоры закончились провалом: миром уладить конфликт не удалось, Ярополк (как, видимо, ожидалось) не пошел на отставку Свенельда и на возвращение к славянской политике Ольги и Святослава. И в порядок дня стала открытая война.

Но если Ярополк брал *на себя* ответственность за варяжскую политику Свенельда, это освобождало подданных от долга признавать старшего сына Святослава и дальше государем. А с момента, когда они торжественно

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Сборник, т. I. СПб., 1861, с. 11.

заявили о низложении ими Ярополка за нарушение княжеского долга перед народом как «князя-волка» (по древлянской конституционной теории), перед ними вставал вопрос об избрании нового законного главы государства.

Первый контргосударь Добрыни. Сообразно понятиям века народная партия была не республиканской, а монархической (но в отличие от варяжской она выступала за конституционную монархию, а не за деспотизм). Это означало, что ее избранником мог стать только принц крови. Практически имелась альтернатива — Владимир или Олег. Кандидатура нового государя, естественно, обсуждалась думами обеих союзных земель патриотической коалиции. Но решающее слово в выборе одного из принцев крови принадлежало Добрыне.

Зная исход этой гражданской войны, а также эпопею Мала и его детей, невольно хочется решить, что выбор Добрыни пал на Владимира. На самом деле первым контргосударем против Ярополка Добрыня выставил Олега.

Летопись этого, конечно, не говорит. Зато былина прекрасно знает. Как в иносказательной форме предстоящей победы Олега над Свенельдом (означавшей бы его победное вступление на престол в освобожденном Киеве), так и в ряде других сведений.

Выбор может показаться странным. В отличие от Владимира Олег не был членом Древлянского дома (ибо не был потомком Мала), не был и племянником и воспитанником Добрыни. В отличие от Владимира он носил варяжское (в X веке отчетливо варяжское!) имя. Более того, в его жилах не было ни капли славянской крови. Тем не менее новым государем от славянской партии был выбран именно он, ибо у Добрыни были на то веские причины.

Былина свидетельствует, что народом выбор Добрыни был и понят, и всецело поддержан. Более того, былина знает важную церемонию, связанную с провозглашением Олега в Древлянской земле государем всея Руси. Эпизод настолько значителен, что заслуживает особого рассмотрения.

Глава 9
Микула Селянинович

Пятый древлянский богатырь. Эпизод этот связан с новой былинной фигурой — Микулой Селяниновичем. Фигура Микулы наряду с крестьянским сыном Ильей

Муромцем олицетворяет в былине русское крестьянство, трудовой народ. Микула не князь, а хлебопашец, свободный незакрепощенный русский крестьянин.

«Диапазон географических и хронологических приурочений этой былины очень велик: ее связывают то с киевским Югом, то с новгородским Севером, — пишет Рыбаков, — одни относят ее к началу X в., связывая с Вещим Олегом, а другие к XV—XVI вв.»[1]. И он предложил свое решение. Датировка фигуры Микулы вытекала для Рыбакова из расшифровки Вольги как Олега Древлянского. Но хронологии на первый взгляд противоречила сама природа — Микула, например, появляется в былине прямо на пашне, а пашня эта никак не производит впечатления южной.

«Сторонники северного, новгородского происхождения былины... считали надежным аргументом в свою пользу, — пишет Рыбаков, — то описание природы, которое содержится в былине:

Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики по *камешкам* почиркивают.

. . . .

А пенье-кореиье (оратай) вывертывает,
А *большие-то каменья* в борозду валит...

В этой обильной каменьями пашне видели северную каменистую землю Новгородчины»[2].

Знаменитая пашня Микулы действительно картинна, и такое толкование ее удивить не может. Но Рыбаков и на сей раз присмотрелся к исторической географии и убедился, что описание вполне подходит к окрестностям Коростеня и Малина, ибо ледник донес когда-то валуны и сюда. «Следовательно, и природа былины не противоречит признанием места ее действия Древлянской земли»[3].

Таким образом, все сомнения относительно фигуры Микулы отпали. Он оказался *древлянским* землепашцем.

Это открытие Рыбакова также очень важно. Во-первых, в лице Микулы перед нами уже *пятый* древлянский богатырь — еще одно подтверждение того, что древлянскими мотивами Владимиров цикл былин пронизан насквозь. Во-вторых, если четыре древлянских богатыря были кня-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 52.
[2] Там же, с. 54.
[3] Там же, с. 54.

жеского рода, то пятый — богатырь-пахарь! Случайно ли, что фигурой, представляющей в эпосе *все* русское крестьянство в целом, оказался крестьянин Древлянской земли?!

Микула и Вольга. Какова же роль этой новой фигуры в событиях? Ведь в былине о Вольге и Микуле присутствует мотив, который обычно считался в ней главным: противопоставление Микулы князю и в какой-то мере даже посрамление князя пахарем. Социальная острота этого мотива была оценена учеными справедливо. Но если Вольга — народный любимец, то как же понимать столкновение с ним Микулы и насмешки последнего над князем? Более того, если оба они древлянские богатыри, то конфликт между ними, да еще в такое тревожное время выглядит нелепо: им не следует быть противниками в глазах былины.

И Рыбаков доказал, что этот мотив — вторичный. «Имеющийся в былине о Вольге и Микуле элемент некоторой иронии по отношению к князю и его дружине, насмешки Микулы над беспомощностью и недогадливостью князя, отказ от княжеской службы, — писал он, — все это может быть объяснено «второй жизнью» былины в XII в. Позднее, в XVI—XVII вв., этот иронический элемент мог еще усилиться»[1]. Ученый отмечает также, что в XII веке могло играть роль наличие другого Олега Святославича, непопулярного тогда в народе (он был князем Черниговским).

Что же являлось в былине о Вольге и Микуле главным мотивом? Рыбаков отвечает так: «Основную, наиболее разработанную и целостно сохранившуюся часть былины составляет эпизод встречи Вольги с Микулой Селяниновичем и приглашением Микулы на службу к князю. Одна часть былин повествует о согласии Микулы и о дальнейших совместных действиях князя и оратая»[2]. Две фигуры эти объединены былиной не случайно: в X веке они были не противниками, а соратниками.

Это сразу ставит Микулу Селяниновича в прямую связь с нашим главным героем, Добрыней. Если Микула был соратником Олега Древлянского, то *он был и союзником и соратником Добрыни.*

Рыбаков заметил, что в былине речь идет о приглашении древлянского пахаря в войско Олега не вообще, не безотносительно к обстановке, а явно в канун ставшей неизбежной войны против Ярополка и Свенельда. Он под-

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 58.

[2] Там же, с. 57.

черкнул, что Микула воспет не просто как труженик, но как герой *антиваряжского* эпоса.

Былина воспевает совместную борьбу Добрыни, Владимира, Олега и Микулы, четырех древлянских богатырей, против варяжских угнетателей, против Свенельда и его приспешников!

Роль фигуры Микулы во Владимировом цикле колоссальна: у самых истоков русского эпоса стоит рядом с князьями фигура русского земледельца. Здесь особенно значителен классовый момент: перед нами воплощение той социальной силы, которая была одной из главных опор Древлянского дома и ради которой он вел свою долгую, полную превратностей борьбу, той силы, которая с готовностью шла сражаться под знамя Древлянского дома, ибо знала, что защищает этим собственные интересы. *Эта социальная сила — свободное крестьянство.*

Можно было бы сказать, что Микула — просто образное воплощение самого народа. Но это было бы неточно: наряду со свободным русским землепашцем *такой же важной опорой Древлянского дома был и свободный русский горожанин.* Правда, былинной фигуры такого же масштаба мы в этой эпохе не видим, но найдем их во времена правления Владимира в реальной жизни, в летописной фиксации.

Не случайно Рыбаков, говоря о приглашении Олегом Микулы в дружину, добавляет: «Пятнадцатью годами позже Владимир, брат Олега, будет точно так же пополнять свою дружину богатырями-кожемяками, из самой гущи народной, превращая их в «великих мужей»[1]. Кожемяки — не крестьяне, а ремесленники-горожане. Они также вольные вечники (между прочим, в рассказе о горожанах Белгорода, сумевших в 997 году хитростью заставить печенегов снять осаду, упомянуто белгородское вече).

Союз вольных русских крестьян с вольными русскими ремесленниками — вот социальная база Древлянского дома, вот первоисточник его политической программы и всех вольностей, которые были с Древлянским домом неразрывно связаны.

Командир земельного ополчения. Микулу принято считать собирательным образом, символизирующим русское крестьянство. Однако в былинах сохранилось немало деталей, которые говорят о реальных событиях периода борьбы против Свенельда. Так, Рыбаков отметил, что в были-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 57.

нах «упоминается... «сила Микулушкина» — его войско»[1] и что действия этого войска имеют явные параллели с летописными событиями. В гурчевском (или курковском) походе это войско ждет беда: «Их враги подготовили им западню — подрубленный мост, на котором гибнет часть войска Вольги и Микулы... Этот упорно повторяемый мотив гибели «силушки» князя и оратая на подломившихся мостках очень живо напоминает гибель Олега на замковом мосту Овруча»[2].

Вот как описывается в былине катастрофа под Овручем:

Подделали мосточки поддельиые,
Поддельные мосточкн все калииовые...
Да зашла эта сила Микулушкина
А иа эти мосточки на калииовы,
А подломились те мосточки да калииовые
А погинуло тут силы да миого той[3].

Параллель не ограничивается тем, что Гурчевск расшифрован как Овруч: мотив обломившегося моста, послужившего причиной гибели Олега, не фигурирует в летописи, но есть в упоминавшейся уже биографии Владимира, составленной в XI веке монахом Иаковом. Думается, что совпадение не случайно: в былинах о Вольге и Микуле описана овручская трагедия 977 года.

Есть и другие реалии, относящиеся явно к первоначальному пласту былины, тому, который был сложен по горячим следам событий еще в X веке. Так, Микула побивает под тем же Овручем (но еще до похода, закончившегося катастрофой) тысячами каких-то «разбойничков», которые будто бы хотели содрать с него за соль непомерную цену. Перед нами позднее искажение (вызванное, возможно, Соляным бунтом уже царских времен). Первоначальный мотив, однако, ясен: Микула еще до овручской катастрофы с кем-то сражался под тем же Овручем (или поблизости) и одержал там победу. Уж не над Лютом ли Свенельдичем?..

Правда, Микулу нет возможности отождествлять с какой-либо летописной фигурой (летопись не называет поименно ни одного соратника Олега да и вообще заинтересована в максимальном замалчивании деятелей из Древлянского политического лагеря), но это дела не меняет. Микула, подобно Добрыне, Владимиру и Вольге,

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 57.
[2] Там же, с. 56.
[3] Там же, с. 56.

никакой не миф, а *историческая личность* X *века*. И притом личность, воспетая былиной именно потому, что сыграла в описываемых событиях значительную роль.

Особое внимание привлекают в этой связи победа Микулы и наличие у него войска. «Сила Микулушкина» — не просто войско, в котором он рядовой воин среди других приглашенных князей-пахарей. Былина говорит о войске, которым Микула командует! Но ведь командиром целого войска Древлянской земли не мог стать случайный человек. В той конкретной обстановке перед нами фактически *командующий Южным фронтом новгородско-древлянской коалиции*.

Выбор командира такого масштаба был очень серьезен, ибо совершался в канун военных действий, от которых зависела судьба не одной Древлянской земли, но и Новгородской, да и всей Руси. Выбор такого командира принадлежал Добрыне.

Микула командовал не княжеской дружиной, он возглавлял спешно созванное земельное ополчение (не обязательно только крестьянское, в него могли входить и горожане). Сам созыв ополчения объясняет многое: он свидетельствует о том, что Древлянская земля в катастрофе, постигшей армию Святослава, лишилась своей постоянной дружины. Конечно, у Олега оставался отряд телохранителей и какие-то старые бояре, но молодых, «кадровых», командиров для руководства боем почти не было. Такое ослабление боевой силы Древлянской земли объясняет многое в трагической истории 70-х годов. Можно сказать, что созыв ополчения спас Древлянскую землю на краю пропасти, вернув ей армию, и дал всей славянской партии несколько выигранных лет.

От плуга — в бояре! Созыв ополчения, несомненно, предшествовал Вышгородской встрече. Не имея воинской силы на Юге, нельзя было бы предъявлять Ярополку никаких требований. Но приглашение Микуле делается позже, видимо в самый канун войны. По существу, это не столько эпический символ приглашения пахарей на княжескую службу вообще, сколько торжественно обставленное приглашение князем *одного человека* на пост командира ополчения.

Неужели сам князь объезжал всех пахарей своей земли, чтобы пригласить их в войско? Даже если допустить, что Олег объезжал всю землю, чтобы лично воодушевить крестьян и горожан перед войной (что вполне вероятно), объезд пашен для личной беседы с каждым

пахарем был бы нелепицей, огромной и бесцельной тратой времени.

Нет, юный Олег Древлянский поехал явно к одному Микуле. Он поехал к нему в сопровождении блестящей свиты, описанной в былине (как если бы речь шла о Вышгородской встрече князей!). Князь осадил коня на скаку возле пахаря, шедшего за плугом, и — возвел Микулу в бояре. После чего тут же поставил его во главе земельного ополчения[1].

Конечно, это была сознательная, продуманная Добрыней демонстрация опоры на свободное крестьянство. Она была, в частности, обещанием крестьянству захваченных Свенельдом земель и призывом бежать в свободные земли и вступать там в ополчение. Вероятно, прямо от плуга русских людей не возводили в бояре ни до ни после. Былине было что запомнить!

Присмотримся поближе к некоторым параллелям той же эпохи. Кожемяка, бегло упомянутый выше, победил в единоборстве печенежского богатыря и этим купил для Руси три года мира (использованные для строительства крепостей на печенежской границе). За это Владимир возвел его *в бояре* («великие мужи»). Мало того, Владимир возвел *в бояре* и его отца — за то, что тот вырастил сына-героя.

То же мы видим и в былине. Илья Муромец — крестьянский сын. Но не следует заблуждаться: он — старший из богатырей, то есть предводитель княжеской дружины. Это означает, что он стал *боярином*!

Однако ни Илья, ни кожемяки боярами не родились. Эти люди из народа возведены Владимиром в боярство за выдающиеся заслуги, им доверены высокие посты в обход родовитых людей. Перед нами своеобразное *«мужицкое*

---

[1] Значение события может осветить знаменательная западная параллель. В 1581 году королева Елизавета Английская посвятила в рыцари Френсиса Дрейка *на борту его корабля* «Золотая лань», на котором он совершил кругосветное плавание. «Это было самое важное рыцарство, когда-либо дарованное английским государем, — писал историк Дж. М. Трэвэлиэн, — ибо оно было прямым вызовом Испании и призывом к народу Англии обратиться к морю и искать свою силу там» (G. M. Trevelyan. History of England, p. 352). Через несколько лет Дрейк во главе английского флота спас Англию от испанского вторжения, от знаменитой Армады.

«Посвящение Микулы в рыцари» имело не меньшее значение. Оно точно так же было вызовом (варягам) и призывом к народу. И в обоих случаях монарх не призывал простолюдина ко двору, а сам специально приезжал к простолюдину.

боярство» *Древлянского дома*. Естественно, правом возводить в бояре обладал каждый князь. Да только известно «мужицкое боярство» лишь при Владимире, оно было его программной политикой.

И это очень серьезная политика — русский вольный вечник (безразлично, смерд или горожанин) имел ряд прав: на личную свободу, на участие в вече и думе (то есть на личное или через выборных участие в решении государственных дел), на землю, на оружие. Но среди них было и право на свободный доступ за заслуги в высшее сословие, в бояре. При отнятии у народа оружия и веча о свободном доступе простолюдина в боярство не могло быть и речи. Церемония на пашне напоминала, подчеркивала, что осуществить и защитить свое право на доступ в боярство смерд может, только сражаясь под Древлянским знаменем!

Почет, оказанный Микуле, был высоким и символичным. Этим и объясняется его былинное отчество — подчеркнуть крестьянское происхождение Микулы для былины гораздо важнее реального имени его отца. Само же имя Микулы — древнее языческое славянское имя (к нему, между прочим, восходит имя немецкой земли Мекленбург: это онемеченное «Микулин бор»).

Разумеется, можно подойти к эпизоду и несколько скептически и предположить, что былина сильно приукрасила происшедшее. Что Олег на самом деле просто приехал к Микуле домой (что тоже было высокой честью), а былина перенесла действие на пашню. Но, во-первых, и в таком варианте церемония все равно подчеркивала, что мужику под Древлянским знаменем открыт путь в бояре. А во-вторых, непохоже, чтобы пашня была придумана ради эпических условностей. С былинной фантастикой, полной всяческих чудес, абсолютно реалистическое описание пашни не имеет ничего общего. Это описание пашни составляет важный элемент былин о Микуле.

Более того, создается впечатление, что описана не символическая древлянская пашня вообще (конечная морена ледника отнюдь не покрывает всю Древлянскую землю), а конкретное место. То есть пашня, бывшая собственностью *одного* человека, Микулы. (Кстати, поиски ее точного места краеведами могут оказаться не безнадежными.)

А почему выбор Добрыни пал именно на Микулу? Сведения былин смутны. Некоторым намеком может служить то, что, по былине, его расправа с разбойниками

предшествовала встрече с Вольгой. Это надо понимать так, что Микула уже успел отличиться каким-то боевым подвигом. Возможно, при отражении внезапного конного рейда Люта Свенельдича в глубь Древлянской земли. Но возможны, конечно, и другие мотивы.

Тесть Добрыни. Все, что сказано выше о фигуре Микулы Селяниновича, достаточно знаменательно само по себе. И однако нас ждет еще сюрприз. Микула не только реальная личность и боевой соратник Добрыни. Он еще и его тесть!

Более 120 лет назад П. А. Бессонов сделал наблюдение, что Настасья Микулична, былинная жена Добрыни, идеальный женский образ былины, есть *дочь Микулы Селяниновича*! Вот что он писал: «Микула, не как Премысл (фигура чешской истории и эпоса. — *А. Ч.*), не дает детей своих в царство. У него нет сыновей, у него три дочери, но зато все «поляницы», все героини. Они пошли за богатырей... Младшая, Настасья Микулична, кроткая и изящная, верная мужу во всех искушениях, жена Добрыни»[1]. Ее он причислил к лучшим образам женщин во всем народном творчестве.

В этой связи стоит подчеркнуть, что перед нами в ее лице уже *шестая* древлянская богатырская фигура. Но для нас важней другое — *историчность* Микуличны. Речь идет о том, что реальный Добрыня взял в жены реальную Микуличну — дочь того человека, которого сам поставил в командующие своим Южным фронтом, которому доверил оборону родной Древлянской земли.

В 70-х годах X века женщину эту звали, конечно, не Настасьей, у нее было иное, языческое имя. Но дело не в имени. Такой брак Добрыни политически, в обстановке назревавшей гражданской войны, был равен династическому браку. Жена-боярышня из вчерашних мужичек стоила на внутриполитической арене в тот момент любой иноземной принцессы крови. И даже больше. Это была наглядная демонстрация того, что простолюдину за боевые заслуги открыт не только доступ в бояре, но даже совершенно, казалось бы, немыслимая честь — возможность породниться с Древлянским княжеским домом! Такая демонстрация со стороны Добрыни тоже была рассчитана на всенародный резонанс — и, как видим по былине, она его получила.

Не следует представлять себе Микуличну единственной

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Сборник. с. XXII.

женой Добрыни. Подобно всей высшей знати языческой эпохи, Добрыня был, конечно, многоженцем. Этого требовали не просто общепринятые нравы, но и престиж, и политические интересы его знатного рода.

Несколько жен Добрыни поддаются расчету. Так как он попал в плен еще мальчиком, первую жену выбирал ему не Мал. Ее выбирала Ольга, отпустив Добрыню на свободу. Ольга должна была женить его на полянской боярышне — и возражать Добрыня тогда не мог. Став шурином государя, Добрыня смог сам выбирать следующих жен. Разумно счесть, что у него было несколько жен из новгородских боярышен. Этими браками Добрыня роднился с новгородской знатью и укреплял свои позиции в Новгороде. Наконец у него появилась и жена-принцесса: сын узника Любеча получил-таки, как в сказке, в жены королевскую дочь. Это была дочь его союзника, короля Швеции Эрика Сегерсела.

Однако былина, хоть и знает поездки Добрыни в Швецию, этих жен не запомнила, а выделила именно Микуличну (как изо всех тестей — одного Микулу). Более того, былинные сведения показывают, что Микулична была заметной политической фигурой. Она — богатырша. В переводе с фантастики эпоса это означает, что она как соратница Добрыни участвовала в боевых действиях.

В некоторых былинных эпизодах она сражается с морскими разбойниками. Как это расшифровывается на карте X века? Более всего — как след ее плаваний с мужем на флагманском корабле Добрыни в 977—980 годах на Балтике. Тогда новгородская эскадра Добрыни и Владимира не только вела на море боевые действия против Ярополка и Свенельда. Она также громила, вместе со шведским флотом Эрика, пиратское гнездо на Балтике (то самое, откуда в свое время явился Рюрик!), навсегда покончив с викингским охвостьем на Варяжском море, как тогда называлась Балтика. Ясно, что Микулична ездила с Добрыней и в Швецию и была принята там с почетом, пировала, видимо, и на его шведской свадьбе — и видела в новой, шведской, жене Добрыни не соперницу, а ценную союзницу. При шведском королевском дворе мужицкая дочь была желанной гостьей, ибо Эрик, враг викингов (грозивших его собственному трону), предпочел и высоко ценил союз с русскими патриотами!

Словом, древлянская жена Добрыни из вчерашних мужичек была, судя по всему, фигурой героической.

А то, что командующим Южным фронтом коалиции Добрыня поставил собственного тестя из вчерашних мужиков, было известно всей державе — и добавочно повышало престиж Микулы Селяниновича. Верность выбора Добрыни подтверждается тем, что прорваться к близкому Овручу Свенельд смог только на третий год войны, — Микула оказался талантливым полководцем. (Возможно, потомков Микулы следует искать и среди новгородского боярства.)

Конь Добрыни. П. А. Бессонов подметил и еще одну важную вещь: кони ряда богатырей суть подросшие жеребята кобылы того же Микулы Селяниновича. Он писал: «Дети знаменитой кобылки... перешли к богатырям... Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Дюку и Чуриле»[1]. Естественно, здесь речь идет уже не о реальном коне Добрыни, а о символических богатырских конях. Однако это не делает вопрос менее серьезным.

Поскольку в былине кони богатырей способны разговаривать с хозяином человеческим голосом, предостерегать его или выручать из беды, летать по небу и вообще совершать чудеса, они должны быть приравнены к полноправным былинным персонажам. Весьма примечательно, что былина наделила древлянскими волшебными конями целый ряд богатырей. Примечательно и то, что «родоначальница» этой «династии» волшебных коней русской былины связана с именем Микулы Селяниновича, тестя Добрыни и одного из героев гражданской войны 70-х годов X века. А прибавив к 6 древлянским богатырям еще *5* древлянских богатырских коней, мы получим в итоге *11 древлянских былинных фигур.* Итог солидный. Ни одна другая земля державы не может похвастать чем-либо подобным.

Имена Святославичей. Итак, церемония возведения Микулы «в рыцари» на пашне, прямо от плуга, была очень важна и для него и для Добрыни. Но не меньшую важность имела эта церемония лично для Олега. Она была одной из решающих в его выдвижении в государи от славянской партии.

Ключ к пониманию этого дает ономастика: имена трех Святославичей несут серьезную политическую информацию, имеют примечательную особенность. Имя старшего сына, Ярополка, славянское, второго, Олега, варяжское, третьего, Владимира, снова славянское. Что такое чередо-

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Сборник. с. XXII.

вание должно означать? Колебания Святослава между славянской и варяжской внутренней политикой? Нет.

Имена Святославичей — зеркало политики Ольги. И они означают стремление превратить варяжскую династию в славянскую. После жестокого урока 945—946 годов Ольга твердо стояла, как мы помним, на том, что дом Рюрика вовсе не варяжская династия, а славянская — ибо, как мы тоже помним, *по династическому праву национальность монарха считается не по его происхождению, а по стране, где он правит.*

Правило это действует даже сегодня, а в X веке оно означало полную смену политики, что потребовало и смены теории власти Варяжского дома. Не удовольствовавшись даже тем, что «привенчала» варяжскую династию Рюриковичей к популярной славянской династии Нискиничей, Ольга здраво сочла, что сам Варяжский дом должен быть превращен из варяжской династии в славянскую — и династическое право давало ей к этому полную возможность.

Ольга в полной мере оценила то, что *имена* принцев крови способны и должны говорить народу о политике династии. Уже своему сыну, Святославу, она, как мы помним, добилась от Игоря славянского имени. Теперь она соответственно выбирала имена внукам. Потому-то первый внук Ольги получил славянское имя.

Второму, однако, Ольга дала фамильное варяжское имя — Олег. Но теперь это не было демонстративно антиславянским жестом ввиду нового толкования, которое Ольга дала династии. И все же во избежание кривотолков третьему внуку Ольга дала снова славянское имя. Это был уже Малушин сын, Владимир[1].

Владимир родился, как мы помним, около 960 года. А так как до этого Ольга и Святослав ни с кем, кроме древлян, не воевали, легко понять, что имя сына Святослава и Малы символизировало полное примирение Ольги с древлянами, залог мира внутри державы.

Но и этим не исчерпывается сложное значение имени Владимира как «манифеста» Ольги. Кроме народного значения, оно имело еще и «ученое», в котором последний слог трактовался как старинное выражение со смыслом «слава». И нетрудно усмотреть, что «Славный Владыче-

---

[1] Ни в коем случае не следует думать, будто имя означало «владеющий миром» в смысле претензий на мировое господство. Значение имени совсем иное: современник Владимира, немецкий хронист Титмар Мерзебургский, знает его в значении «владыка примирения, миролюбия».

ством», «Славный Могуществом» есть близкий русский перевод «Могучего Славой», то есть варяжского имени Рюрика. Это означает, что Ольга заранее предназначала Владимиру именно землю Рюрика. То, что было осуществлено Святославом в 970 году, было задумано Ольгой еще в 960-м. Еще тогда она намеревалась вручить политическую жемчужину короны Варяжского дома — первую коронную землю династии — сыну древлянского брака, сыну вчерашней рабыни. Потомок князей Древлянских должен был получить Новгород в знак того, что дом Рюрика действительно славянская династия.

Вот какую важность имел для Ольги этот теоретический вопрос. Конечно, целью ее было укрепить трон Святослава и его детей. И Святослав, очевидно, также хорошо разбирался в династическом праве. Из того, что он дал Владимиру именно тот стол, который ему предназначала Ольга еще в 960 году, видно, что и в 970-м, уже после смерти Ольги, Святослав, несомненно, продолжал считать себя славянином и всю свою династию славянской, а не варяжской.

Поэтому Новгородская земля была теперь твердо в руках Добрыни. И когда Свенельд заявил, что Рюриковичи снова варяжская династия, первая коронная земля этой самой династии Рюрика твердо ответила: «Нет!»

Варяги или славяне? После смерти Святослава вопрос, казалось бы бесповоротно решенный Ольгой, снова встал со всей остротой. Теперь, в новой ситуации, не имена молодых князей, данные Ольгой, решали вопрос, а то, в каком лагере находился тот или иной принц крови. Сыновья же Святослава оказались в разных лагерях.

Так кто ж они были, юные Рюриковичи? Ответ Свенельда гласил: Ярополк — князь-варяг и вся династия варяжская! Ольга-де ошибалась, и важней всего происхождение монарха. Поэтому Олег и Владимир — тоже варяги и должны покорно следовать варяжской политике Ярополка. Ответ Добрыни гласил обратное: Рюриковичи со времен Ольги — славяне! Ибо важней всего закон и династическое право. Ибо княжеский долг состоит в заботе о благе народа. Порукой тому слово чести Ольги и Святослава.

Дебаты об этом велись, разумеется, не во время гражданской войны, а до нее, но вопрос «славяне или варяги» продолжал стоять и в ходе войны. Действи-

тельно, вопрос о смене династии, о свержении дома Рюрика был заменен вопросом о национальности царствующей династии. Одна партия вела войну за то, чтобы на троне был Рюрикович-варяг, другая — за то, чтобы на троне был Рюрикович-славянин. Гражданская война велась на сей раз не между двумя династиями (Древлянским и Варяжским домами), как во времена Мала и потом в XI веке, а формально как бы внутри династии Рюриковичей.

Малолетство князей создало после смерти Святослава на короткий срок положение парадоксальное до крайности: династия Рюрика по существу утратила всякую самостоятельную роль. Несмотря на назревшую, а затем и разразившуюся гражданскую войну, династия как таковая никому более не мешала, она преспокойно устраивала обе враждующие стороны. Это произошло потому, что князья на сей раз не возглавляли враждующие партии, а контролировались ими. Дом Рюрика оказался обойден на обоих флангах двумя другими знатными династиями — Свенельдичей и Нискиничей. Обе они имели полную возможность не только сделать мальчиков-князей орудием своей воли, но и воспитать их в своих убеждениях. В конечном счете это должно было привести к тому, что они не могут признавать одного и того же государя, — что и произошло.

При выборе нового государя Добрыня руководствовался тем же династическим правом, на защите которого стоял в вопросе о национальности династии. Если старший сын Святослава стал отступником от династического права и недостойным государем, то законным обладателем престола должен был стать следующий сын — *по праву старшинства*. По тому же праву старшинства, по которому славянская партия долго принуждена была признавать законным государем и самого Ярополка. Этим следующим по старшинству сыном был не Владимир, а Олег.

Такая принципиальная постановка вопроса диктовалась самой антитезой произвола и закона. Если Добрыня возражал против того, чтобы династическое право толковалось по произволу Свенельда ради его выгоды, из этого вытекало, что и при выборе славянской партией нового государя понятие «законный государь» не подменялось просто понятиями «удобный государь» или «выгодный государь».

«Я славянин! Я древлянин!» Выбор Добрыни был верен, и, как мы уже знаем, Олег проявил себя достойной фигурой. Однако в соседнем Киеве Олега долго продолжали считать князем-варягом, аргументируя это его варяжской кровью и варяжским именем. В Киеве говорили, что Олег по малолетству стал игрушкой в руках славянской партии, неисправимых древлянских мятежников, и старались этим его дискредитировать как возможного контргосударя.

На происки Свенельда необходимо было дать ответ. Потребовалась яркая демонстрация того, что Олег вовсе не марионетка, а сам верит в принципы династического права и древлянской политической теории. Что Олег и сам ведет счет по стране, а не по крови, считает себя славянином, а не варягом и готов сражаться за славянское, народное дело.

Демонстрация эта должна была прозвучать на всю страну, убедить колеблющихся, не оставить ни у кого ни малейшего сомнения. Такой демонстрацией своего славянства и явилась для Олега его поездка к Микуле! Это был, так сказать, наглядный урок династического права.

Кроме того, в поездке имелся и частный аспект, древлянский. Демонстрация того, что в качестве князя Древлянского Олег правит в интересах своей земли и дорожит политикой и традициями не Игоря (хотя он его внук), а Мала (хотя не является его потомком). Олег выдвигался на трон не только в качестве следующего сына Святослава, но и в качестве достойного князя Древлянского (иначе он тоже подлежал бы низложению с древлянского стола, что влекло бы за собой и снятие его кандидатуры на престол державы).

Потому-то Добрыня и настоял, чтобы Олег (правнук самого Рюрика, без единой капли славянской крови) поехал к древлянскому пахарю! Олег этим как бы приносил благодарность за восстание Мала, давшее ему, Олегу, правнуку варяга Рюрика, право и реальную возможность провозглашать теперь: «Я славянин! Я древлянин!»

Былина запомнила и высокое уважение, с которым князь приглашал Микулу для совместной борьбы против Свенельда: «Ай же ты, оратай-оратаюшко, Ты поедем-ко со мной во товарищах»[1]. Приглашение кня-

---

[1] Былины. М., 1969, с. 19.

зем пахаря *в товарищи* тоже было знаменательно с точки зрения престижа. И ответное согласие Микулы пойти в боевые товарищи князя оказалось своеобразным *народным подтверждением права Олега быть государем-славянином.*

Необычайной поездкой князя на пашню вопрос о славянстве Олега был окончательно урегулирован (его мать, иностранная принцесса, вообще не принималась в расчет). Вскоре после этого обе свободные земли торжественно провозгласили Олега государем.

После этого все правовые вопросы были решены, а возможности переговоров между враждебными лагерями исчерпаны еще раньше. Теперь все решалось оружием.

Глава 10
Хортица

Загадка варяжского переворота. Так постепенно развернулась перед нами грандиозная панорама героической всенародной борьбы, возглавленной Добрыней, против варяга Свенельда. И все же остается абсолютно загадочным, с чего началась и как вообще могла произойти катастрофа, спасать Русь после которой пришлось Добрыне? Как могла беспрепятственно совершиться такая невероятная вещь, как варяжский переворот в Киеве?

Мы уже убедились, что он был бы невозможен без двух условий. Во-первых, без гибели Святослава (сделать вполне взрослого Святослава своим покорным орудием варяжской партии не удалось бы). Во-вторых, без гибели всей действующей армии державы или, по крайней мере, главных ее сил. Без этого второго условия варяжский заговор в Киеве был бы немедленно растоптан (сменили бы при этом советников мальчику-Ярополку или низложили бы его — роли не играет).

Напрашивается вопрос: как же случилось, что Святослав погиб? Ведь бросается в глаза, что Свенельду при этом невероятно повезло: вся русская армия погибла, а он и его варяжская гвардия благополучно вернулись в Киев из рокового похода. А ведь возвращение Свенельда со своей варяжской гвардией было третьим решающим условием победы варяжской партии. Если бы Свенельд и его варяги погибли вместе со Святославом, все было бы иначе.

Загадка возвращения Свенельда. Летописная версия триумвиров (как мы хорошо знаем на примере событий 945 года или «семейной ссоры» Ярополка с Олегом) любит подменять истинные причины событий как раз такими случайностями. Однако на сей раз (гибель 60-тысячной армии была катастрофой из ряда вон выходящей) она сочла нужным дать «случайности» объяснение. Армия-де погибла по вине самого Святослава, который не любил слушать ничьих разумных советов. Верный этой привычке, от отверг и мудрый совет Свенельда. Сам же Свенельд не стал безрассудно пренебрегать собственным советом и благополучно вернулся в Киев.

Но Рыбакову такое возвращение показалось не столь уж естественным. «Только варяг Свенельд, оставивший Святослава еще в начале пути, достиг Киева»[1], — замечает он. И здесь звучит подозрение, что дело нечисто и виновник катастрофы совсем не Святослав.

В другой раз Рыбаков пишет о Свенельде гораздо определеннее: «Это он бежал с поля битвы, бросив Святослава на растерзание печенегам»[2]. Здесь уже не подозрение, а прямое обвинение Свенельда — в дезертирстве, в предательстве, в гибели Святослава и его армии!

Такое обвинение резко меняет всю картину событий. Если оно справедливо, то путь к власти расчистила Свенельду вовсе не случайность, а *преступление*.

Подозрительность возвращения Свенельда бросается в глаза. Но все же необходимо проверить, прав ли Рыбаков, обвинив Свенельда в том, что он бежал с поля боя, а Святослава намеренно бросил на растерзание печенегам. Может быть, все же более верна другая его формулировка, что Свенельд просто покинул Святослава в начале пути, а затем уже воспользовался обстановкой?

Черная скала. Посреди кипучего города Запорожье лежит между двумя рукавами Днепра живописный заповедный остров длиной в 12 километров. Это знаменитая Хортица («остров Хорса»). Гранитные скалы Хортицы, достигающие местами 50-метровой высоты, уходят как природные бастионы прямо в Днепр. Мы объезжаем Хортицу на катере историко-культурного за-

---

[1] История СССР, т. I, с. 496.
[2] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 180.

поведника. Арнольд Леонидович Сокульский, местный ученый, показывает мне достопримечательности Хортицы, рассказывает ее легенды.

У самой северной оконечности острова поднимается величавый мрачный утес. Я узнаю, что он зовется Черной скалой и что, по местным преданиям, окруженный печенегами Святослав сложил в 972 году свою голову именно на Черной скале.

Так вот где кончились крахом его тщетные попытки прорваться из окружения домой, на Русь! Из черепа Святослава печенежский хан Куря сделал, по летописным сведениям, чашу, оковав ее золотом, — и пил из нее вино на пирах.

На голой и пустой вершине Черной скалы (с которой сегодня открывается великолепная панорама Днепрогэса) хорошо видна обстановка последнего боя Святослава, о которой не рассказано нигде. Печенеги теснили окруженного Святослава — с юга на север острова. Загнали его на самый кончик Хортицы. Прижали с горсткой оставшихся воинов (больше здесь не уместилось бы) к самой воде, к круче над Днепром. И перебили всех.

Перунова рань. О Черной скале в исторических трудах обычно не пишут. Но эти места связаны с X веком не только трагедией 972 года. В 988 году здесь произошел еще один примечательный эпизод — сюда, за пороги, была, по летописным сведениям, пригнана свергнутая дубовая статуя Перуна. Пригнана из Киева по приказу Владимира. Перуна не просто бросили в воду, к нему Владимир приставил специальных людей с приказом: «Если пристанет где к берегу, отпихните его, а когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». И уже за порогами Перуна вынесло ветром на отмель, которая с тех пор, по летописи, зовется Перуновой отмелью.

Так сюда, за пороги, далеко за пределы Киевской Руси, за 300 километров от ближайшей русской границы (она лежала в устье Сулы), оказалось перенесено и запечатлено бурными событиями русской истории имя русского языческого бога Перуна. И примечательно, что сюда же, в сердце Печенегии, оказалось перенесено и имя другого русского бога — Хорса. Случайно ли это? В память какого события остров стал Хортицей?

Стоя на Черной скале, я ищу Перунову отмель, но

не нахожу. Здесь одни скалы. Значит, место, куда Днепр выбросил Перуна за порогами, неизвестно? Напротив, узнаю я от Сокульского, в Запорожье оно превосходно известно по местной топографии и местным топонимам. Дело в том, что всего в десяти минутах выше Хортицы лежала Перунова рань (теперь она давно затоплена водохранилищем Днепрогэса).

Рань? А что это такое? И какое она имела отношение к Перуну? Узнаю, что «ранью» называют в Запорожье подводную гряду камней. Перунова рань была стремительным водоворотом, от которого за десять минут течение выносило до Хортицы. Все, что проносилось через пороги, попадало затем в Перунову рань и оттуда выбрасывалось прямо на Хортицу. Сквозь этот водоворот пронесло, естественно, и статую Перуна — и название закрепилось за «ранью» с тех самых пор.

«Так, значит, Перуна выбросило?» — переспрашиваю я. И получаю четкий ответ: «Прямо сюда, к подножию Черной скалы!»

Весьма интересные сведения. Перунова отмель, которую никто не искал, могла быть где угодно ниже порогов, хоть в двухстах верстах. Но Владимир, оказывается, выпроводил Перуна из Киева в точности до того места, где полутора десятилетиями раньше погиб его отец. Видимо, именно ради этого к Перуну были приставлены провожатые.

Да и была ли вообще Перунова отмель? Дело в том, что в древнерусском подлиннике употреблено вовсе не слово «отмель», а редкостное слово «рень» (известное только в этой единственной фразе). Авторитеты гадательно переводят его, как «отмель, низкий берег» (Срезневский), «песчаная отмель» (Лихачев), «мель» (Даль). В Запорожье на месте никто из них эту рень не проверял.

Но столь же редкостно и слово «рань». Его нет ни в русских, ни в древнерусских, ни в украинских словарях (видимо, оно сродни слову «проран»). А не современная ли это форма «рени»? Не сохранила ли «рань» истинного значения загадочной «рени»? Если это одно и то же, то Перуна действительно вынесло неудержимым течение на рань, но только там он не остался — водоворот вышвырнул его дальше, на Хортицу.

Загадка плавания Перуна. Так, на Хортице становится неожиданно заметно, что летопись о чем-то недоговаривает, отвлекая внимание от Черной скалы. Эти

недомолвки перекликаются с большими странностями в описании путешествия свергнутого Перуна. Оно представлено в летописи как победа «истинного бога», Христа, в которого Владимир только что уверовал, над язычеством. Перун, по летописи, пострадал только за то, что был «ложным богом». Но детали события нимало не соответствуют этой версии.

Странности начинаются уже в Киеве, при свержении «идола» Перуна. Хотя, с точки зрения христианства, все языческие боги «ложные», только Перун подвергается особой экзекуции: одного его Владимир велит привязать к хвосту коня и тащить так вниз к реке по Боричеву взвозу. Одного Перуна он велит колотить железом, приставив к статуе 12 человек. Делалось так, по летописи, для того, чтобы бес, обманывавший в этом образе людей, принял от них возмездие. Почему же тогда другие языческие боги не подверглись той же участи? Дело тут, очевидно, в чем-то другом.

Зачем Христу понадобилось выпроваживать Перуна именно за 600 километров вниз по Днепру, за пороги? При чем здесь вообще пороги, лежавшие в глубине Печенегии и не подвластные в то время ни Перуну, ни Христу? Зачем русские, выпроводив своего «ложного бога» за границу, за устье Сулы, конвоировали его еще 300 километров по печенежской территории? (Пользуясь, очевидно, договорным правом свободного плавания по Днепру.)

Нет, Перуна выпроваживали из Киева не за то, что он был «ложным богом», а за его политические прегрешения. Зная, что Перун был покровителем врагов Древлянского дома (и в частности, варягов), легко понять, почему особой экзекуции подвергся именно он. Цифра 12, видимо, не случайна, она приводит на память число глав дубовой Софии Новгородской (12 плюс 1) и Десятинной в Киеве (дважды 12 плюс 1). 12 мужей били Перуна, видимо, от имени 12 земель Руси.

Владимир специально приставил к Перуну стражу, чтобы доставить его именно на Хортицу. Зачем? Черная скала допускает только один ответ: это было сделано за то, что Перун, вопреки своему долгу, погубил на Черной скале своего «Перунова внука» — Святослава. Продал его печенегам.

Перуну, несомненно, был предъявлен полный счет за политику князей-варягов, князей-волков—от IX века и до Ярополка. Но за Черную скалу ему был предъ-

явлен особый счет, так как погубить Святослава в дальнем походе мог только участник этого похода, совершивший предательство. Короче говоря, Черная скала и Перунова рань подтверждают, что обвинение Рыбакова верно и Святослав действительно был погублен Свенельдом!

Так, в XX веке благодаря сложному анализу устанавливается предательство Свенельда. А в X веке? Неужели его предательство было выяснено только при свержении Перуна? Конечно, нет. Добрыня *с самого начала* не мог не знать об этом предательстве, перевернувшем судьбу страны и его собственную.

Это означает, что в гражданской войне *Добрыня, Олег и Владимир* выступали не только противниками Свенельда и Ярополка, но и суровыми *мстителями за Святослава*.

Хортицей печенежский остров мог для русских стать только в связи с каким-то громким событием, случившимся здесь, далеко за рубежом, и связанным именно с Хорсом. Только два крупных события русской истории связаны с островом за порогами: гибель Святослава и конвоирование сюда Перуна. В трагедии 972 года могущество Хорса проявиться никак не могло. Очевидно, имя острова говорит о том, что Хорс проявил свое могущество, покарав Перуна на Черной скале, на месте его преступления. Но при чем здесь Хорс, если торжество над Перуном приписано в летописи Христу?

Однако мы уже давно знаем, что Хорс был «небесным князем» Новгородской земли, Хорсом Новгородским. Так что имя Хортицы — еще один *памятник победы новгородского оружия*. То есть *победы Добрыни*. А это означает, что Перун выпровожен за пороги еще до крещения Руси — именем Хорса Новгородского.

Перед тем Перун долго «воевал» против Мала, Добрыни, Малуши, Олега и Владимира. В 946 и 977 годах он одержал победу. Но в 980-м потерпел поражение. Сокрушительное поражение в собственном доме, в Киеве. От кого же?

Хорс Новгородский. Былина победу над Перуном приписывает своему любимцу Добрыне. В известной былине «Добрыня и Змей» он бьется со Змеем Горынычем на Пучай-реке (реальной речке Почайне в Киеве), затем на высокой горе, убивает Змея и его змеенышей и освобождает из подземных темниц знатных пленников Змея и несчетное множество русских простолюдинов. Былина

права: реально Перуна Варяжского победил в 980 году, а затем и свергнул Добрыня.

Но в государственной теории той эпохи дело обстояло иначе. В глазах Перуна Добрыня и Владимир (точно так же, как и император Византии) не были ему ровней. Он мог потерпеть поражение не от смертных людей, а лишь от бессмертных богов. И притом не только бессмертных, но еще и равных ему по рангу — от небесных владетельных князей. Как Перун не стал бы заключать мир, скажем, с апостолом Лукой или архангелом Гавриилом, ибо никто из них не был в его глазах владетельным князем, не владел Византией, так и в 980 году он мог быть побежден только небесными князьями новгородско-древлянской коалиции *во главе с Хорсом Новгородским.*

Имя небесного хозяина Новгородской земли примечательно. В 1970 году Н. Р. Гусева в статье «К вопросу о значении имен некоторых персонажей славянского язычества» сопоставила Хорса с рядом индийских параллелей. Санскритские слова «хари», «харас» означают «огонь». «пламя», «наполненность энергией». Нетрудно убедиться, что «Огненный бог» или «Животворящий бог» очень подходило для Бога-Солнца. Индийская параллель вскрывает утерянную первоначальную семантику имени Хорса-Солнца.

На хинди же, указывала Гусева, слова «хари», «хару» имеют значение «бог». Подходит и этот вариант семантики. И еще на хинди есть наречие «хара» со значением «радостно», «хорошо». Все это слова одного корня. Они показывают, что русский Хорс — близкий родич индийских богов.

Но ведь и само русское слово «хорошо» (отмечает Гусева) восходит к имени Хорса! Значит, в 980 году в державе стало «хорошо» не просто в смысле, что в ней стало солнечно, но и в том, что в ней воцарилась воля Хорса Новгородского, что над страной после долгих испытаний взошло и засияло Красно Солнышко русской свободы. В тот год и еще много лет спустя это слово явно означало политически — *«по-новгородски», «по-добрынински».*

Упрочению былинного эпитета Владимира Красно Солнышко, как я уже говорил, способствовало как раз то, что хозяевами державы стали в 980 году два союзных *солнечных* бога (в каждой земле светило, конечно, по одному солнцу, но обожествлено оно было в разных землях под разными именами, с различной мифической

биографией, точь-в-точь, как это было в Древнем Египте). Но разгадка фигуры Хорса Новгородского дает разумное объяснение и имени Хортицы.

Если в 980 году Хорс стал фактически хозяином державы («небесным мажордомом» при Перуне), то несколько лет спустя он вполне способен был окончательно рассчитаться с Перуном, свергнув и покарав его на Черной скале.

Система территориальных богов. Что же все-таки произошло с Перуном сразу после победы Добрыни? Его статуя оказалась в обществе пяти других богов. И на новом месте. У жречества Перуна (важной политической силы, давнего союзника варяжской партии!) было отнято его главное святилище, оно было дискредитировано. А сам Перун поставлен под контроль пяти других богов, отдан под их постоянный бдительный надзор (чтобы он не мог принять ничьих молитв о свержении Владимира).

Нет, Перун Полянский не был в 980 году низложен с небесного трона державы. (Добрыне помешала это сделать угроза печенежской интервенции. Разгромленному наголову Перуну были предоставлены неожиданно большие льготы, чтобы он не санкционировал тех, кто обратился за этой интервенцией.) Но тем не менее положение Перуна резко изменилось. Он продолжал царствовать, но — перестал править. Первенство его в Шестибожии оказывается при ближайшем рассмотрении лишь номинальным. На самом деле правят державой отныне пять других богов, для проформы продолжающие признавать Перуна своим собратом и главой.

Кто эти пятеро? Несомненно, хозяева каких-то пяти земель. Почему же пяти, а не двух? Потому, что перед нами три младших участника новгородско-древлянской коалиции. Три земли, которые Добрыне удалось вырвать из-под власти Ярополка и привлечь на свою сторону как активных участниц борьбы. Принципиально картина ясна: пять земель победившей новгородско-древлянской коалиции держат своим оружием Владимира Древлянского на троне в Киеве, в шестой, Полянской земле. Поэтому-то и богов именно шесть. И перечислены они в Шестибожии (кроме номинального первенства Перуна) строго *в порядке заслуг их земель в завоевании победы.*

Самовластие Перуна Добрыня заменил соправительством шести богов, зримо символизировавшим соправительство шести земель. Шестибожие было не просто

Пантеоном Победы — им Добрыня вводил и закреплял новгородско-древлянскую гегемонию в державе. Это было возможно потому, что русский «Олимп» возглавлялся группой «великих богов» — хозяев княжеств, федеральных земель Руси.

Система «разнобожия земель» была поразительно пластичной. Вместе с новыми землями в державу могли вступать их боги-хозяева, и признание последних гарантировало, что новые земли становятся не бесправной добычей и провинциями, а полноправными федеральными землями Руси. Именно на этих началах в державу были включены Святославом Вятичская и Тмутараканская земли, а Владимиром — Полоцкая и Волынская.

Такие вольности отнюдь не были тогда всеобщим правилом. Совсем напротив, как в христианском, так и в мусульманском мире господствовал принцип: «Наша вера правая, наш бог истинный, а все прочие ложные». На практике это означало страшнейшую религиозную нетерпимость и национальный гнет. Мусульманское иго Халифата было равно трагедией для христианских народов Закавказья и языческих Средней Азии. Но и византийское («единоверное») иго ничуть не меньшая трагедия для Болгарии или Абхазии.

В языческой же Руси господствовал противоположный, более высокий принцип: «Все боги истинные, и каждый бог хозяин в своей стране». Он обеспечивал не только веротерпимость, но и вольности как старым, так и новым землям державы.

Но эта система была интересной и в другом отношении; в ней поддавались выражению сложнейшие политические понятия и программы. Суверенитет. Коалиция земель. Право войны и мира (для державы, но также и для отдельных земель). Гегемония. Вассалитет и сюзеренитет. Привилегии земель и их порядок. Но также борьба против самовластия. Борьба за народные права. Борьба за свержение варяжского ига. Конституционная монархия. И даже, как мы убедились, федеральный парламент державы. Все это, в любой комбинации, могло быть при такой системе просто и четко выражено и закреплено через фигуры земельных богов.

Подобного совершенства не знали ни деспотическая Византия, ни весь тогдашний христианский и мусульманский мир. Русская система признанного разнобожия земель, пронизанная веротерпимостью и свободолюбием, и выросшая на этой почве языческая русская культура

оказали глубокое влияние и на характер русской культуры после крещения страны Добрыней и Владимиром. Следов языческого влияния на культуру раннехристианской Руси обнаруживается по мере изучения все больше. Рыбаков даже выдвинул формулу — «христианство слилось с язычеством»[1].

Так, былина рисует Владимира и его пиры чисто языческими красками (несмотря на упоминание икон и церквей). Так, на пирах Владимира пьют мед из турьего рога — это языческий ритуальный напиток и ритуальный сосуд. И никакого перелома в былинах при переходе от языческой эпохи к христианской не наблюдается.

Так, русские, в том числе и знать, и даже князья, продолжают и после крещения Руси (еще столетия!) именоваться в официальных документах «мирскими» (то есть языческими) именами, а их параллельные христианские имена рассматриваются как второстепенные и зачастую упоминаются лишь в сугубо церковных документах. Никому и в голову не придет именовать, к примеру, Ярослава I Георгием I (по его крестному имени); но из-за привычности этого мы не задумываемся над тем, насколько странен такой обычай для христианской страны.

Низложение бога-волка и его последствия. Еще когда победа была далека, именем Хорса Новгородского и Даждьбога Древлянского ставился в государи Олег, а затем Владимир. Теперь же, в 980 году, Хорс стал первым богом в державе (то есть был такой же серьезной фигурой, как Юпитер Капитолийский или Ра Египетский). Но числился вторым. Могло ли это продолжаться долго? Нет, ибо Шестибожие было лишь временным решением. Владимир и Перун, принужденные заключить компромисс, не только не доверяли друг другу, но просто ненавидели друг друга.

Перун поневоле терпел ненавистного государя, но должен был мечтать о реванше (а «чудо Перуна» могло сделать контргосударем любого ставленника его жречества, облегчив переворот против Владимира). В свою очередь, Владимир терпел поневоле небесного государя, который продолжал оставаться опасным даже под неусыпным надзором богов пяти других земель.

Поскольку Перун и Владимир были заклятыми врагами, дело должно было при первой возможности кончиться низложением одного из них. А так как на страже

[1] История СССР, т. I, с. 506.

трона Владимира стояло оружие пяти союзных земель (и новгородская армия в Белгороде, в двух шагах от Киева!), обречен был Перун. И, укрепив трон Владимира, Добрыня мог наконец рассчитаться с кровожадным Змеем Горынычем сполна.

Перун был низложен. Не за язычество, а за государственную измену, за нарушение княжеского долга перед Русью! Судим прочими богами-покровителями и признан виновным и утратившим право на небесную корону Руси. Пункты обвинения легко рассчитываются от 882 года, когда Перун продал державу варягам, и до 977-го.

Таким образом, *древлянская конституционная теория*, антитеза «волка и пастуха», теория долга перед народом, *была спроецирована на небо*: вслед за князьями-волками — Игорем и Ярополком был свергнут и их покровитель, бог-волк Перун. За преступления перед своим народом, за государственную измену стране, которую обязан был беречь как бог-пастух. Но которую продавал и варягам и печенегам. Произошло это, вероятно, в 985 году.

Христос же в низложении Перуна не играл ни малейшей роли. Наоборот, крещение Руси явилось парадоксальным последствием низложения Перуна.

Казалось бы, вакантный небесный трон должен был занять Хорс, став «конституционным» небесным государем Руси. Или если уж не Хорс, то Даждьбог. Но это было невозможно, поскольку они были *территориальными* небесными князьями. Хорс и Даждьбог могли завоевать гегемонию над Перуном и Киевом, могли и низложить Перуна, но не могли сами переехать в Киев!

Их статуи в Киеве стоять могли, но сюда сами боги как бы прилетали на «съезд князей», а главные храмы их, личные столицы, по-прежнему незыблемо находились в Новгороде и Коростене. Поэтому формальное провозглашение кого-либо из них новым верховным богом державы означало бы перенос столицы Руси из Киева либо в Новгород, либо в Коростень.

Такой перенос оказался для Добрыни и Владимира неприемлемым по множеству причин: Киев был традиционной столицей, обладал особым стратегическим положением, за его освобождение велась долгая и упорная война, и еще многое другое. Где оставалось искать выход? В приглашении нового полянского и нового верховного бога державы «со стороны»! Это и было вскоре сделано. Вероятно, в 986 году (вспомним сведения монаха Иакова).

Каковы были истинные обстоятельства этого события,

мы не знаем. По летописи, Владимир долго выбирал подходящую веру из четырех единобожных (причем мотивировки отвержения или принятия той или иной веры нередко анекдотичны или вообще неясны), продолжая все это время поклоняться языческим богам, хотя в них будто бы уже не верил. Языческий титул государя Руси «Даждьбожий внук» был, несмотря на крещение, прекрасно известен и в конце XII века (когда он зафиксирован в «Слове о полку Игореве»). Былина, как мы помним, продолжала пользоваться в политических целях геральдикой обоих солнечных богов — геральдикой, которая в связи с именем Владимира оставалась общепонятной в XI—XII веках. Это показывает, что сторонников Даждьбога и Хорса в момент крещения Руси и далее при Владимире отнюдь не преследовали. Не стану касаться здесь всего комплекса связанных со сменой веры проблем. Скажу только, что «благочестивая» летописная легенда об обстоятельствах крещения Руси никаким доверием в науке давно не пользуется.

Академик Е. Е. Голубинский так писал о летописной истории крещения Руси: «Кто любит занимательные и замысловатые повести, не заботясь ни о чем другом, для кого сказка предпочтительней всякой действительной истории, лишь бы имела указанные качества, того... повесть о крещении Владимира должна удовлетворить вполне, ибо достоинство замысловатости ей принадлежит бесспорно. Но немного критики, немного просто некоторой меры в вере — и с пространной повестью тотчас же должно случиться такое чудо, что от нее останется только голый остов, а потом и от этого голого остова останется только одна половина»[1].

Хотя по летописной версии Владимир крестился из Византии, но в науке предлагались самые разнообразные подлинные источники крещения Руси — из Болгарии, с Запада, из Закавказья и др. Из того, что предлагались столь разные версии, видно, что ранняя история русской церкви известна очень плохо. Летописная версия крещения Руси, по-видимому, просто составлена триумвирами в своих интересах, чтобы скрыть, что крещение Руси было следствием победы Добрыни и делом рук Древлянского дома. Что же до подлинных обстоятельств крещения Руси, то мы их, возможно, не узнаем никогда. Видимо, загадок

---

[1] Е. Е. Голубииский. История русской церкви, т. I, первая половииа тома. М., 1901, с. 110—111.

в его истории кроется еще больше, чем предполагалось до сих пор.

Однако пора вернуться к загадке предательства Свенельда. Как же оно было совершено? Как Свенельду удалось погубить Святослава? Хортица ответа не дала. Но можно ли это выяснить? Пожалуй, можно. И для этого нет нужды разбирать весь болгарский поход Святослава. Достаточно приглядеться к его возвращению.

Глава 11
Дунай

Доростол. Я гляжу на широкий Дунай с южного берега — из Болгарии. Берег этот был болгарским и в X веке, и о роковом походе Святослава здесь напоминает многое. На южном берегу Дуная лежит болгарский город Силистра — древний Доростол. Это здесь произнес Святослав свой знаменитый призыв к воинам лечь костьми, но не посрамить земли Русской. Отсюда начался обратный путь Святослава на Русь.

О доростольских событиях мы имеем подробный рассказ их очевидца и участника — византийского хрониста Льва Диакона. Он издавна считается в науке ценным и правдивым источником (в частности, за незаурядную объективность в оценке противников: хронист не раз пишет о храбрости русских воинов, личном мужестве Святослава и т. п.).

Болгарский поход, вначале развивавшийся успешно, обернулся тяжелой военной неудачей. Из Болгарии Святослав вторгся на греческую территорию и даже грозился взять Царьград и изгнать Византию из Европы. Встревоженная Византия, мобилизовав стотысячную армию, послала ее под командованием самого императора Цимисхия в Болгарию. Цимисхий неожиданно перевалил Балканы, одержал ряд побед, оттеснил Святослава к Доростолу и в конце концов осадил его с суши в самом Доростоле. Одновременно с моря в Дунай вошел византийский огнеметный флот и, став против Доростола, отрезал Святослава от Руси.

В Доростоле начался голод. После двухмесячной осады положение стало критическим, и Святослав призвал своих воинов пробиться силой на суше. На следующий день попытка прорыва действительно была предпринята.

Святославу вначале удалось обратить византийцев в бегство, но Цимисхий сумел бегство пресечь. Попытка

прорыва потерпела неудачу, русские отступили обратно в Доростол. Наутро Святослав послал к Цимисхию просить мира и безопасного отплытия на родину. Мир пришлось подписать на очень тяжелых условиях. Но этим быстрым решением, смелым и здравым, Святослав спасал свою армию, ибо положение стало безнадежным.

Цимисхий охотно принял предложение Святослава (ибо оно отвечало его интересам и избавляло от необходимости вести дальнейшие военные действия). Русская армия была не только беспрепятственно выпущена из Доростола, но и снабжена провиантом на дорогу. Цимисхий велел выдать каждому русскому воину по 2 меры хлеба. «Получивших хлеб, — пишет хронист, — было только 22 тысячи человек, оставшихся из 60 тысяч русского войска; следовательно, прочие 38 тысяч пали от Римского (то есть византийского. — *А. Ч.*) меча»[1].

Цифры эти показывают, что кампания уже привела к тяжелым потерям, но все же у Святослава оставалась еще солидная боевая сила. И если бы около 20 тысяч русских воинов вернулись из Болгарии в Киев, никакого варяжского переворота они не допустили бы.

Доростольский мирный договор подписан с русской стороны Святославом и Свенельдом. Это свидетельствует, что Свенельд не мог бросить князя до Доростола. При мирных переговорах Святослав настоял на личной встрече. Она произошла на берегу Дуная, Цимисхий был на коне, Святослав в ладье, оба государя немного говорили о мире. Святослав поразил византийцев суровой простотой одежды и манер. Эта встреча и положила конец войне. Затем, отдав по договору пленных и Доростол, Святослав, очистив Болгарию, поспешно отплыл со всей своей армией (и Свенельдом в том числе) в отечество.

Плыть до Руси было всего 250 километров. Как и сейчас от Силистры до советской границы. Дело в том, что в X веке Русь владела большим участком северного берега Дуная — тем же, который является советским берегом сегодня.

Русский берег Дуная. Теперь я гляжу на Дунай с севера — в дельте, с его левого, советского берега. Пограничный Дунай отделяет здесь СССР от Румынии. В X веке пограничный Дунай отделял здесь же Русь от Болгарии.

Я объезжаю весь советский берег Дуная — от устья Прута до «украинской Венеции», рыбачьего городка Вил-

[1] История Льва Диакона Калойского. СПб., 1820, с. 94.

ково, где вместо улиц «ерики» (каиалы), по которым снуют лодки. Следов похода Святослава здесь ие иахожу. И даже иикаких местиых преданий, связаииых с его имеием (здесь миогие столетия, по самый XIX век, была чужая земля — печенежская, половецкая, татарская, турецкая — и иаселеиие полиостью смеиилось).

Тем не менее здесь сохраиилось главное — сама арена давиих событий. Дельта Дуиая с ее низмеииыми берегами да порой иевысокими холмами, островами и протоками. В X веке этот длиииый участок севериого берега Дуная входил в состав двух юго-западиых земель Руси — Уличской и Тиверской. По летописиым даииым, обе доходили до Дуиая и до самого моря (видимо, в их владениях имелась чересполосица, обе земли имели и чериоморское и дуиайское побережья).

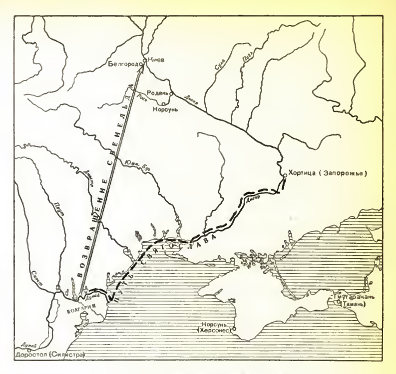
Сюда и причалили ладьи возвращающейся армии. К долгождаиному русскому берегу. Здесь воииы Святослава могли иемиого отдохнуть после недавиих испытаиий. И затем спокойио иаправиться в Киев. И как раз где-то здесь Свеиельд и расстался со Святославом. Оба иаправились в Киев, ио — разными дорогами.

Путь с Дуная на Киев. Где ои, Киев, если смотреть отсюда? Далеко ли до иего? По прямой — 600 километров, по автодорогам — 700. Дорога идет через Украииу, затем Молдавию и сиова Украину. В X веке она вела через Тиверскую и Уличскую, а затем Поляискую земли Руси.

В 971 году, как и сегодня, кратчайший прямой путь с русского Дуиая иа Киев лежал по сухопутью, но тогда проходил *целиком по русской территории*. Но Святослав, как мы зиаем, почему-то иаправился с Дуиая в Киев через Хортицу. Летопись уточияет, что ои пошел туда на ладьях. Но это же совсем в другую сторону от Киева! Ведь до Киева через Хортицу около 1450 километров, вдвое дальше, чем иапрямик!

Может быть, этот путь удобней? Ничего подобиого: его преграждают пороги, а вверх по порогам провести ладьи было невозможио. В обход каждого суда надо было тащить волоком — и не две-три ладьи, а огромиый флот! Сколько катков понадобилось бы? Нет, пороги делали обратиый путь через Хортицу самым иеудобным из возможных маршрутов.

Но, может быть, в то время дальние страиствия совершались только по рекам? Ничего подобиого: тот же Святослав успел прославиться миожеством дальних сухопутиых походов и в степях, и в горах, и даже в лесах (и притом

Путь с Дуная на Киев 971 года

на чужой территории). Переход по собственной русской территории, по дорогам не мог представлять для него никакой трудности.

Самая невероятная черта маршрута Святослава состоит в том, что Хортица, как мы помним, лежит за рубежами Руси, в глубине Печенегии. Путь с Дуная на Киев проходит на протяжении 600 километров по печенежской территории! Выбирая этот путь, Святослав зачем-то покинул русскую землю и углубился на несколько сот километров в глубь печенежской (притом, согласно летописи, зная, что с печенегами неожиданно вспыхнула война!). Почему же он избрал такой роковой маршрут? Это возможно только, если прямой путь на Киев внезапно оказался перерезанным! Если внезапным вторжением с востока печенеги захватили Уличскую и Тиверскую земли (точнее, северную и центральную их части).

В таком случае перерезаны и более короткие и удобные водные пути вверх по Днестру и Бугу. И единственным

(хоть и неверным) шансом возвращения в Киев остается самый дальний и неудобный днепровский путь. Идея его использования состоит в отчаянной попытке прорваться домой в глубоком тылу у печенежских войск, занявших юго-западные земли Руси.

Вот какой сюрприз ожидал Святослава, когда он, беспрепятственно выведя спасенную им армию из Болгарии, высадился на русском берегу Дуная. Здесь, на Дунае, пришлось принимать новые, трудные решения. В чем они состояли, подсказывают историческая карта и исход событий: Святослав повел армию днепровским путем, а Свенельд отправился прямо на север (видимо, сражаться с печенегами для отвлечения их от обходного маневра Святослава). Однако в результате Святослав попал со всей армией в западню, а перерезанный печенегами путь с Дуная на Киев внезапно снова открылся, и хозяином в Киеве стал вместо Святослава Свенельд.

«Мудрый совет». Как же летопись мотивирует столь странный маршрут возвращения Святослава? Она пытается представить его следствием того, что князь пренебрег мудрым советом Свенельда. Последний, по летописи, дал князю совет обойти пороги на конях, так как у порогов стоят печенеги. Но Святослав его не послушал и пошел в ладьях, за что и поплатился головой.

Таким образом, первопричиной гибели выставлено собственное безрассудство. А так как перед тем в летописи приводились другие примеры легкомыслия и своеволия Святослава (вызывавшие сетования киевлян и даже Ольги), эти мотивировки производят в летописном рассказе внешне правдоподобное впечатление. Таким образом, вопрос о том, как лучше пройти с Дуная на Киев, подменен вопросом о том, как лучше обойти Днепровские пороги.

Но зачем же вообще было советовать обходить эти пороги? Да разве ж они лежат на пути с Дуная на Киев?! Неужто ж нелепости такого совета мог не заметить Святослав, если бы действительно услышал его?

Представьте себе, для сравнения, что вы сегодня едете из Москвы в Ленинград. И получаете совет: ни в коем случае не ехать по мостам через Днепр в Киеве, так как там идет ремонт. Что бы вы подумали о таком «мудром совете»?

К тому же совет обходить пороги излишен по одному тому, что ладьи вверх через пороги вообще не проведешь, а стало быть, обход так или иначе неизбежен. А если уж

у порогов стоят печенеги, их и на конях не обойдешь, ибо у печенегов прекрасная конница.

Нет, можно ручаться, что анекдотического совета (выдаваемого в летописи за мудрый) Свенельд Святославу не давал. Весь этот рассказ — просто выдумка, имеющая целью выгородить Свенельда и опорочить Святослава. Точно так же нельзя поверить в то, что Святослав поплыл к порогам, зная, что там стоят печенеги.

Подлинный совет Свенельда. Так давал ли Свенельд вообще совет Святославу? Конечно! Этого требовал его долг воеводы. Что же он посоветовал князю? Можно ли это узнать? С большой долей вероятности.

Совет дан здесь, на русском Дунае. По долгу воеводы Свенельд докладывает государю обстановку, которая внезапно стала катастрофической: гонцы доложили ему, что печенеги прорвались в глубь не только Уличской, но и Тиверской земель. Прямой путь на Киев перерезан и большинство обходных тоже. В этой обстановке Свенельд предлагает князю отправиться со всей своей армией в дальний обход — маршрутом столь кружным и неудобным, что его там наверняка не ждут. Это единственный шанс на спасение.

Далее Свенельд предлагает отвлекающий маневр своего варяжского отряда. Он сам поведет его прямо на север, симулируя прорыв армии Святослава на Киев. Пока печенеги заметят ошибку, время будет выиграно и Святослав будет далеко. Это тоже разумное и достойное предложение, в котором Святослав не может заподозрить ничего дурного. Более того, оно выглядит благородным самопожертвованием, и если Святослав и может возражать, то только против того, что варяжский отряд, заранее обреченный на гибель, поведет сам Свенельд. Настояние Свенельда на личном руководстве опаснейшей операцией ему никак нельзя было поставить в вину. План здрав и безупречен, он соответствует обстановке и долгу воеводы. И Святослав должен был его принять.

При попытке избежать нового, печенежского, окружения от князя следует ожидать той же трезвости и решительности, что и в Доростоле. И Святослав эти качества, несомненно, проявил, приняв план Свенельда. Он одобрил отъезд Свенельда на север, а всю армию повел на Днепр и беспрепятственно дошел до самой Хортицы.

И только там, когда от русского Дуная пройдено без малого тысяча километров, Святослав убеждается, что попал в ловушку. До русской границы на Суле остается

всего 300 километров, но пороги перекрыты печенегами. Здесь стоят, против ожидания, не дозоры, а главные силы печенежской армии. Прорыв невозможен, а выручки из Киева нет, хотя она, конечно, была обещана Свенельдом в случае, если кому-либо из варягов удастся пробиться до Киева.

Только на Хортице Святославу становится ясно, что совет Свенельда, казавшийся таким безупречным и даже благородным, был на самом деле предательским.

Союзник хана Кури. Предательством было, конечно, не только то, что Свенельд заманил Святослава в ловушку, но и то, что он, уже из Киева, не прислал на выручку Святославу своих войск. На подозрительность последнего момента обратил внимание еще в прошлом веке историк С. М. Соловьев. Сочтя, что Свенельда послал в Киев сам Святослав как раз за свежим войском, он писал: «Но Свенельд волею или неволею мешкал на Руси»[1]. Как видим, подозрение Соловьева подтверждается точно так же, как обвинение Рыбакова.

Итак, подозрительным выглядит в 971 году чуть ли не каждый шаг Свенельда, даже если не знать истинной обстановки и его подлинного совета. Но если допустить, что Святослав погиб в результате совета Свенельда, тогда в событиях обнаруживается еще один зловещий момент.

Давая свой замаскированный предательский совет, Свенельд знал, что́ произойдет на самом деле. Но как же он мог знать, что все разыграется именно так, как он хочет? Ведь речь идет о маневрах *печенежских* (то есть вражеских) войск! И это очень сложные маневры.

Сначала печенеги должны прорваться в Тиверскую землю (иначе Святослав не направится к Хортице). Затем должны неожиданно уйти оттуда назад, открывая путь в Киев Свенельду, и целый год держать Святослава в блокаде. Быстрые и дальние переброски печенежских войск, каждая из которых выгодна Свенельду!

Но кто же ручается за то, что печенежские войска станут действовать в его интересах? И тем не менее они действуют в интересах Свенельда, и Свенельд это заранее знает...

Но как же он мог, например, быть уверен в том, что печенеги его самого пропустят, а Святослава окружат? А вдруг печенеги, увидев благоприятную возможность

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 169.

захватить Уличскую и Тиверскую земли, оставят все свои силы здесь? Ведь это было бы для Кури так естественно. И ведь тогда все планы Свенельда сорвались бы. А все «сработало» словно по графику. Выходит, такой график был?

Не слишком ли велико число совпадений, чтобы быть случайными? Не остается ли предположить, что составить и осуществить этот коварный замысел можно только при заранее достигнутой тайной и точной договоренности между Свенельдом и печенежским ханом Курей?

В заговор с Курей Свенельд вступил, видимо, задолго до событий. Он заранее знал и то, что войска Кури будут наготове, ожидая условленного сигнала, и то, что Святославу придется уходить с тяжелыми потерями из Болгарии, и то, что Ярополк будет не с отцом в походе, а княжить в Киеве. (Притом не государем Руси, им оставался сам Святослав, а только князем Полянским. В случае возвращения Святослава Ярополк не только не получил бы престол, но даже не остался бы вообще княжить в Киеве.)

Да и не был ли сам ненужный болгарский поход делом рук Свенельда? Ему надо было вражескими руками погубить и Святослава, и всю русскую армию. На Руси же поход был непопулярен — былинами он не воспет, а в летописи сохранились горькие упреки киевлян Святославу, что он ищет чужой земли, а свою губит. Упреки были заслуженными: в разгар болгарского похода печенеги в 968 году осадили и чуть не взяли Киев. При этом Ольга и все трое юных Святославичей чудом избежали плена.

Наличие варяжско-печенежского сговора прослеживается и при Ярополке. Ни одной попытки деблокировать и спасти Святослава. Ни одного похода против печенегов, чтобы отомстить за его смерть. Открытая печенежская граница даже не укрепляется (крепости здесь построил лишь Владимир!). Вместе с тем ни одного печенежского похода на Киев и вообще на Русь при Ярополке. А ведь во время гражданской войны на Руси, когда армия Свенельда была скована годами на двух фронтах, Куря мог брать беззащитный с юга Киев и всю Полянскую землю просто голыми руками. Это выглядит как союз Свенельда с Курей, сначала тайный, затем и открытый.

И в 980 году Ярополк бежит от Добрыни и Владимира из Киева прямо к Куре просить об интервенции. А его приближенный по имени Варяжко долго воюет потом на стороне печенегов против Владимира.

Две русские земли — за голову Святослава. Одним из решающих условий будущего варяжского переворота была уверенность Свенельда в том, что Куря не выпустит Святослава из окружения. Вернувшийся в Киев Святослав, несомненно, покарал бы предателя. А за выход из окружения Святослав с готовностью заплатил бы Куре большой выкуп.

Почему же Куря его не принял? Ведь, как и Цимисхий, Куря не воспользовался победой, не пошел на Киев! Как и Цимисхий, Куря мог выпустить Святослава с армией из окружения за крупные уступки. Раз он этого не сделал, то в чем же состояла его выгода? Иными словами, чем заплатил Свенельд Куре за голову Святослава и уничтожение русской армии?

Историческая карта и здесь дает ответ: Уличской и Тиверской землями Руси!

Сведения об этих двух (активно антиваряжских!) землях были скупы в IX веке, дата их покорения Олегом не указана. А что говорится о них в X веке? Сведения становятся еще скудней.

Тиверская земля упомянута летописью лишь в 907 и 944 годах. Оба раза речь идет об участии ее дружины в войнах против Византии. Уличская, странным образом, не упомянута ни разу, словно вообще исчезла с карты державы. Возможно, это означает, что она была Олегом упразднена, влита в состав Тиверской (как Северская за непокорство была влита им в состав Полянской). А после 944 года исчезает упоминание и о Тиверской.

Но означает ли такая скудость сведений, что две юго-западные земли державы не играли в X веке в ее судьбах никакой серьезной роли? Историческая карта говорит об обратном: их стратегическое значение было огромно. Они обеспечивали Русской державе непрерывную сухопутную связь от самого Киева со своими морскими портами (в том числе и дунайскими). Внезапный и победоносный рейд под самые стены Царьграда был возможен для флота Аскольда как раз из этих портов. Именно эти две земли делали Русь первоклассной черноморской державой и давали ей на Дунае прямую границу с Болгарией.

Но в конце XI века летопись говорит об этих землях, как о давно утраченных Русью. Когда же они были утрачены? При каких обстоятельствах? Летопись молчит, хотя утрата целых двух земель да еще такого значения — не мелочь. Опять хорошо знакомый нам прием отвлечения от фактов, не выгодных для варягов.

Между тем запретная дата злополучного события была составителям проваряжской версии известна. Более того, она фигурирует в летописи между строк. Установить ее позволяет наличие в летописи скрытой информации о русском Дунае.

Первое такое «скрытое упоминание» этих двух земель (или расширенной Тиверской) обнаруживается в летописной статье 969 года. Там Святослав называет недавно завоеванную им Болгарию серединой своей земли — центром державы. Это свидетельствует, что в 969 году существовал «сухопутный мост» из Киева в Болгарию. Если бы южная граница Руси лежала тогда на реке Роси, в сотнях километров от Дуная, Святослав, завоевав Болгарию, никак не мог бы рассматривать свое новое изолированное и далекое владение как центр своей державы (никому не приходило в голову давать такое определение изолированному Тмутараканскому княжеству). Стало быть, между 944 и 969 годами эти земли продолжали находиться в составе Руси.

Оставались они русскими и далее — в 970 и 971 годах. Без их «сухопутного моста» удерживать Болгарию, когда назревала, а затем разразилась война с Византией, было бы невозможно. И наконец, наличие русского берега Дуная подтверждается, как мы знаем, для лета 971 года проверкой маршрутов возвращения Святослава и Свенельда.

Но затем всякая скрытая информация о наличии русского Дуная и этих двух земель из летописи исчезает. Затяжные войны Владимира с печенегами, начавшиеся в 980-х годах, разыгрываются вблизи от Киева без участия Уличской и Тиверской земель: нет ни ударов русских войск оттуда во фланг печенегам, врывающимся с юга в Полянскую землю, ни рассказа о захвате их печенегами. И в княжение Ярополка земли эти также никак «не прощупываются». Вывод ясен: они утрачены Русью именно в 971 году.

«Мелочь», от которой проваряжская версия так старательно отвлекает внимание, была для Руси подлинной катастрофой. Не меньшей, чем гибель Святослава и его армии. Южная граница державы разом переместилась с Дуная и Черного моря на верхнее течение Роси, в непосредственную близость от Киева. Прямой выход к Черному морю Русь утратила, оказалась отрезанной и от Болгарии.

Правда, Русь все же осталась черноморской держа-

вой благодаря Тмутараканской земле. Но военное использование изолированного Тмутараканского княжества зависело от согласия печенегов (а затем половцев), что сильно ослабило позиции Руси на Черном море. Юго-западные же земли Руси остались утраченными на века.

Таковы оказались поздние плоды традиционного с конца IX века варяжско-печенежского союза против русских. Чтобы взять реванш, варяжская партия расплатилась с ханом Печенегии за голову ставшего ей помехой Святослава всем юго-западом Руси!

Святослав и Печенегия. В проваряжской версии утрата юго-запада Руси представлена как стихийное бедствие, как следствие алчности и неодолимой силы кочевников. На самом деле инициатива захвата двух юго-западных земель Руси принадлежала вовсе не Печенегии. Русь была слишком сильна, чтобы печенеги могли отважиться на такую дерзость.

К тому же (хотя проваряжская версия старается это скрыть) печенеги до самого 971 года были вовсе не противниками Святослава, а его многолетними союзниками. Науке хорошо известно, что Святослав восхищался печенежской тактикой и перенял многие печенежские обычаи, что возможно лишь при многолетнем дружеском общении.

Так, в летописи сохранилось описание привычек Святослава в походе: он не брал с собой не только обоза, но даже котлов; мяса не варил, а питался зажаренной на углях кониной, дичью или говядиной (конина поставлена на первое место!); не брал и шатров, а спал на войлоке, с седлом в изголовье, под открытым небом. К тому же приучал и своих воинов. Но обычаи эти не русские, а печенежские.

На византийских миниатюрах, которыми иллюстрирована рукопись хрониста Иоанна Скилицы, ученых поражает обилие печенежских бытовых деталей в изображении Святослава и его свиты. Например, их печенежские шапки (казалось бы, столь не подобающие русскому государю и его приближенным). «Действительно, Святослав, удивлявший современников простотой своего воинского быта, видимо, сильно «опеченежился», — пишет в этой связи этнограф Липец[1].

Далее, у Льва Диакона сохранилось описание внешности Святослава в Доростоле — длинные свисающие усы,

---

[1] В. С. Липец. Эпос и Древняя Русь. М, 1969, с. 190.

длинный чуб на гладко выбритой голове, в одном ухе золотая серьга. Нам такой облик сразу напоминает запорожца. Но для X века то был облик не южнорусский, а печенежский! Историк П. В. Голубовский специально отмечал, что, когда эта мода несколько позже проникла в Венгрию уже как половецкая, против нее повел борьбу даже сам папа римский.

Итак, в самый канун катастрофы мы видим Святослава горячим, восторженным поклонником всего печенежского. Причина увлечения в том, что печенеги, изобретатели сабли, обладали в то время чуть ли не лучшей в мире легкой конницей. Потому и увлечение Святослава печенегами нимало не ограничивалось внешним подражанием. В основе его лежала вера во всесилие легкой конницы (разуверился он в этом только перед Доростолом, когда выяснилось, что Византию кавалерийским набегом не сломить) и в спасительность и надежность печенежского союза.

Такой союз не был мечтой Святослава. Он был реальностью, основой его внешней политики! Перед самой Болгарской кампанией (начатой в 967 году) Печенегия была союзницей Святослава в успешной войне против Хазарии (964—966 годы). Хазарский Запад был тогда поделен между ними, причем территория между Вятичской и Тмутараканской землями (Кубань и Нижний Дон) досталась не Руси, а как раз Печенегии. Есть сведения и об отрядах кочевников в войске Святослава в Болгарии.

Святославу не верилось, что Печенегия способна изменить их соглашению, их долгому союзу. И Куря действительно ни за что не пошел бы на разрыв выгодного союза с Русью ради такой безнадежной авантюры, как захват двух ее земель, — если бы ему эти две земли не предложил Свенельд!

Свенельд и Святослав. Выяснение судьбы двух югозападных земель Руси обнажает скрытый механизм происков Свенельда. Показательно, что в летописи отмечен ряд конфликтов Святослава с Ольгой. И всякий раз они связаны либо с дружиной, либо с военными действиями Святослава вдалеке. Кто-то из его военного окружения (летопись предпочитает не уточнять, кто именно) систематически ссорил Святослава с Ольгой. Кто был главным зачинщиком этого, теперь догадаться нетрудно.

У трона молодого государя стоит опытный воевода, спаситель его трона и хозяин его армии. Внутренняя политика (которой воевода недоволен) прочно в руках Ольги. Но военные дела не в ведении Ольги, ибо она

женщина. И воевода использует этот шанс. Он старательно прививает молодому Святославу равнение на все печенежское, разжигая его честолюбие обещаниями вечных побед в союзе с печенегами. Именно это Свенельд делает главным рычагом своего влияния на Святослава, главным рычагом противодействия Ольге.

Но побудить Святослава порвать с Древлянским домом и сменить внутреннюю политику Свенельду так и не удается. Совместное влияние Ольги, Малуши и Добрыни парализует любые советы Свенельда в этом направлении. Тогда Свенельд решает погубить Святослава, для чего использует тот же рычаг — обещания новых побед, теперь уже на Балканах, плюс тайный заговор с ханом Курей.

Свенельд и Ярополк. В этой игре он делает ставку и на старшего сына Святослава, на Ярополка (сам он занять трон не может). О роли малолетства Ярополка, давшего Свенельду возможность стать «киевским мажордомом», достаточно сказано у Рыбакова. О том, что Свенельд упрочил свое положение, женив Ярополка на своей дочери (или другой близкой родственнице), я говорил выше. Но чем ближе приглядываешься к фигуре Ярополка, тем более подозрительным кажется его поведение, тем более зловещей его роль. Нет, он не просто марионетка Свенельда, он активный соучастник заключительного этапа его заговора!

Дело не просто в варяжском перевороте в Киеве. Дело в троне самого Ярополка. Я уже заметил выше, что Ярополк был оставлен в Киеве всего лишь князем Полянским. Киев в тот момент был Святославом «развенчан», а столица Руси перенесена им (вопреки Ольге, заявившей: «Пока я жива, этого не будет!») за рубеж! В завоеванную Болгарию, в Переяславец на Дунае. (Между прочим, это безумие делало, чего не учел Святослав, по международному праву не Болгарию владением Руси, а, напротив Русь теоретически владением Болгарии.) При повороте военного счастья столица Руси теоретически находилась в ставке Святослава в осажденном Доростоле. А Ярополк? Всего лишь удельным князем Полянским в державе Святослава.

Но после Доростола Святослав возвращался на Русь, в Киев. Ведь по Доростольскому мирному договору Святослав отказывался от Болгарии вообще, а государем Руси оставался, — и в результате неудачи Болгарской кампании Киев снова становился столицей Руси.

Как только Свенельд возвратился в Киев, он сказал Ярополку: «Отныне ты правишь не Полянской землей, а всей Русью. Но если отец вернется, править Русью станет он, а вовсе не ты». И Ярополк это прекрасно понял. И сам стал бороться за неожиданно доставшийся ему (с помощью Свенельда) трон. Он стал противодействовать всяким мерам по спасению Святослава и его армии из печенежского окружения. Иными словами, он оказался соучастником отцеубийства!

Вот что вскрывает анализ тех событий в XX веке. Но это бросалось в глаза всем русским и в 70-х годах X века! Вопрос, кто же виновник гибели Святослава и всей действующей армии, был у всех на устах. И первыми вправе были открыто задать такой вопрос младшие сыновья Святослава и его шурин Добрыня!

Скидки на малолетство Ярополка, на то, что он мог быть обманут Свенельдом, делались. Как-никак он был старшим сыном, и это ставило славянскую партию вначале в трудное положение: после гибели Святослава первым его наследником был, бесспорно, Ярополк, и его соучастие в отцеубийстве надо было предварительно доказать (как и вину в гибели окруженной печенегами армии и утрате двух юго-западных земель). А отговорки у Ярополка, конечно, были (часть их мы знаем по летописной версии: во всем-де виноват сам Святослав да еще коварство и неодолимая сила печенегов).

И все-таки на Вышгородской встрече от Ярополка потребовали, видимо, не только отставки Свенельда и смены политики с варяжской на славянскую, но еще и *расследования обстоятельств гибели Святослава и его армии.* И отказ Ярополка от такого расследования повлек за собой и прямое обвинение его в соучастии в отцеубийстве, в узурпации трона и в государственной измене. Низложение Ярополка силой оружия, отказ союзных земель признавать его далее государем получили исчерпывающее обоснование.

Куда после этого делся Свенельд? Естественно, он оставался реально у власти во все продолжение гражданской войны. Летопись, правда, упоминает его в последний раз в 977 году, когда Ярополк, увидев в Овруче тело убитого Олега, будто бы упрекнул Свенельда за его смерть. А сам будто бы раскаялся. И вроде подверг Свенельда опале. Но верить этой уловке составителей проваряжской версии нельзя.

Даже летопись принуждена признать, что Владимир

в раскаяние Ярополка не поверил и в дальнейшем упрекал Ярополка в братоубийстве. А когда в 980 году новгородской армии Добрыни и Владимира удается наконец прорваться с победой на Юг и она встает под стенами самого Киева, происходит примечательный эпизод.

Ярополк бежит из восставшего Киева, бросив даже жену. Бежит к печенежской границе. И вместе с ним бежит приближенный с характерным именем Варяжко. Ярополк будет пойман в крепости Родне, у самой печенежской границы. А Варяжко бежит к хану Куре и долго воюет на его стороне против Владимира.

Разумно заключить, что «Варяжко» вовсе не имя, а презрительная кличка. И столь же разумно заключить, что это просто «псевдоним» свергнутого и принужденного бежать из Киева всевластного варяжского «мажордома». То есть, что под именем Варяжко скрывается в этом отрезке летописи наш старый знакомец Свенельд. Таков финал его заговора, его захвата власти над Киевом и Русью.

Добрыня — надежда Руси. Но вернемся от 980 года, от победы Добрыни, к году 971-му. Выяснение судеб Уличской и Тиверской земель проливает свет не только на игру Свенельда, но и на судьбу Добрыни. События на далеком юго-западе Руси предопределили то, что путь его к победе занял целое десятилетие. Только теперь мы можем, наконец, окинуть взглядом всю глубину пропасти, спасать Русь из которой выпало Добрыне.

Вот она, картина 971 года во всем ее ужасе. То был год катастроф. Они следовали одна за другой, сливаясь в грандиозную катастрофу. Вся эта цепь катастроф была умело «срежиссирована» Свенельдом — и она не только смела с политической арены Святослава, но и политически испепелила русский Юг. Одновременно она выбила оружие из рук Добрыни!

На Юге не одна Полянская, как казалось вначале, а целых три земли были выведены Свенельдом из строя. И ключевым звеном всего плана Свенельда были Уличская и Тиверская: в них решалась судьба Святослава, в них открылся Свенельду путь на Киев. Наконец, разгром и захват печенегами этих земель резко облегчил варяжский переворот в Киеве (послать в Киев против варягов уличские и тиверские дружины стало невозможным).

В канун трагических событий вся держава была в руках славянской партии, а русский Юг состоял из пяти

земель. Удача плана Свенельда разом выбила из лагеря славянской партии три земли Юга. А четвертая, Тмутараканская, была парализована (ибо лежала за печенежским барьером). Из пяти земель русского Юга устояла только Древлянская. После этого-то главной надеждой всей страны и стал русский Север, Новгород Добрыни.

Но увы, и Новгород был временно парализован. Мы убедились в том, сколь велико было могущество Новгородской земли, знаем, что оружие Новгорода спасло и преобразило Русь. Но в 971 и 972 годах Добрыня был вынужден бессильно взирать, как гибнут Святослав, армия, юго-западные земли... Протянуть тогда спасительную руку помощи он не мог.

От Доростола, от Хортицы, от Тиверской земли Новгород лежал за тысячу верст. Путь туда из Новгорода вел через Полянскую землю, а в руках Свенельда Полянская земля блокировала путь Добрыне (и даже Олегу). Пробиться на выручку Святославу, уличам, тиверцам через Полянскую землю можно было бы только с боем. А для этого у Добрыни в Новгороде в тот момент не было войска. Это войско было уложено стараниями Свенельда в землю Болгарии или переживало долгую агонию в печенежском окружении (для того чтобы легче добраться до головы Святослава, Куря предпочел не сражаться, а выморить его армию голодом).

Теперь мы видим, что в год катастрофы положение Добрыни было крайне тяжелым. Но мы можем наконец оценить в полной мере проявленные им сразу же твердость духа и замечательные качества политического и военного лидера. В год катастроф Русь была спасена Добрыней буквально на краю гибели.

На пути к победе лежали долгие годы тяжелой и упорной борьбы. Но именно эта борьба (вместе с испытаниями юных лет) сделала Добрыню навсегда любимцем былины и национальным героем Руси.

Глава 12
Путь к победе

Я меняю метод изложения. Путь к победе 980 года был для Добрыни значительно более долгим и трудным, чем даже в 975 году. Сначала согласованные военные действия обеих земель патриотической коалиции развивались успешно, изматывая и парализуя Свенельда. Но затем Добрыню ожидала серия катастроф. И трехлетие с 977

по 980 год оказалось не менее бурным, чем предыдущие годы.

Если бы я стал излагать события этого трехлетия так же подробно и обстоятельно, как делал до сих пор, мне пришлось бы писать по меньшей мере еще одну книгу. Если даже не две. Написать такие книги я мог бы, ибо побывал практически во всех решающих точках жизненного пути Добрыни, за исключением разве Швеции. Мог бы и потому, что подробный расчет событий 977—980 годов мною уже сделан и даже частично опубликован в моих научных статьях[1]. Но увеличивать вдвое объем книги, которую читатель держит сейчас в руках, было бы нецелесообразно: это вышло бы за рамки серии «Необыкновенные путешествия».

А вместе с тем книга моя не должна оказаться оборванной на полуслове в самый разгар схватки со Свенельдом. У читателей, естественно, возникнет вопрос: «А что же дальше?» И ответ на этот законный вопрос должен быть дан сразу же. А это возможно, только если изменить метод изложения, то есть перейти от аргументированного обоснования выводов к изложению сжатой канвы событий. Зная уже, кто такой Добрыня и какая обстановка сложилась в середине 70-х годов X века в Русской державе, общий ход дальнейших событий можно понять и без подробного разбора деталей.

Овруч. Я смотрю на Овруч с моста через речку Норинь на дороге, ведущей из Коростеня. Отсюда открывается панорама древней части города. Он стоит на горе, а я смотрю на него с равнины. Под горой течет ручей Вручий — в X веке он был, видимо, речкой Вручью (имя городу дала именно она). От X века сохранился только общий рельеф, и отсюда он хорошо виден. Да еще сохранилась часть крепостных валов, окружавших замок Олега Древлянского. И о событиях 977 года напоминает в городе камень с надписью, поставленный на месте кургана, насыпанного когда-то над телом Олега. С равнины этот памятник не виден, так как стоит там, где был когда-то въезд в замок, — на другой его стороне. Въезд был через мост (описанный и в летописи и в былине), переброшенный через крепостной ров. Таким образом, штурм замка начался уже на горе.

[1] См.: «Древлянское происхождение князя Владимира» и «Шестибожие князя Владимира» в Украинском историческом журнале; «Из истории ранних русско-булгарских политических связей» (в сб. «Из истории ранних булгар». Казань. 1981) и др.

Нет, надежды былины не сбылись: Олегу не удалось победить «черного ворона». В 977 году Олег погиб совсем юным, обороняя свою столицу. Погиб во время штурма замка, на этом самом мосту. Штурмом руководил Свенельд. Хотя на мосту коннице действовать очень неудобно, нет простора для маневра, ров Овруча оказался заваленным доверху не только людскими, но и конскими трупами. То есть мост и ворота Овручского замка штурмовала почему-то конница. Видимо, то была печенежская конница, ибо печенеги сражаться в пешем строю не умели. Похоже, Свенельду удалось в 977 году добиться от хана Кури интервенции. Это помогло ему достичь решительного перелома в ходе военных действий. Позволило прорваться наконец к близкому, но ранее недосягаемому Овручу и взять его штурмом, расправиться с Олегом и всей Южной армией Добрыни. Гибель Олега известна из летописи, а гибель «силы Микулушкиной» на овручском мосту — из былины.

Вся Древлянская земля была залита кровью, Южный фронт патриотической коалиции рухнул. «Черный ворон» торжествовал, и было отчего: теперь он стал князем Древлянским.

Добрыня сдает Новгород. То была тяжкая катастрофа. Коалиция потеряла своего первого контргосударя, свою Южную армию и свой плацдарм на Юге — Древлянскую землю. Владимир, кроме того, оплакивал не только верного союзника, но и брата. И этим дело не кончилось. Теперь у Ярополка руки были развязаны, и он немедленно двинул свободившиеся войска на Новгород.

Но в столь тяжелейшей обстановке Добрыня не пал духом, он тоже стал действовать без промедления. Именем Хорса и Даждьбога новым контргосударем Руси от патриотической коалиции вместо погибшего Олега был сразу же выставлен и коронован следующий сын Святослава — Владимир. Это означало: борьба продолжается, несмотря ни на что!

Но вслед за политическим решением предстояло принять решение военное, принять в резко изменившейся обстановке. Теперь в руках Свенельда были все земли державы, а против него стояла одна Новгородская — и сам Новгород мог теперь оказаться под прямым ударом. Что же делать?

Добрыня решил: надо спасти Северную армию и выиграть время. И он сдал без боя Новгород ради спасения армии (как много веков спустя Кутузов сдаст Москву).

В полном порядке новгородская армия была посажена на корабли — и эскадра ушла в открытое море.

977 год — самый черный в жизни Добрыни. В тот год все головы варяжского Змея Горыныча взвились над головой Добрыни (вот какой исторический момент лежит в основе картины в Доме-музее Васнецова). В тот год небо над Древлянской землей было черно от погребальных костров погибшей армии Олега. Но армия Владимира цела, и надежды всей Руси связаны отныне с молодым Владимиром. Хорс и Даждьбог, храня его жизнь, явно желают теперь, чтобы на престол в Киеве взошел внук Мала.

Южная армия погибла, но Северная цела — и там, далеко на Севере, штевни боевых ладей Новгорода режут тяжелую волну Балтики. Над ними реют знамена с ликами обоих русских солнечных богов. И на них направлены с надеждой взоры всей Руси, всюду ждут их возвращения с победой.

Швеция. Добрыня временно увел армию и флот Севера за рубеж. Однако это не означало прекращения боевых действий. Новгородская эскадра блокировала захваченное Свенельдом побережье Финского залива. Она крейсировала в море, но блокада велась с ближних баз, с русских островов в Финском заливе, остававшихся последним свободным клочком русской земли. Вероятно, главной такой базой стал остров Котлин, где века спустя возникнет Кронштадт.

Однако прокормить всю новгородскую армию эти небольшие острова не могли, да и вообще требовалось более дальнее и надежное убежище, более прочная база для подготовки контрудара в будущем. И свою ставку, а также главную базу шурин и младший сын Святослава разместили в Швеции, предоставившей им убежище на три долгих года. Видимо, ставка Добрыни располагалась вблизи Упсалы, тогдашней столицы Швеции.

Шведский период Добрыни тоже был плодотворным. Как уже говорилось, в Швеции правил в то время король Эрик, стремившийся покончить с долгими смутами в стране, очистить ее берега от пиратов-викингов и не дать вовлечь Швецию в нескончаемые войны, бушевавшие между королевскими домами Норвегии, Дании и Англии. Эрик встретил Добрыню как желанного гостя — ведь тот приехал не просто как беглец, спасающий свою жизнь, а как борец и хозяин закаленной в боях армии. Трехлетнее пребывание в Швеции новгородских полков Добрыни сильно укрепило позиции короля. Эрик смог одержать верх

над своими врагами и получил прозвище «Сегерсел» («Победоносный»).

А Добрыня сумел убедить Эрика, что для проведения национальной шведской политики необходим прочный тыл. Если Эрик действительно желает добиться шведского порядка в шведском доме и нейтралитета в чужих распрях, раздирающих скандинавский Запад, то лучшей опорой для такой политики будут дружба и союз с могучей Русской державой. А раз так, то государственным интересам Швеции отвечает союз с русскими патриотами, желающими навести русский порядок в русском доме, а не с кровавыми варяжскими авантюристами, временно хозяйничающими на Руси.

И такой союз был заключен. Он лишил Свенельда с Ярополком возможности вербовать в Скандинавии наемников, как это делали Рюрик и его преемники. Более того, он дал Добрыне возможность усилить новгородское войско вспомогательным варяжским отрядом. Ничего подобного раньше русским патриотам, боровшимся против варяжских угнетателей, не удавалось.

Союз Древлянского дома со Шведским королевским домом был заключен на основе дружбы и взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга. Рукопожатием Добрыни Древлянского и Эрика Сергерсела была создана на севере Европы зона мира — на двести лет! Целых два века после этого между Русью и Швецией не было военных столкновений (другой подобной зоны прочного мира в средневековой Европе не найти). В случае победы Добрыни союз гарантировал Руси прочный тыл на Севере (очень нужный для борьбы с Печенегией) и открытый выход на Балтику. В тяжелейшей обстановке сын Мала Древлянского сумел проявить не только твердость духа, но и беспримерную государственную мудрость, выдающееся мастерство дипломата.

Сообразно понятиям той эпохи союз был скреплен династическим браком Добрыни с дочерью Эрика Сегерсела (о чем уже говорилось выше). Этот второй «королевский брак» Древлянского дома имел не меньшее значение, чем первый, то есть брак Малуши со Святославом. Он знаменовал триумфальный выход Древлянского дома на международную арену. Характерно, что Эрик предпочел заключить этот брак не с Владимиром (хотя законным государем Руси признал именно его), а с Добрыней как главой Древлянского дома и главным своим союзником. Добрыне удалось то, о чем Мал и меч-

тать не мог, — превратить одно из варяжских королевств самой Скандинавии в надежного союзника Древлянского дома.

Примечательно, что шведская историческая традиция приписывает Эрику Сегерселу ликвидацию пиратства на Балтике. Между тем сделать это, владея одним западным побережьем Балтики, было бы невозможно. Эрику нужен был союзник на востоке Балтики, обладающий там господством на море и не дающий пиратам уйти от шведских берегов на восточные и закрепиться там. Это, очевидно, означает, что варяжское пиратское гнездо на Балтике — то самое, откуда в свое время явился на Русь Рюрик, — было ликвидировано как раз в 977—980 годах совместными действиями шведского флота Эрика и новгородской эскадры Добрыни. В русской былине этот эпизод биографии Добрыни отразился в виде сражений Настасьи Микуличны и Ильи Муромца с *морскими* разбойниками.

Колывань. Таким образом, годы пребывания в Швеции не были потеряны Добрыней. Новгородская армия укрепила свой боевой дух, пиратское гнездо на Балтике было разгромлено, господство на севере и востоке Балтики завоевано новгородской эскадрой, ценный союз со Швецией упрочен.

Боевая сила была сохранена, и время выиграно. Добрыня успел продумать все уроки поражения 977 года и составить план действий на будущее. И вот, подготовившись к решающей схватке, новгородская эскадра покинула гостеприимную Швецию и взяла курс на Русь.

Однако десант на новгородском побережье успеха не сулил, ибо оно с самого 977 года охранялось сильными отрядами Свенельда, ждавшего контрудара Добрыни именно здесь. Но у Добрыни был уже наготове план. Каков он был, показывает былина.

В цитированной уже книге о былинной ономастике автор Т. Н. Кондратьева обратила внимание на то, что в русской былине есть несколько богатырей со странным отчеством Колыванович и не менее странным именем Колыван. Коль скоро такого имени вообще не существует, возник вопрос, откуда же оно в былине взялось? И Кондратьева указала, что оно восходит к топониму Колывань — древнерусскому названию Таллина.

Это имя города, в свою очередь, восходит к имени Калева, героя финского и эстонского эпоса — «Калевалы» и «Калевипоэга». То есть «Колывань» означает «город Калева». (Русским было известно и другое, исконно эст-

ское, название этой крепости — Линданиса. В былин⸱ это город Лéденец.)

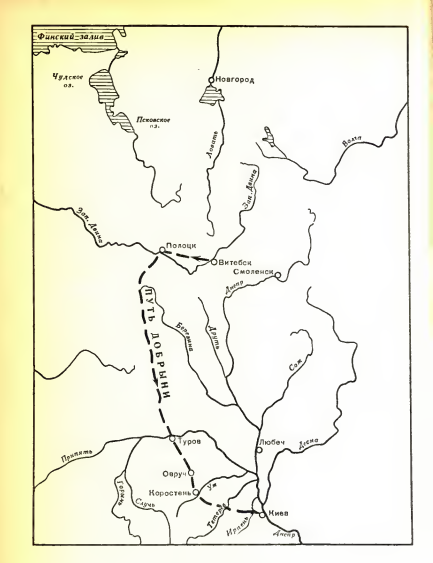
Но как богатыри-эсты могли попасть в русскую былину? Полагаю, что Колывановичами могли быть русские богатыри, отличившиеся под Колыванью, и что отличились они именно в 980 году. Новгородская эскадра бросила якорь в Колывани — и вслед за Швецией эстонские земли встали на сторону Добрыни. И предоставили ему свою территорию для скрытного обходного маневра, для форсированного марша от Колывани в глубь Эстонии и через Чудское озеро прямо на Новгород. (Отвлекающий десант был, вероятно, предпринят на русском морском побережье.) Этот быстрый маневр застал врагов врасплох, Новгород был освобожден стремительным ударом, а вслед за ним и вся Новгородская земля. Армия Новгорода сразу же перешла в наступление и, развивая первый успех, вступила в Смоленскую землю. (Колыван Колыванович вполне мог быть и эстом, присоединившимся в Колывани к армии Добрыни; Эстония могла дать ему и вспомогательный отряд.)

Витебск. Добрыня с Владимиром разбили свою ставку на смоленской территории, в районе Витебска, на водном рубеже Западной Двины. Армия стояла фронтом на Смоленск, угрожая этой крепости. Встревоженный Ярополк стал спешно стягивать войска к Смоленску. Но Добрыня почему-то медлил. Вскоре против него стояли главные силы Ярополка, готовясь наступать на Новгород и снова выбросить Добрыню и Владимира из Руси.

Задача Добрыни была необычайно трудна: с войском одной-единственной земли победить Ярополка, владевшего десятком земель. Это была все та же задача, что стояла в 977 году, — и тогда она оказалась невыполнимой. Удастся ли Добрыне решить ее теперь? И как?

Из поражения 977 года Добрыня извлек следующий урок: из двух фронтов против Ярополка решающим оказался Южный, но ключом к победе являлась переброска армии Новгорода на южный плацдарм, то есть в Древлянскую землю. В 977 году она оказалась невозможной: путь туда был заблокирован Смоленской армией Ярополка. Сейчас было то же самое. Тем не менее на сей раз Киев был освобожден, так как Добрыня заранее, еще в Швеции, нашел способ прорваться на Юг. Теперь он стал выполнять свой блестящий стратегический план.

Полоцк. Итак, в военных действиях наступила пауза. А тем временем Ярополк послал сватов к Рогнеде (Рагн-

Поход на Киев 980 года

хейдр), дочери полоцкого князя-варяга Рогволода (Регнвальда) из отдельной варяжской династии. Полоцк в ту пору был нейтрален, и войск ни одной из сторон там не было. Если сватовство будет принято, Полоцк (тогда независимый, в державу не входивший) вступит в союз

с Ярополком, в тылу у ставки Добрыни появится новый враг и создастся возможность удара прямо на Новгород.

Узнав о прибытии в Полоцк сватов из Киева, Добрыня решил прекратить выжидание. Было ясно, что Ярополк потребует от Рогволода пропустить войска через полоцкую территорию для обхода его, Добрыни, армии. Что делать, Добрыня и Владимир решили заранее.

В Полоцке успешно велись переговоры с киевским посольством, как вдруг прибыло другое посольство — Рогнеду сватал и Владимир! По былине, главным сватом приехал сам Добрыня. Разумеется, Владимир также требовал не только руки Рогнеды, но и заключения Полоцком военного союза с Новгородом и немедленного пропуска его войск на Оршу, в тыл крепости Смоленск.

Рогволоду предстоял выбор: продолжение нейтралитета или союз с одной из сторон. Взвесив количество земель и войск у обеих сторон, он решил, что союз с Ярополком выгодней. Кроме того, ему, князю-варягу, правившему славянской землей, была по душе политика Свенельда. И он заключил, что может без всякого риска поднять свой престиж, заставив Владимира проглотить тяжкое оскорбление. Ведь Владимир уже имел одного могущественного противника, да к тому же связан на фронте. Наверняка он не сможет и не захочет начинать войну со вторым.

И Рогволод вложил в уста дочери нарочито оскорбительный ответ послам Владимира: «Не хочу разуть робичича». Как мы помним, это означало: «Не пойду замуж за сына рабыни». Такое оскорбление, наносимое в торжественной обстановке от имени Полоцка Новгороду и его князю, было, несомненно, поводом к войне. А добавление «а хочу за Ярополка» вдобавок означало, что Полоцк вступает в союз с Ярополком. Уверенный в безнаказанности, Рогволод дал оскорблению максимальную огласку, чтобы сильнее унизить Владимира и Новгород.

Правила дипломатической игры Рогволод рассчитал верно, но насчет безнаказанности жестоко просчитался. Добрыня и Владимир предусмотрели такой ответ и приготовились к действиям. Как только весть о «робичиче» достигла ставки Владимира, главные силы Добрыни устремились не на Смоленск, а на Полоцк!

Там шел в полном разгаре свадебный пир, Рогнеду уже собирались везти в Киев. Войск Ярополка в Полоцке не было, а Рогволод не только не был готов к бою, но не успел даже убежать. Полоцк пал, все княжеское семейст-

во попало в плен. Теперь Добрыня в свою очередь обозвал Рогнеду «робичицей», и она была взята не в жены, а в наложницы Владимира. Рогволода и его сыновей тут же казнили. Князем Полоцким стал Владимир, а Полоцкая земля была возвращена в состав Русской державы.

Сопротивление Владимиру могла оказать Полоцкая земля: ее войско и население. Но они приветствовали свержение князя-варяга. И, очевидно, даже подняли восстание, облегчившее Добрыне взятие Полоцка, а Рогволоду с семейством помешавшее спастись бегством. Полоцкое войско присоединилось к армии Добрыни. И Полоцкая земля широко распахнула перед Добрыней ворота на Юг. Вслед за Новгородом армия-освободительница Добрыни разожгла антиваряжское восстание и в Полоцке.

Туров. Не теряя времени, армия Добрыни немедленно устремилась из Полоцка дальше. Но не на Оршу и Смоленск, а прямо на юг, в Древлянскую землю! Боярин, командовавший Смоленской армией Ярополка, имел приказ наступать на Новгород, а не на Полоцк, за который не отвечал. К тому же от Владимира можно было ждать, что он задержится в своем новом владении. Но если бы даже этот боярин и разгадал замысел Добрыни, помешать ему он все равно бы не смог: армия Добрыни скрылась из виду. Она совершала свой марш за двойным прикрытием — Друти и Березины с их болотистыми поймами, ей нельзя было ударить во фланг и за ней было бесполезно гнаться в обход через Полоцк.

Теперь на пути в Древлянскую землю из Полоцка лежала только одна земля — Дреговичская со столицей в Турове. И в ее пределах находилась серьезная водная преграда — Припять. Если бы дреговичи стали ее оборонять, это надолго бы задержало Добрыню, возможно, сорвало бы весь поход. Но этого не произошло.

Населяли Дреговичскую землю славяне, а правил ею ставленник Ярополка, князь-варяг Тур. И в Дреговичской земле повторилось то же самое, что в Полоцкой, — Туров (его древние валы видны в городе и сейчас; следов замка Тура не искали, как, впрочем, не искали и следов замка Рогволода в Полоцке) был взят внезапным ударом, Припять форсирована без боя. Дреговичи встретили Добрыню как освободителя, князем Дреговичским стал Владимир, а дреговичские добровольцы встали под их Древлянское знамя.

Это было уже третье антиваряжское восстание на победном пути Добрыни. А его армия-освободительница

в стремительном броске на юг вышла теперь к южной границе Дреговичской земли — за рекой Убортью лежала уже родная земля Добрыни — Древлянская.

Стрибог Полоцкий и Симаргл Дреговичский. Помните, как были расшифрованы «небесные князья» Древлянской и Новгородской земель? Я говорил тогда, что остальные участники Шестибожия это боги-хозяева младших участниц провладимирской коалиции. А так как вначале эта коалиция состояла только из двух земель, то ее младшими участниками могли стать только княжества, повернувшие в 980 году оружие против Ярополка.

Теперь становится ясно, кто же такие следующие боги Шестибожия. Порядок этих богов продолжает строго выдерживаться согласно заслугам их княжеств в победе 980 года, а право на очередное место в Шестибожии завоевано как раз тем, что обе земли не оказали армии Добрыни сопротивления, которое привело бы к тому, что бросок на Юг захлебнулся бы в самом начале или на полпути. И даже оказали Добрыне активное содействие, открыв ему дорогу на Юг и пополнив его войско.

Бог № 4 в Шестибожии расшифровывается как небесный хозяин Полоцкой земли Стрибог Полоцкий, а бог № 5 — как Симаргл Дреговичский. Эти земли активным участием в свержении Ярополка заработали статут соправительствующих земель, что и было выражено через фигуры их богов.

Победа Добрыни. Как только первый отряд Добрыни ворвался в пределы Древлянской земли, гарнизоны Ярополка и Свенельда оказались в кольце восставших. Вспыхнуло четвертое антиваряжское восстание на пути Добрыни. Теперь древляне рассчитались за все сполна. Коростень, Овруч и прочие древлянские города были освобождены.

А армия Добрыни, пронесшаяся как метеор через Полоцкую и Дреговичскую земли, не теряя темпа, как гром среди ясного неба обрушилась прямо на Киев. Вся оборона Ярополка была взломана одним мастерским ударом. О правнуке Владимира Всеславе Полоцком «Слово о полку Игореве» говорит, что он в сказочном конном прыжке дотянулся оружием до злата стола Киевского. Добрыня совершил не сказочный, а вполне реальный тысячеверстный прыжок с Севера, и оружие его Новгорода дотянулось наконец до злата стола Ярополка, до его недосягаемой ранее столицы.

И оружие не только Новгорода. Когда авангард сына Мала Древлянского, завершая этот фантастический

прыжок, вырывается наконец через Ирпень, под стенами Киева встают в едином строю полки четырех союзных русских земель. И кровавый трон Ярополка рушится разом. Его обойденные армии (Смоленская и резервная Любечская) бессильно топчутся вдали от Киева, куда переместились внезапно главные военные действия. Ярополк успевает только спешно затворить городские ворота.

Но не помогает и это (хотя Владимир останавливается в Дорогожичах, чтобы подтянуть отставшие отряды и дать войску передышку; в Дорогожичах — теперь это Бабий Яр — он даже окапывается). Восстание вспыхивает наконец и в самом Киеве. Цепная реакция антиваряжских восстаний, начавшаяся в Новгороде, достигла за одно лето стольного Киева. Страшась восстания, Ярополк бросает даже старшую жену — знакомую нам «царицу» — и бежит из столицы. 11 июня 980 года Киев открывает ворота Добрыне и Владимиру. Знамя победы, заветное Древлянское знамя, наконец водружено над Киевом. И сын Мала Древлянского возводит на престол державы внука Мала Древлянского. Началось славное царствование Владимира Красно Солнышко, которому суждено было продлиться 35 лет.

Широкий обходной маневр Добрыни, завершившийся полной победой, сделал бы честь и Суворову. Добрыня проявил себя великолепным стратегом, лучшим полководцем Киевской Руси. Ничего подобного его феерической кампании 980 года, задуманной и осуществленной по единому плану, история Руси не знает ни по дальности, ни по стремительности. Притом эффект внезапности был сохранен на всем пути — от Упсалы и до самого Киева.

Политические итоги этой кампании еще более значительны. Взят полный реванш за 977 год. И за 946-й. И за 882-й. И за 862-й тоже. Древлянский дом одержал в 980 году блистательную победу! За один этот победный год сметены все варяжские династии, хозяйничавшие на Русской земле. Столетнее варяжское иго свергнуто наконец русским народом в 980 году вооруженной рукой. И это бессмертная заслуга Добрыни. Неудивительно, что былина запомнила и прославила его имя на целое тысячелетие. Добрыня предстает как центральная фигура русской истории 70-х и 80-х годов X века. Он — национальный герой Руси!

Родень. А что же стало с Ярополком и Свенельдом? Они бежали из восставшего Киева. Не на восток, где в их власти все еще оставалась обширная русская терри-

тория, а на юг, вниз по Днепру, прямо к печенежскому хану Куре, пившему, помните, вино из черепа Святослава.

Свенельд советовал Ярополку просить хана привести на Русь страшную печенежскую конницу, чтобы она растоптала утомленную дальним походом армию Владимира, как растоптала ранее армию Олега. Свенельд действительно отправился к Куре с этим поручением. Но Добрыня не дремал.

Его авангард был послан берегом вдогонку Ярополку и настиг его у самой печенежской границы, в крепости Родень (теперь ее руины находятся в Каневском заповеднике). Опасность печенежской интервенции была очень велика. Но Родень, где Ярополк дожидался печенежской конницы, был осажден и сдался. Ярополк был тут же казнен — в тот самый день 11 июня, когда Владимир вступил в Киеве на престол. Так хан Куря лишился своего ставленника на русском троне и предлога к интервенции, чтобы восстановить его на престоле.

Смоленск. Но весь маршрут похода Добрыни от Новгорода до Киева проходил через пять земель. И больше княжеств на этом пути просто не было. Откуда же взялся в Шестибожии бог № 6? Иными словами, какая земля могла быть последней участницей провладимирской коалиции?

Ответ дает историческая карта. Обойденная Смоленская армия Ярополка оставалась цела и нетронута. Если б она теперь двинулась на Киев и вступила в бой против Владимира, это грозило бы ему большими опасностями.

Армия эта стояла в Смоленской земле. Конечно, земельные власти Смоленска были назначены Ярополком. Но там было и население — и под давлением народа власти княжества Смоленского в резко изменившейся обстановке заколебались. Что, если они приведут Смоленскую армию к присяге Владимиру? Что, если выведут из нее полки своей земли? Что, если преградят этой армии дорогу на Киев и выдворят ее в дальнюю Вятичскую землю? Наверняка они вправе запросить за эту важную услугу от Владимира немалую награду. Ведь такой услуги не может предложить ни одна из прочих земель державы — ни Радимичская, ни Вятичская, ни Ростовская, ни Тмутараканская.

Короче говоря, Смоленская земля просто выторговывает себе последнее место в числе соправительствующих земель, а стало быть, и в самом конце Шестибожия. Так божество № 6 (а оно известно по летописи, это Мокошь, «рус-

ская Афродита») расшифровывается как небесная княгиня Смоленской земли, как Мокошь Смоленская.

Поэтому пантеоном победы становится в Киеве в 980 году именно *Шести*божие Владимира.

Присоединением Смоленска к провладимирской коалиции кампания 980 года завершается. Варяжское иго с громом опрокинуто. Правда, Владимир не отказывается формально от своих прав по отцу, прав князя Варяжского дома (это еще предстоит позже), но, как мы помним, он согласно династическому праву считает и эту свою династию славянской. А отступник от династического права отце- и братоубийца Ярополк понес наконец заслуженную кару. И фактически Русью с 11 июня 980 года правит не Варяжский, а Древлянский дом во главе с Добрыней, и Владимир этого не скрывает.

Глава 13
После победы

Соправитель Владимира. После победы Добрыня сразу получил в награду от Владимира княжество Новгородское в наследственное владение с титулом посадника. Но сразу же стал и соправителем Владимира в Киеве. Некоторые из их первых мероприятий мы уже знаем: закрытие главного храма Перуна и воздвижение на новом месте храма Шестибожия, построение гигантской крепости Белгород для размещения там Новгородской армии и выдвижение на главные роли «мужицкого боярства» — на первых порах из героев гражданской войны, завоевавших победу над Ярополком и Свенельдом.

Наряду с реформами внутри страны Добрыня продолжал строить свою систему союзов на международной арене. Так, уже в 981 году была установлена прямая граница с Чехией (сегодня это южный отрезок советской границы с Польшей). Прежде здесь, возможно, имелось буферное княжество (или несколько мелких), отделявшее в интересах Варяжского дома Древлянскую землю от дружественной Чехии. Добрыня и Владимир присоединили эту территорию к Руси в качестве федеральной земли — Волынской. В дальнейшем Владимир сажал туда княжить своих сыновей.

Если союз со Швецией обеспечивал Руси мир на Севере, то союз с Чехией обеспечил мир на всей западной границе Руси. Союз и здесь был скреплен династическим браком — на сей раз Владимира с Малфредой Чешской.

Как я уже говорил, она, видимо, было старшей по рангу женой Владимира.

Внешние союзы Добрыня заключал из здравых государственных и географических соображений — всякий раз с решающей державой всего региона, не обращая внимания на различие религий. Вслед за союзом с языческой Швецией (где были другие боги, чем на Руси) теперь союз языческой Руси был заключен с христианской Чехией.

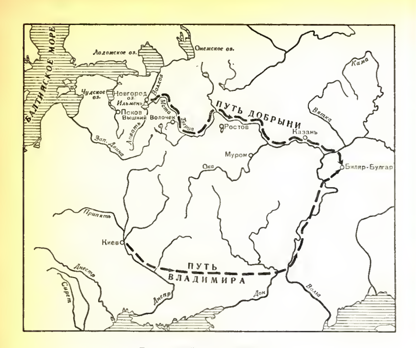
Знакомство с чужими верами иной раз имеет крупные последствия. Не исключено, что крещение Владимира связано именно с Малфредой, «чехиней». Дело в том, что в Чехии тогда имелось наряду с богослужением на латыни богослужение на славянском языке. И еще в XI веке чешские жития святых служили образцом для составления русских житий (в частности, жития Бориса и Глеба, как показал советский ученый Н. Н. Ильин). А о важности давних связей Чешского дома с Древлянским уже говорилось выше.

Гражданская война продолжается. При всей блистательности победы обстановка оставалась сложной: гражданская война, начавшаяся еще в 975 году, против ожиданий продолжалась. Одна из земель, Вятичская (она лежала на востоке державы, столицей ее был Муром), отказалась присягнуть Владимиру и подняла против его власти оружие.

Одна она не смогла бы продержаться долго, но за ее спиной стояла сильная соседняя держава — Волжская Болгария (в отличие от Болгарии Дунайской ее принято называть коротко Булгарией) со столицей Биляр-Булгар (Великий Булгар), южнее Камы, невдалеке от нынешнего Чистополя.

Вятичская земля была тогда в державе достаточно чужеродным телом. Она была присоединена Святославом только в 966 году, причем присоединению сопротивлялась. Общие интересы Руси ей были в то время чужды. Чтобы привязать ее к Киевскому престолу, Святослав взял одной из жен своему старшему сыну княжну Вятичскую. И теперь это имело непредвиденные последствия: Вятичская земля получила неожиданный шанс претендовать на гегемонию в державе и пытаться подчинить себе Киев.

После свержения Ярополка Вятичская земля выставила своего контргосударя — просватанную за булгарского принца малолетнюю дочь Ярополка от вятичской жены, стараясь возвести их на престол в Киеве вместо Владими-

Булгарский поход 985 года

ра. Прежде Булгария не поддерживала Ярополка: он был ставленником Печенегии, ее соперницы. Теперь же появился шанс сделать в Киеве преобладающим не печенежское, а булгарское влияние. Отчасти действия Булгарии диктовались заботой о престиже. Словом, цепочка династических браков почти автоматически втянула Булгарию в войну с Владимиром. Симпатий самого русского народа Булгария, проявив близорукость, не учла.

Такой оборот событий лишил Добрыню и Владимира возможности сразу начать строительство крепостей на открытой печенежской границе, что означало бы войну с Печенегией. В свою очередь, Печенегия воевать за дочь Ярополка не стала, справедливо видя в ней не свою, а булгарскую марионетку, и нехотя признала власть Владимира. Этот мир был непрочным, но он давал Владимиру возможность воевать на неожиданно возникшем Восточном фронте.

Великий Булгар. Между тем Булгария послала свой экспедиционный корпус в Вятичскую землю. Военный конфликт затягивался. Более того, успешный рейд вятич-

ских (а вероятно, и булгарских) войск в Радимичскую землю создал в 984 году угрозу самому Киеву. Отразив этот рейд, Добрыня и Владимир решили, что с затяжным конфликтом надо кончать. Для этого строптивую Вятичскую землю надо было лишить булгарской поддержки.

Добрыня снова применил широкий фланговый маневр, на сей раз двойной обход. В 985 году сам он повел новгородцев в ладьях вниз по Волге, а Владимир — войско Южной Руси на конях из Киева в обход вятичей, через степи временно союзной Печенегии к Волге, где она сближается с Доном, и далее вверх по Волге. Гигантские клещи двух русских армий и флотилий сомкнулись в глубоком тылу противника, под его столицей. Булгария вынуждена была просить мира.

Цель Булгарского похода заключалась в том, чтобы убедить Булгарию в выгоде союза с Древлянским домом, а не с его врагами на Руси и превратить ее в союзника. Добрыня не требовал от побежденной Булгарии никаких земель. Под стенами Великого Булгара был заключен «вечный мир», скрепленный новым династическим браком Владимира — с булгарской принцессой. В залог дружбы и добрососедства детям этого брака были обещаны княжения в русских землях, пограничных с булгарской сферой влияния, — Ростовской и Вятичской. И действительно, сыновья Владимира от «булгарыни» Борис и Глеб княжили там.

Булгарские войска были выведены с Руси, после чего Вятичской земле пришлось признать власть Владимира. Знатные вятичские родичи дочери Ярополка пошли на отречение девочки от всех прав на Руси, после чего ее вместе с нареченным супругом с почетом выпроводили в Булгарию уже в качестве булгарской принцессы.

А булгарский брак Владимира был заключен сначала в главной мечети Биляра (ее раскопанные руины показывал мне казанский археолог и историк А. Х. Халиков), а затем по русскому языческому обряду то ли в ставке Владимира, то ли уже в Киеве. Этого требовало соблюдение дипломатического протокола, взаимного признания вер заключающих мир и союз держав. Словом, царь Ибрагим Булгарский, хотя и с немалым запозданием, понял выгоду союза с Владимиром и стал таким же достойным партнером Добрыни (чье слово в вопросах войны и мира, по летописи, в 985 году было решающим), как швед Эрик Сегерсел.

Зона прочного мира. Теперь Русь обрела на Востоке

такого же сильного союзника, как на Севере и Западе. Вторая зона прочного мира, созданная Добрыней в 985 году, продержалась более ста лет. (Зона мира, созданная чешским браком, оказалась, увы, недолговечной: чешские земли, граничившие с Русью, были вскоре захвачены Польшей, чему Владимир, занятый затяжной войной с Печенегией, помешать не мог. Это привело уже в XI веке к созданию польско-печенежской коалиции против Владимира.)

И зоны эти слились в одну грандиозную зону прочного мира, созданную Добрыней вместе с его партнерами. Она простиралась от шведско-норвежской границы вплоть до Урала. На всей этой огромной территории угроза войны была устранена для населения всех стран-участниц на протяжении нескольких поколений. Даже если на других границах зоны и возникал конфликт, ее городам и селам в целом захват врагами не угрожал. Эта поразительная зона прочного мира стала важным условием для развития экономики и культуры всех народов, входивших в нее.

Такова оказалась политическая программа Древлянского дома на международной арене. Не менее значительной и плодотворной, чем внутри страны. И притом программа эта была не только задумана, но и осуществлена Добрыней и Владимиром на практике с поразительной для той эпохи смелостью, на принципиальной основе.

Важной чертой великолепной системы внешних союзов, созданной Добрыней, была ее веротерпимость, уважение принципа «все веры правые, и каждый бог хозяин в своей стране». Союзницами Руси стали языческая Швеция на Севере, христианская Чехия на Западе и мусульманская Булгария на Востоке. Для религиозных войн в возникшей зоне прочного мира не было места. Далеко опередившие свою эпоху, принципы эти на современном языке называются программой мирного сосуществования, сотрудничества стран с разной идеологией, программой мира и дружбы. В X веке эти принципы выдвинула и претворила в жизнь Русь Древлянского дома. Триумфальный выход Древлянской династии на международную арену был крупным событием мировой истории, благодетельным не только для Руси, но и для ее соседей.

В частности, именно союз с Добрыней позволил Швеции совершить крутой поворот от викингской политики к национальной на целое столетие раньше Норвегии и Дании. Эта зона обеспечила мир и процветание народам, лежавшим между великими державами-союзницами, — населению будущих Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы

на Западе и марийцам, чувашам, мордве, удмуртам на Востоке.

Исключение религиозных войн шло вразрез с теорией и практикой как мусульманских, так и христианских держав той эпохи (да и более ранних и гораздо более поздних эпох). Аллах Багдадский и Христос Царьградский равно видели свою задачу в том, чтобы истреблять «ложных» богов. И это было желанным и удобным предлогом для захвата чужих земель. Христос Римский им в этом отношении не уступал — вспомним хотя бы кровавую историю колонизации Прибалтики крестоносцами и колониальных захватов Испании и Португалии, санкционированных папским престолом. Выдвижение и осуществление принципов веротерпимости и отказа от религиозных войн Добрыней в ту далекую эпоху было одной из крупнейших его заслуг. Для того чтобы доработаться до этих принципов, Западной Европе и мусульманскому Востоку понадобились века.

Введение Пятибожия. Заключение мира и союза с Булгарией имело и крупные последствия внутри Руси: оно подвело черту под долгой гражданской войной. Отныне любая земля, рискнувшая поднять мятеж против Владимира, не могла рассчитывать на поддержку извне. И это немедленно развязало Добрыне и Владимиру руки для давно назревших и ставших неотложными крупных внутренних реформ.

И первой из них стало низложение Перуна, бога-волка, покровителя князей-волков Игоря и Ярополка. Перуна Полянского, продавшего Русь варягам еще в 882 году и давно уже превратившегося в глазах народа в Перуна Варяжского. О его свержении и изгнании в Печенегию уже говорилось в главе «Хортица». Долгий список его преступлений перед Русью не кончился и 980 годом. Это он подстрекал вятичей, наущал Булгарию, не давал победы русскому оружию, хотя лицемерно и принимал «по должности» молитвы за эту победу. Злую волю Перуна равно видели как сторонники Владимира, так и его враги. Жить дальше с таким верховным богом ни Добрыне, ни Владимиру, ни Руси было нельзя.

Победу же 985 года, по тогдашней теории, приписали Хорсу и Даждьбогу, чье могущество наконец парализовало злую волю Перуна. Мир с Булгарией заключили, видимо, уже их именем, без упоминания Перуна, и булгарский брак Владимира тоже. А затем в том же 985 году последовало и логическое завершение долгой борьбы против

Перуна — совершено его низложение, которое не удалось осуществить сразу в 980 году.

Это было сделано, конечно, уже не под Биляром, а в Киеве. Бог-предатель, бог-деспот был судим по обвинению в государственной измене, причем ему был предъявлен полный счет за все его преступления с 882 и по 985 год. Судим равными ему по рангу прочими земельными богами Шестибожия (от имени которых выступали их жреческие коллеги). Признан виновным, свергнут со своего небесного трона и вышвырнут с Руси вон. Шестибожие, как решение с самого начала временное, исчерпалось и было отменено.

Отныне Русью правило Пятибожие во главе с Хорсом и Даждьбогом. Показательно, что их обоих, а также Стрибога мы находим в «Слове о полку Игореве», то есть в русском народе спустя 200 лет их все еще поминали добром. А Перун там ни разу не упомянут.

С низложением Перуна отпала для Владимира необходимость поддерживать далее фикцию того, что он «Перунов внук». Он, разумеется, и до того по праву носил титул «Дождьбожьего внука» по материнской линии. Но в качестве государя державы по-прежнему поневоле титуловался «Перуновым внуком» и должен был носить на престоле именно этот титул до тех пор, пока Перун номинально оставался во главе Шестибожия. Только в 985 году этот титул государя, давно ставший Владимиру ненавистным, был отброшен. Только в 985 году титулом государя мог стать «Даждьбожий внук» (зафиксированный в «Слове о полку Игореве»). Не раньше да и не позже.

Смена династии. Но это, в свою очередь, продиктовало Владимиру и следующую реформу, проведенную сразу же все в том же богатом событиями 985 году: Владимир манифестом с престола провозгласил, что своею властью государя меняет свою династию с отцовской линии на материнскую. До сих пор Русью с 980 года правил Древлянский дом, но княжил на престоле державы Варяжский. Отныне, провозгласил Владимир, он открыто княжит на престоле как государь Древлянского дома, раз он «Дождьбожий внук».

Но разве монарх, спросит читатель, вправе менять собственную династию? Да, такое право у монарха есть (хотя используется не часто). Параллельными примерами могут служить переименование в Англии Ганноверского дома в Виндзорский и смена будущим Петром III при приглашении его в Россию своей династии с отцовской линии на материнскую.

Смена династии Владимиром никого в стране не удивила, она была в логике вещей и увенчивала фактическое правление Древлянского дома, начавшееся еще в 980 году. Что дело в случае победы Добрыни кончится именно так, было всем ясно еще с 977 года, с гибели Олега и коронации Владимира. И поскольку эпопея Мала, Добрыни, Малуши и Владимира сделала Древлянский дом всенародным любимцем, смена династии приветствовалась Русью.

Но правом смены собственной династии обладал не только Владимир, но и его потомки. Как и он, все они были одновременно князьями и Древлянского и Варяжского домов и могли выбирать любую из династий сообразно своей политике. А в этих двух династиях оказались материализованы две противоположные политические программы. Неудивительно, что триумвиры, будучи узурпаторами и деспотами, провозглашали себя князьями Варяжского дома, а их противники — Всеслав и Ростислав с сыновьями — князьями Древлянского дома.

Борьба между двумя династиями, казавшаяся в 985 году поконченной бесповоротно, возобновилась в XI веке и стала главной осью политической жизни Руси. Устранить Древлянский дом с политической арены страны узурпаторам удалось только к середине XII века (когда оплот Всеславичей — Полоцк удалось захватить, а князей Полоцких выслать в Византию). Тогда и была уничтожена последняя летопись Древлянского дома.

Выбор веры. Теперь биография Добрыни вплотную подвела нас к знаменитому летописному эпизоду «выбора веры» (статьи 986 и 987 годов). В нем Владимир почему-то колеблется между четырьмя вариантами единобожия, а сам нелепым образом продолжает чтить языческих богов, хотя в них уже не верит. Разные варианты единобожия неизменно предлагаются миссионерами, причем мотивировки отвержения трех вер совершенно анекдотичны.

Первым отвергнуто мусульманство — будто бы за вымышленные непристойные обряды, которых ислам никогда не предписывал. Вторым отвергнуто иудейство — будто бы за то, что бог отдал «Святую Землю» христианам (хотя при Владимире она принадлежала мусульманам, а крестоносцы завоевали ее только во времена его правнуков). Хазары (их государственной религией был тогда иудаизм) названы в летописи евреями и столицей своей именуют Иерусалим, хотя Хазария никогда не претендовала на «Святую Землю», а столицей имела тогда Итиль на Нижней Волге. Мнимые евреи уверяют Владимира, будто они распя-

ли Христа (хотя действительные евреи этой версии никогда не признавали, а в Евангелии ясно сказано, что Иисуса распяли римляне). Отвергнуто и западное христианство (то есть будущее католичество) будто бы лишь за то, что в западном богослужении нет-де красоты. Вопрос, за что же бог отдал им «Святую Землю», дипломатично обойден.

Ясно, что все три мотивировки отвержения вер принимать всерьез нельзя — и наука давно расценила их как басни. Каждая из них придумана много позже и призвана не объяснить, а скрыть истинное положение дел. В первую голову скрыть то, что Русь была крещена не Варяжским, а Древлянским домом.

Но зачем вообще могла понадобиться такая нелепая подтасовка? А затем, что сам выбор вер при Владимире был фактом общеизвестным. Поэтому его надо было ложно истолковать. Ясно, что иначе легенда о выборе веры была бы вообще ненужной.

Каким же образом Русь оказалась при Владимире перед выбором из нескольких новых вер? В летописи мы читаем поздний миф, полуцерковный, полудинастический. Но что же было на самом деле?

Почайна. Так называлась речка под Киевом (теперь она давно в черте города и под землей), на которой, по летописным данным, совершалось крещение киевлян. В былине она именуется Пучай-рекой, и именно на ней происходит бой Добрыни с огненным Змеем. «Былина «Добрыня и Змей», — пишет Рыбаков, — вне всяких сомнений, отражает победу над язычеством, над самыми жестокими, кровавыми элементами погребального ритуала и культа богов, требовавших человеческих жертв»[1].

Он указывает также, что ряд атрибутов Змея, с которым борется Добрыня, напоминает именно Перуна, чьи идолы были окружены грандиозными кострами, на которых сжигались жертвы, в том числе и человеческие. То есть Перун, чей главный храм стоял, как мы помним, на Старокиевской горе, к этому времени давно превратился в глазах русского народа в кровожадного огнедышащего Змея Горыныча.

Таким образом, былина «Добрыня и Змей» отражает и сливает воедино несколько событий: борьбу Добрыни с Перуном и победу над ним в 980 году, свержение Перуна в 985-м, но также и Почайну (вероятно, 986 года). Характерно, что былина приписывает победу над Перуном и крещение Руси не Владимиру, а Добрыне. Это перекликается со сведе-

[1] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, с. 71.

ниями некоторых летописей об активном участии Добрыни в введении новой веры; например, о том, что он ставил в разных городах Руси епископов. И, зная положение Добрыни в то время, его действительно можно считать также истинным крестителем Руси.

Я уже говорил, что о дате, месте и подлинных обстоятельствах крещения Владимира и Руси в науке издавна ведутся споры, и, видимо, они будут продолжаться, поскольку летописная версия крайне тенденциозна, а другие письменные версии методически уничтожались еще во времена триумвиров. «Корсунская легенда» о крещении Владимира давно признана в науке очевидной поздней фальшивкой. Так, известный специалист по Древней Руси В. Г. Брюсова считает, к примеру, что в ней использованы сведения о событиях из походов на Византию его внука — Владимира Ярославича Новгородского.

Не претендуя на то, чтобы положить конец научной контроверзе о крещении Руси, изложу его обстановку так, как она представляется в свете нашего путешествия по следам Добрыни.

Картина крещения даже в летописи не производит впечатления внезапного озарения Владимира свыше светом истинной веры. А если поглядеть трезво, то четырехкратная смена верховных культов державы (менее чем за десятилетие!) вообще не может объясняться религиозными причинами. Так часто религиозных убеждений не меняют ни отдельные люди, ни тем более народы. Но на Руси с калейдоскопической быстротой единовластие Перуна сменяется Шестибожием, затем Пятибожием и наконец крещением. *Такая серия быстрых смен верховных богов Руси совершенно очевидно могла иметь только политические причины*, притом причины внутренние.

Если бы Пятибожие оказалось стабильным решением, то Русь на века так и осталась бы языческой страной. И ничего дурного в этом не было бы. Примеры Индии, Японии, Монголии, Китая и т. д. показывают, что многобожие абсолютно не помешало этим странам достичь высокой культуры, процветания, государственного единства, могущества. Широко распространенный взгляд, будто все такие блага — плод принятия единобожия, лишь миф, восходящий к богословию, но проникший и в науку. (Да и сам единобожный пантеон с его сонмом ангелов и архангелов, серафимов и пророков, святых и прочих священных персонажей есть всего лишь замаскированное многобожие.)

Русский языческий пантеон был ничуть не хуже любого

другого (вспомним хотя бы «Слово о полку Игореве»). И сохранение русского пантеона без Перуна не грозило Руси ни распадом единой державы, ни моральной или культурной отсталостью, никакими другими бедами. Никакой антитезой мнимой «тьмы» язычества и мнимого «света» христианской культуры на Руси той эпохи не было. Как не было и общего кризиса язычества.

Пятибожие не смогло стать стабильным решением исключительно по той же причине, что и Шестибожие — система территориальных богов не допускала объявления Хорса или Даждьбога небесным государем державы без перенесения столицы из Киева в Новгород или Коростень, где испокон веков и навечно стояли их главные храмы. И это означало, что надо приглашать нового верховного бога со стороны (а заодно и нового небесного князя Полянского). Вот это-то и вызвало выбор вер. Он кончился действительно выбором христианства, что дало Добрыне возможность решить «квадратуру круга»: обзавестись надежным небесным государем, сохранить Киев как столицу державы и закрепить в державе с помощью новой веры новгородско-древлянскую гегемонию.

Добрыня выбирает веру. Как только манифест Владимира о смене царствующей династии был оглашен, Добрыня сразу же принялся за выбор новой веры. И никакие миссионеры для этого ни ему, ни Владимиру не понадобились. Более того, всякого иноземного посланца, осмелившегося поучать могучих соправителей, что их боги-де «просто дерево», они выгнали бы. Не стал бы Добрыня и слушать, как миссионеры чернят веры его союзников (а тем более чернить их сам). Он просто искал, какая же вера лучше позволит заполнить ставший вакантным небесный трон Руси. Ведь ему предстояла жестокая схватка с Печенегией, а вести такой бой, не имея небесного государя, Русь, по тогдашним понятиям, не могла.

С магометанством Добрыня только что познакомился лично в Биляре. Познакомиться же с обоими вариантами христианства — латинским и славянским богослужением — сыну чешской принцессы было проще простого в соседней и союзной Чехии. И хазарский прецедент выбора вер тоже был ему отлично известен. Взвесив все эти сведения и обстановку, Добрыня сделал свой выбор.

Верой было выбрано христианство со славянским языком. Отнюдь не из Византии, а из союзной славянской Чехии. Славянское богослужение было введено в Чехии еще в IX веке лично святым Мефодием. С тех пор оно там сохра-

нялось, соперничая с латинским. Соперничество это отражалось и при дворе. Добрыня выбрал вариант славянский. Такой выбор не означал политического подчинения ни Риму, ни Византии.

Полянской земле Добрыня выбрал новую небесную княгиню — Богородицу Полянскую. Именно ей посвятил Владимир главный храм земли, Десятинную церковь, чей фундамент сохранился и поныне (она разрушена Батыем). Эта «Нотр-Дам Киевская» в новой системе унаследовала политическое место храма Шестибожия, превратившегося после свержения Перуна в храм Пятибожия. Но небесной государыней Руси Богородица Полянская не стала, так как Добрыня отделил церковную столицу Руси от светской.

На пост небесного государя Руси Добрыня избрал Саваофа, но не в иудейском варианте, а в христианском, где он является Богом-Отцом. И здесь он стал Саваофом Новгородским и всея Руси. Так была закреплена новгородская гегемония в державе. Главным храмом Руси и коронационным собором Древлянской династии стала, как уже говорилось, построенная Добрыней дубовая София Новгородская. Политически она унаследовала место главного храма Хорса Новгородского — и в своей земле, и во всей державе.

Вероятно, в предпочтении христианства сыграло роль то, что ни в исламе, ни в иудаизме не было достаточно представительной фигуры в небесные князья Полянской земли, а в христианстве имелся целый выбор таких фигур, которым можно было посвятить главный киевский храм. В выборе же варианта христианства со славянским языком роль сыграло вовсе не великолепие службы, совершенной в Царьграде самим патриархом, как уверяет летопись. Этот мотив также анекдотичен, ибо речь идет явно о грандиозной Софии Константинопольской, но такой храм был и во всей Византии один, построить столь колоссальный купол на Руси было вообще нельзя, а, кстати, служба в Византии велась на греческом языке (откуда вдруг на Русь была принесена греческая вера, но со славянским языком, летопись толком не объясняет).

Добрыня выбрал вовсе не греческую веру, а славянский язык культа. Это обеспечило Руси сохранение письменности на родном языке (тогда как на Западе развитие письменности на родных языках латынь затормозила на многие века). Но русская грамота как таковая не была, вопреки церковным легендам, ни плодом крещения, ни тем более даром Византии. На русском языке составлялись еще дого-

воры с Византией начала X века и летопись Аскольда конца IX века. Русские переводы нескольких книг Библии нашел, к своему изумлению, в IX веке будущий святой Кирилл как раз за год до составления им общеславянской грамоты. Есть большое вероятие того, что это была языческая русская грамота, составленная жрецами Перуна Полянского еще в VIII веке.

Главные храмы новых богов в отличие от старых могли быть размещены Добрыней и Владимиром где угодно. Саваоф же был, вероятно, выбран Добрыней с учетом хазарского опыта. Он зарекомендовал себя в Хазарии как могучий небесный государь, успешно тягавшийся на международной арене с небесными владыками других великих держав — Византии и Халифата. Это подходило и для Руси. Но так же, как бог, небесный государь, не в пример им веротерпимый внутри собственной страны. И это тоже годилось для Руси, ибо приглашение Саваофу делалось от имени Пятибожия.

К тому же несколько русских земельных богов побывали его вассалами и отлично с ним уживались. Добрыня ожидал, что Саваоф и в христианском варианте проявит такие же качества, проявляя мудрость. Ведь это его, Саваофа, «премудрость воздвигла себе храм», говорится в Ветхом завете (о храме Соломона). И София Новгородская, храм Софии — Премудрости Божьей, была посвящена именно Саваофу. Та же Брюсова отмечает, что в византийской трактовке София-Премудрость отождествлялась с Христом, а в поздней, московской, с Богоматерью. Византийской трактовке Софии Добрыня противопоставил собственное — русское и новгородское.

Крещение Руси было следствием победы новгородского оружия 980 года и несло ее отпечаток. Датировать его, видимо, надо 986 годом, за два года до Корсунского похода, как пишет в XI веке монах Иаков, биограф Владимира.

Веротерпимое христианство. Но зачем же Добрыне могла понадобиться веротерпимость Саваофа? Разве он не изрубил в щепы Хорса с Даждьбогом и прочие статуи? Разве не подверг всех языческих богов гонениям? Нет, о расправе со своими испытанными покровителями, да и об экзекуции прочих земельных богов, помогших так недавно завоевать победу, не могло быть и речи. Веротерпимость не распространялась только на Перуна, предателя Руси и заклятого врага свободолюбивой династии. Всем же прочим русским богам она была предоставлена.

В них можно было и далее свободно верить, свободно им поклоняться. Но они «добровольно отказались» от челове-

ческих жертв в знак уважения к гуманным правилам своего нового сюзерена. А в солнечных ликах Хорса и Даждьбога кто хотел, мог отныне видеть только княжеский герб Владимира, но кто хотел, мог видеть богов. И даже слить их воедино с Саваофом и Христом.

На Руси было введено не просто христианство, а двоеверие. Над ее системой земельных богов был, так сказать, надстроен второй этаж — и каждый русский волен был чтить земельных богов любой веры (в Белгороде при этом вокняжился Христос Древлянский).

Веротерпимость к языческим богам, как правило, не была характерна для христианских стран, и тем более в ту эпоху. Византийское христианство, в частности, отличалось религиозными гонениями, жестокой нетерпимостью — к ересям, к другим единобожным верам, тем более к язычеству. Но на Руси при Владимире веротерпимость была. Одно из подтверждений тому любопытный факт: в двенадцатилетней смуте после смерти Владимира ни один претендент на трон не был ни защитником христианства от язычества, ни защитником старой русской веры от христианства. Такое возможно только при веротерпимости. Что до поговорки «Добрыня крестил Новгород огнем, а Путята мечом», то она взята из Иоакимовской летописи, как мы помним, резко враждебной Добрыне и Владимиру и пытавшейся передать заслугу крещения Руси Ярополку. Такая версия могла быть выгодна только сыну Ярополка Святополку I. Это указывает, что в Иоакимовской летописи использованы фрагменты его, Святополка, летописи.

А вот триумвиры в ходе своих кровавых расправ любили рядиться в мантию защитников христианства от язычников. Всеславу они ставили в вину, что к Полоцкому двору было вхоже и языческое духовенство, и вписали в свою летопись, будто и самого Всеслава княгиня Полоцкая родила с помощью волхвов. В 1071 году их карательная экспедиция обвинила в язычестве весь Новгород (где стоял первый русский собор).

Есть в христианском культе времен Владимира и другие странности. Так, во всем тогдашнем христианском мире имелись монастыри, а вот на Руси при Владимире их почему-то не было (понимай, что Добрыня и Владимир не доверяли монахам). Так, Владимир, крестившись, и не подумал из всех жен оставить только одну — Анну Византийскую. Обследование скелета одного из его сыновей, Ярослава, показало, что он на 10 лет моложе, чем указано в летописи. Зачем же была сделана ложная датировка? Чтобы предста-

вить этого сына Рогнеды рожденным еще до крещения Владимира. На деле же и после крещения законные жены Владимира продолжали рожать ему княжичей. Прогнать Малфреду и «булгарыню» означало бы для Владимира разорвать ценные союзы с Чехией и Булгарией. Словом, Владимир и после крещения остался многоженцем.

Но как же это было возможно? А по прецеденту библейских правоверных царей. Владимир счел, что это подобает и ему как могучему государю.

В. Г. Брюсова в своей докторской диссертации о Софии Новгородской подметила в этом храме загадочные элементы... огнепоклонства! Можно предположить, что это унаследовано от языческого патрона Новгорода, огненного бога Хорса. И что к Хорсу восходит такой «новгородизм», как известная легенда о том, что бог в куполе Софии держит в своей сжатой деснице судьбу Новгорода. Ведь при Добрыне в могучей руке Хорса Новгородского оказалась судьба не только Новгорода, но и всей Руси. Не было ли сжатой десницы уже в храме Хорса? И не были ли некоторые атрибуты Хорса Новгородского переданы христианскому патрону Новгорода — Софии, преемнице Хорса?

В языческом мире передача одному богу атрибутов другого и слияние их в одно лицо практиковались очень широко — по политическим причинам. Так, политика передала римским богам после завоевания Греции биографии греческих богов. Так, политика создала, к примеру, сначала бога Амона-Ра, а затем и бога Юпитера-Амона.

Но разве возможно такое с единобожными религиями? Возможно. Так, Христос присвоил «день рождения» своего опасного конкурента в Позднем Риме, солнечного бога Митры (это и по сей день праздник Рождества). Испытал это и Саваоф. На еврейских фресках античности (именно из них выросла затем вся христианская живопись) он изображался не так, как люди. Фигуры людей написаны во весь рост, но Саваоф оставался невидимым богом, изображалась лишь его могучая рука, простертая с неба. Но, став христианским богом, тот же Саваоф обрел тело и лицо могучего старца — скопированные с языческого Зевса.

Веры тоже не раз менялись в истории по воле могущественных монархов. Так, англиканская церковь с ее чертами, промежуточными между католицизмом и протестантством, создана волей короля Генри VIII. Некоторые государи, притом разных континентов, пытались даже слить воедино несколько разных религий. Словом, если бы Добрыня в зените власти объявил, что он теперь понял, что Хорс есть

на самом деле Саваоф, а Даждьбог тождествен с Христом, никто возражать ему не посмел бы. А их жрецы рады были бы сохранить свои посты, подтвердив такое отождествление, как делали жрецы Египта и Греции.

Но не будем пытаться разгадать все тайны и детали крещения Руси. Возможно даже, некоторые из них вообще не удастся разгадать никогда. Перейду к дальнейшим действиям Добрыни.

Корсунь. Это было русское название того самого Херсонеса, где Константин наткнулся на русские переводы Библии. Поход Владимира на Корсунь послужил преддверием решающей схватки с Печенегией. Однако проход русских войск в Крым через печенежскую территорию был невозможен без соблюдения мира с Печенегией.

Этот поход иной раз рассматривают как продолжение войны Святослава с Византией. Но он от нее резко отличен. Добрыня не пытался ни сокрушить Византию, ни изгнать ее из Европы. Роковой конфронтации со всей мощью Византии Добрыня не допустил, выбрав театр военных действий, куда Византии было трудно перебросить через море крупную армию. Цель похода Добрыня поставил строго ограниченную и для удара выбрал одну «болевую точку» — Корсунь. Город был осажден и взят, что продемонстрировало унижение надменной Византии и силу Руси.

За возвращение Корсуни Владимир потребовал руки византийской принцессы Анны — в младшие жены! И получил ее, что подняло престиж Руси. И вдобавок Добрыня получил за Корсунь нужные ему заверения в том, что Византия, если у Руси вспыхнет конфликт с Печенегией, станет соблюдать нейтралитет.

Корсунская победа была также одним из отдаленных последствий победы новгородского оружия 980 года — и выдающееся участие в ней новгородских полков весьма вероятно. Была она и «проверкой боем» новых небесных патронов. Несмотря на внешнее сходство веры, держать сторону Византии они в этой схватке не стали. И оба собора, заложенные в 989 году, София Новгородская и Десятинная церковь в Киеве, абсолютно не были знаком триумфа греческой веры (тем более что ее на Руси в тот момент скорее воспринимали как чешскую веру). Оба храма были заложены как памятники победы над Византией, над великой державой, памятники славы русского оружия.

Третьим ее памятником стала заложенная на реке Рось крепость, получившая название Корсунь (нынешний город Корсунь-Шевченковский). Памятники Корсунской победы

от дальнего Севера Руси до ее южной границы свидетельствуют, что победе этой тогда придавалось большое значение.

В зону прочного мира Византия не вошла. Для этого хищная и деспотичная Византийская империя решительно не годилась, так как была оплотом религиозного, национального и социального гнета. Да Добрыня на это и не рассчитывал. Но того, что хотел, он достиг: теперь Печенегия была изолирована на международной арене. Теперь можно было приступать к решению одной из самых тяжелых проблем — печенежской.

Богатырские заставы. Летописная статья 988 года, начинающаяся описанием Корсунской кампании, заканчивается так: «И сказал Владимир: «Плохо, что мало крепостей вокруг Киева». И стал ставить крепости по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне». Этот знаменитый пассаж говорит о начале строительства пяти поясов крепостей вдоль пяти рек, впадающих в Днепр. И добавлено, что в гарнизоны этих крепостей Владимир ставил новгородцев и воинов из других земель русского Севера и Востока.

Все эти пять рек текли в Полянской земле. Но южная граница ее была открытой и беззащитной. Так получилось потому, что Змиевы валы строились последовательно против сарматов, готов, гуннов и аваров. Но не против хазар. Академик Рыбаков отмечает, что хазарское иго есть выдумка Варяжского дома, дабы представить Олега Вещего «освободителем» от него. Реально никаких следов вымышленного хазарского ига не найдено. И русские в VII веке здраво усмотрели угрозу вовсе не в хазарах, а в завоеваниях Халифата и вынесли следующую линию Змиевых валов далеко на юго-восток — на Большой Кавказский хребет, для чего несколько южных и восточных земель Руси вступили, с сохранением всех своих вольностей, богов и династий, в Хазарскую федерацию. Когда потом Полянская и Северская земли (а возможно, и Уличская с Тиверской) из нее вышли и создали собственную великую державу — Киевскую Русь, Хазария стала ее союзницей — и укреплять дружественную границу стало незачем.

Но когда сюда вторглись печенеги, а Киев оказался в руках варягов, обстановка резко изменилась. Варяжский дом заключил со степняками союз и держал печенежскую саблю перманентно занесенной над головой своих свободолюбивых русских подданных, чтобы те не вздумали восставать. Угроза печенежской интервенции была сильнейшим оружием Олега и Игоря, ради чего они намеренно держали

возникшую на месте хазарской печенежскую границу открытой, не строили на ней крепостей. У Ольги на укрепление этой границы не хватало времени, Святослав угрозы, как мы знаем, недооценил. А политику Свенельда и Ярополка в печенежском вопросе мы уже видели.

Но теперь на южных рубежах Руси стали вырастать богатырские заставы Владимира Красно Солнышко, воспетые в былинах. Только Владимир Древлянский оградил наконец Полянскую землю (а с ней и всю Русь) надежным щитом крепостей от печенегов. Тысячи русских сел, десятки городов, как подчеркивает Рыбаков, были избавлены от ужасов печенежских набегов. И сам Киев впервые был выведен из-под прямой угрозы удара степных захватчиков.

Заселение новых крепостей гарнизонами мотивировано в летописи тем, что «была война с печенегами». Между тем в момент Корсунского похода этой войны, как уже сказано, не было и быть не могло. А начал ее хан Печенегии, взбешенный тем, что на беззащитной прежде русской границе стал вырастать неприступный барьер крепостей.

Война была для Руси тяжелой, затянулась на много лет. Не раз удавалось печенегам прорываться почти до Киева, осаждать Белгород, но все усилия хана оказались тщетными: помешать строительству крепостей он так и не смог. Щит крепостей надежно служил потом Руси и против печенегов, и против половцев, вплоть до татарского нашествия.

Замысел щита крепостей и начало его выполнения несомненно принадлежат Добрыне. Недаром же в былинах мы видим его нередко на богатырских заставах, строительство которых и в жизни он, конечно, посещал. Но завершить многолетнее строительство выпало уже на долю одного Владимира — заставы неразрывно связаны с его именем. Их поэтическим воплощением является и та богатырская застава, в которой мы видим Добрыню на васнецовской картине.

Сооружение щита крепостей было заключительным подвигом Добрыни, обессмертившим вслед за другими его подвигами и «распасением» всей Руси его имя на века. Завершить этот подвиг, достроить щит крепостей от Печенегии, Добрыня завещал своему достойному воспитаннику — Владимиру.

12 земель Руси. Единственным, чего Добрыня не смог добиться, было освобождение Уличской земли из-под власти Печенегии. Цель эта в ходе долгих войн Владимира с печенегами ставилась, но не была достигнута, так как сначала Варяжский дом, а затем Свенельд сдали печенегам слишком много военных козырей. Практически Руси приш-

лось выбирать между ограждением южной границы Полянской земли и возвращением Уличской. На решение обеих задач сразу сил не хватило.

Однако Добрыня с Владимиром продолжали числить Уличскую землю в составе Русской державы. Реально земель Руси стало в 980-х годах 11: Полянская, Древлянская, Новгородская, Полоцкая, Дреговичская, Смоленская, Ростовская, Радимичская, Вятичская, Тмутараканская и Волынская. Но вместе с Уличской (союзницей Древлянской еще с IX века) их было 12.

Я уже говорил о странной роли цифры 12 в многоглавии соборов Древлянского дома. Похоже, причиной этого было как раз «двенадцатиземелие» тогдашней Руси, получившее своеобразное осмысление в культе новой, христианской, веры.

За христианский образец государственного устройства Руси была, видимо, взята Добрыней и Владимиром отнюдь не деспотическая Византийская империя, чьи принципы были для вольнолюбивой Руси глубоко чужды, а библейская федерация 12 свободолюбивых племен, вырвавшихся из-под ига фараона и ведомых могучей рукой Саваофа. Истинными преемниками их были объявлены 12 федеральных земель Руси. (Много веков спустя эта библейская федерация была провозглашена образцом для строя 7 провинций протестантской Голландии. И кстати, это здесь тоже сочеталось с веротерпимостью).

Свержение варяжского ига было сопоставлено с избавлением от ига фараона (как было с ним же сопоставлено позже Голландией свержение испанского ига).

О принципиальной важности, придаваемой федеральному принципу, свидетельствует и каганский титул Владимира (известный монаху Иакову). Это императорский титул хазарского происхождения. Он не мог быть принесен ни из Скандинавии, ни даже из Новгорода, ибо там такого титула не было. Титул этот означал федеративную империю, великую державу, но принципиально отличную от империй деспотических, будь то Халифат или Византия.

Бессмертие Добрыни. Былина не любит хоронить своих героев, они в ней как бы продолжают жить вечно. (Исключение составляет поздняя былина о гибели всех русских богатырей, сложенная уже во время ордынского ига и как раз в попытке объяснить, что богатыри его не допустили бы.) Былина игнорирует даже заведомую трагическую гибель Олега Древлянского. И конечно, специальной былины о смерти Добрыни, одного из любимых героев, нет. Он в

былине всегда либо в испытаниях юности, либо в подвигах зрелости.

Но реально Добрыня должен был когда-то умереть. Когда? Где? Как? Раз ответов нет в былине, их следовало бы искать в летописи. Но их нет и там. Со страниц летописи Добрыня внезапно исчезает в зените могущества, в 985 году. В Булгарской кампании его слово решает вопросы войны и мира, Владимир на престоле все еще слушается его. И затем Добрыня неожиданно исчезает, просто испаряется бесследно, словно бы он третьестепенная фигура. Как когда-то испарился со страниц летописи его отец, Мал...

В данном случае это сделано явно для того, чтобы скрыть роль Добрыни в крещении Руси и в строительстве богатырских застав. На деле же дату и обстоятельства смерти и погребения такой державной фигуры, как Добрыня, знал в то время каждый русский.

Добрыню оплакивала вся страна. И в летописи Владимира, как и в Новгородской, непременно было записано, когда, где и от чего Добрыня скончался, и описаны были его торжественные похороны. Точно так, как это можно прочесть и сейчас в летописи о государях да и о некоторых других князьях.

Но все эти и другие данные о поздних годах Добрыни и его кончине из летописи злонамеренно выброшены. Как и вся вторая половина царствования Владимира. Как и Древлянская династия. Как и династия Киевичей. И как еще многое другое. Сейчас можно лишь предположить место погребения Добрыни — Софию Новгородскую, ибо даже если он умер где-нибудь в пути, его тело должны были доставить туда для погребения. Но приходится ли его кончина на 90-е годы X века или уже на начало XI века, сказать нельзя. И тем более нельзя назвать ее точной даты. Зато положение Добрыни до самой смерти остается ясным — он соправитель Владимира и наследственный владелец княжества Новгородского с титулом посадника.

Да, летопись триумвиров вычеркнула многие сведения о Добрыне. Но изгладить его имя из памяти народной триумвиры так и не смогли. Имя Добрыни запомнила былина — через голову великого множества князей. Кто помнит сейчас имена кровавых триумвиров? А имя Добрыни Никитича, окруженное любовью и восхищением, русский народ лелеял в былинах целое тысячелетие как одно из самых дорогих имен.

Заключение

Наше путешествие по следам Добрыни подошло к концу. Перед нами прошла вся его жизнь с ее фантастическими превратностями и непредвиденными поворотами судьбы. С ее тяжкими испытаниями и трагедиями, великолепными взлетами и победами. Жизнь, целиком посвященная Руси, неустанной борьбе за свободу и счастье родного народа.

Я начинал книгу с приглашения отправиться в путешествие по следам человека, в котором, вероятно, многие читатели склонны были видеть фигуру мифическую. Но по мере того как продолжалось путешествие, перед нами вырастала во весь рост колоссальная фигура вполне реального человека, чьи следы остались на карте Родины во множестве мест (и могут отыскаться и в других местах).

Конечно, что-то в этом поистине необыкновенном путешествии выяснилось в биографии Добрыни и его рода твердо, а что-то предположительно. А что-то, вероятно, и просто спорно. Но иначе и быть не могло, ибо мне довелось первому восстановить в правах забытое открытие Д. И. Прозоровского, первому отправиться в путешествие по следам Добрыни и первому написать его развернутую биографию, какой она может вырисовываться в свете данных, которыми сегодня располагает наука. Возможно, к ним потом прибавят и новые. Но это в истории любой науки явление нормальное, равно как и научная контроверза. И оно не могло послужить причиной отложить эту книгу до отдаленных времен.

Имя Добрыни сохранила и воспела былина. Его прославила могучая кисть Виктора Васнецова. Его дела пристально изучает историческая наука. И имя Добрыни не изгладится из благодарной памяти русского народа и со страниц мировой истории никогда.

Содержание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ» ВЫПУСКАЕТ В 1987 ГОДУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО АЛЬПИНИЗМУ И ТУРИЗМУ:

Пиратинский А. Е. ПОДГОТОВКА СКАЛОЛАЗА.

Перегудов В. М. РАЗБОРНЫЕ ТУРИСТСКИЕ ПАРУСНЫЕ СУДА.

Холт К. СОСТЯЗАНИЕ. Перевод с норвежского (серия «Необыкновенные путешествия»).

Криволуцкая Л. И. ПО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ (серия «По родным просторам»).

Дерикочма Н. А. КУБАНЬ (серия «Библиотечка туриста-водника»).

Озерянский В. Б. ОЗЕРО СЕЛИГЕР (серия «Библиотечка туриста-водника»).

Серия «Необыкиовеииые путешествия»

Анатолий Маркович Членов

По следам Добрыни

Заведующий редакцией Э. П. Кияи. Редактор Л. Г. Трипольский. Младший редактор Л. И. Рейз. Художиик М. В. Бакурии. Художествеиный редактор Ю. В. Архаигельский. Техиический редактор О. А. Куликова. Корректор Г. Б. Пятышева.

ИБ № 1513

Сдаио в иабор 19.02.86. Подписаио к печати 22.07.86. А02401. Формат 84×108/32. Бумага офс. № 2. Гарнитура таймс. Высокая печать. Усл. п. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 16,86. Тираж 75 000 экз. Издат. № 7214. Зак. № 1126. Цеиа 1 р. 40 к.

Ордеиа «Зиак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государствеииого комитета СССР по делам издательств, полиграфии и киижиой торговли. 101421, ГСП, Москва, К-6, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбииат Союзполиграфпрома при Государствеииом комитете СССР по делам издательств, полиграфии и киижиой торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

